

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Санчиров В. П.</i> К вопросу о дурбэн-ойратском союзе 7
	<i>Джунджузов С. В.</i> Динамика численности населения в Ставропольском калмыцком войске (1737–1842 гг.) 13
	<i>Лиджиева И. В.</i> Источники по истории местного самоуправления Калмыкии в середине XIX в. (на материалах Национального архива Республики Калмыкия) 20
	<i>Бадмаева Е. Н.</i> Женщины Калмыкии в акциях протеста 1930-х гг. 24
	<i>Цуцулаева С. С.</i> Представители репрессированных народов Северного Кавказа в движении Сопротивления в Европе 28
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Салыкова В. В.</i> Колоративная лексика в языке синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: сравнительно-статистический анализ 32
	<i>Клюшин П. В., Маркасова Е. В.</i> Конструкция <i>не я (ты) ли</i> + <i>имя существительное</i> vs <i>прилагательное</i> и распределение коммуникативных статусов 36
	<i>Глушкова Т. С.</i> Концепт <i>вред</i> в русском языке и особенности рекламного дискурса 43
	<i>Джушхинова К. А.</i> «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры 48
	<i>Мызникова Я. В.</i> Причины коммуникативных неудач в процессе полевого сбора лексического материала 53
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	<i>Басангова Т. Г.</i> Калмыцкие родовые дразнилки 57
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Ханинова Р. М.</i> Репрезентация «свой» — «чужой» в рассказе А. Серафимовича «Степные люди» 61
	<i>Иванова Д. А., Ханинова Р. М.</i> Образ калмыцкой женщины-кавалериста в прозе А. Исбаха 65
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	<i>Батырева С. Г.</i> Джангариада во времени и пространстве живописи Г. О. Рокчинского 69
ПЕДАГОГИКА	<i>Головкин Н. В.</i> Становление компетентностной парадигмы в обучении физике в школьном образовании Украины: опыт теории и практики 74
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	<i>Гунаев Е. А.</i> Этническая идентификация: правовые аспекты 81
ЭКОНОМИКА	<i>Азыдова А. В.</i> К вопросу о нормативном регулировании внутреннего контроля в России и в мире 86
	<i>Емгушева Э. В.</i> Конвергенция уровня регионального развития и личной экономической безопасности 92
	<i>Бородин А. И., Конорев В. В.</i> Методология определения ценности информации в региональных задачах принятия управленческих решений с учетом условий неопределенности 96
	<i>Богзыков Ю. С.</i> К вопросу о сельскохозяйственной кредитной кооперации на Юге России 104
	<i>Денисова С. А.</i> Региональные долги: анализ и перспективы 108

	<i>Наминова К. А.</i> Экологическое страхование как инструмент обеспечения устойчивого развития России	115
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Страдзе А. Э.</i> Социальная активность и идентификационные тренды в российском обществе	119
	<i>Чурюмова Д. М.</i> Основные тенденции в демографическом процессе населения Республики Калмыкия	124
	<i>Винокурова Д. М.</i> Мигрантские и местные сообщества: факторы консолидации (на материалах Республики Саха (Якутия))	130
БИОЛОГИЯ	<i>Инджеева Л. А., Бакташева Н. М.</i> Биологические особенности и структура природных ценопопуляций <i>Iris scariosa</i> Willd. ex. Link в Республике Калмыкия	135
	<i>Бакташева Н. М., Хазыкова Н. Б.</i> Особенности сезонного развития псаммофильной растительности в Черноземельском районе Республики Калмыкия	140
РЕЦЕНЗИИ	<i>Максимов К. Н.</i> Рец. на: Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.	143
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		149
АННОТАЦИИ		151
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ		158

CONTENT

HISTORY	<i>Sanchirov V.</i> On the Question of Durben-Oirat Alliance	7
	<i>Dzhundzhuzov S.</i> Dynamics of Population in the Stavropol Kalmyk Army (1737–1842)	13
	<i>Lidzhieva I.</i> Sources on the History of Local Government in Kalmykia in the middle of the XIX century (on materials of National Archive of Republic of Kalmykia)	20
	<i>Badmaeva E.</i> Women of Kalmykia in the Protests in the 1930-s	24
	<i>Tsutsulaeva S.</i> Representatives of the Repressed Peoples of the North Caucasus in the Movement of Resistance in Europe	28
LINGUISTICS	<i>Salykova V.</i> Color-Denoting Lexic in the Language of Xinjiang-Oirat and Kalmyk Version of the Epos «Dzhangar»: a Comparative and Statistical Analysis	32
	<i>Klushin P., Markasova E.</i> Construction <i>Particle ne + Pronoun Ya/Ty (I/you, sing.) + Intensifying Particle li + Noun vs Adjective</i> and Distribution of the Communicative Statuses	36
	<i>Glushkova T.</i> Concept <i>Harm</i> in the Russian Language and peculiarities of Advertising Discourse	43
	<i>Dzhushkhinova K.</i> «White road» as a Precedent Sign of the Kalmyk Linguistic Culture	48
	<i>Myznikova Y.</i> Causes of the Communication Failures in the process of Field Data Collection of lexical Material	53
FOLKLORISTICS	<i>Basangova T.</i> Kalmyk Tribal Tauts	57
LITERATURE STUDIES	<i>Khaninova R.</i> Representation of «One's Own» — «Alien» in the Story of A. Serafimovich «Steppe People»	61
	<i>Ivanova D., Khaninova R.</i> Image of the Kalmyk Cavalry woman in the Prose of A. Isbah	65
ART STUDIES	<i>Batyreva S.</i> Dzhangariada in Time and Space in Painting of G. Rokchinsky	69
PEDAGOGICS	<i>Golovko N.</i> Formation of Competence Paradigm in Teaching of Physics in the School Education of Ukraine: Experience of Theory and Practice	74
JURISPRUDENCE	<i>Gunaev E.</i> Ethnic Identification: Legal Aspects	81
ECONOMICS	<i>Azydova A.</i> On the Question of Normative Regulation of Internal Control in Russia and in the World	86
	<i>Emgusheva E.</i> Convergence of Level of Regional Development of Economic Security	92
	<i>Borodin A., Konorev V.</i> Methodology of Defining of Value of Information in Regional Aims of Passing Managerial Decisions with regard due to Ambiguity	96
	<i>Bogzykov J.</i> On the Question of Agricultural Credit cooperations	104
	<i>Denisova S.</i> Regional Debts: Analysis and Prospects	108

	<i>Naminova K.</i> Environmental Insurance as a Tool of Providing of Sustainable Development of Russia	115
SOCIOLOGY	<i>Stradze A.</i> Social Activity and Identifying Trends in the Russian Society	119
	<i>Churyumova D.</i> Main Trends in the Demographical Process of Population of the Republic of Kalmykia.	124
	<i>Vinokourova D.</i> Migrant Communities: Factors of Consolidation (according to the towns of Republic of Sakha (Yakutia))	130
BIOLOGY	<i>Indzheeva L., Baktasheva N.</i> Biological peculiarities and Structure of Natural Populations of <i>Iris Scariosa</i> Willd. ex. Link.	135
	<i>Baktasheva N., Hazykova N.</i> Peculiarities of Seasonal Development of Psammophilous Vegetation in the Chernozemelskiy District of the Republic of Kalmykia.	140
REVIEWS	<i>Maksimov K.</i> Review of <i>Population of USSR in 1937–1945: Measure and Forms. Russian Historiography</i> (Moscow: Rosspen, 2012. 350 p.), by <i>S. Kropachev, E. Crinko</i>	143
SCIENTIFIC LIFE		149
SUMMARIES		151
INFORMATION ABOUT AUTHORS		158

УДК 920.2
ББК 63.3 (2Рос=Калм.)

К ВОПРОСУ О ДУРБЭН-ОЙРАТСКОМ СОЮЗЕ

В. П. Санчиров

«Дурбэн-ойратами» назывался союз (конфедерация) западномонгольских кочевых этнополитических объединений, предшествовавших созданию в 1635 г. Джунгарского ханства (1635–1758 гг.). Монгольское и ойратское слово «дурбэн» (*dörben*, «четыре»), будучи присоединено к этнониму «ойрат», образует сложный термин «дурбэн-ойрат», передающий значение «союз четырех ойратов». Однако долгое время не было ясно, когда возник Дурбэн-ойратский союз и каков был его состав. Эта тема, как отметил в своей известной монографии «История Джунгарского ханства» И. Я. Златкин [Златкин 1964: 30–36], на протяжении полутора веков довольно подробно освещалась в исторической литературе. Подробно рассмотрев историографию данной проблемы, он пришел к неутешительному выводу о том, что «вопрос о составе ойратского союза и времени его образования всегда был неясен и запутан» [Златкин 1964: 35]. До недавнего времени в отечественной историографии выделялись две крайние, противостоящие друг другу точки зрения – «гиперкритическая» академика Б. Я. Владимирцова и «удревнительная», которой придерживались акад. С. А. Козин и калмыцкий ученый Г. О. Авляев. Остановимся подробнее на них.

Б. Я. Владимирцов, внесший огромный вклад в изучение истории Монголии, утверждал, что «многие, совершенно неверные взгляды на ойратов, как на «союз», ... начались с известной книги о. Иакинфа (Бичурина) «Историческое обозрение ойратов или калмыков» (СПб., 1834) [Бичурин 1991]. Ее автор связывал появление союза со свержением власти Юаньской династии и изгнанием монгольских завоевателей из Китая в 1368 г. (у Н. Я. Бичурина — в 1367 г.). Он считал, что «сие событие со-

ставляет Эпоху, с которой **Чжуньгарские Монголы** появились на политическом поприще под названием Ойратов» [Бичурин 1991: 24]. По его предположению, в этот союз первоначально входили «три сильных поколения: Чорос, Хошот и Торгот», а затем, когда из поколения чорос выделились дэрбэты, Ойратский союз, сделавшись четырехчленным, с середины XV века стал называться «Дурбэн Ойрат» (буквально «четыре ойрата») [Бичурин 1991: 25].

«Историческое обозрение ойратов...» Н. Я. Бичурина, стоявшего у истоков русского калмыковедения, представляет собой первое систематическое изложение истории ойратов (со второй половины XIV века) и калмыков (до начала XIX века) и содержит целый ряд утверждений и обобщений, не подкрепленных фактами и надежными доказательствами. Отсюда и суровая оценка академиком Б. Я. Владимирцовым книги Бичурина как «кишащей неточными и обобщенными указаниями» [Владимирцов 1934: 157]. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что в вопросе о времени возникновения Ойратского союза Н. Я. Бичурин, основывавшийся на фактическом материале, извлеченном из китайских источников, все-таки был ближе к истине, чем Б. Я. Владимирцов.

В своем классическом труде «Общественный строй монголов» Б. Я. Владимирцов высказал сомнения в самой исторической реальности существования такого союза. Он писал: «... так называемый «Ойратский союз», о котором так много говорят европейские ориенталисты, на самом деле никогда не существовал. Во всяком случае, монгольские и ойратские источники ни разу о нем не упоминают. По-видимому, представление об Ойратском союзе появилось под влиянием не совсем правильного пони-

мания слова *oyırad* как «близкие», значит, и «союзники». Из того факта, что существовало название *Dörben Oyırad* «Четыре Ойрата», никак нельзя сделать вывод о том, что союз был ойратский. ... Числа в данном случае обозначали или количество отоков, или туманов (тумэнов. — В. С.). Название **Dörben Oyırad** происходит от того же самого, обозначает: «четыре» (тумана) ойратов» [Владимирцов 1934: 157].

Точка зрения академика Б. Я. Владимирцова, отрицавшего сам факт существования Ойратского союза, имеет, как ни странно, сторонников и в наше время. Современный бурятский исследователь Д. В. Цыбикдоржиев в пространной статье, содержащей много не относящихся к данной теме сведений, категоричен в своих выводах. Он пишет: «В свете полученной информации нам остается присоединиться к старой гипотезе о том, что союза «четырёх ойратов» никогда не было, что это лишь превратно понятое выражение **дурбэн ойрад**, означающее этническое родство двух (!) племен — дурбэнов и ойратов» [Цыбикдоржиев 2012: 148].

Б. Я. Владимирцов справедливо отметил, что этноним «дурбэн-ойрат» появился во времена Чингис-хана, когда древнее племя ойратов вошло в состав созданного им монгольского государства. Как сообщает придворный историограф монгольских правителей Ирана, Рашид ад-Дин, ойраты в административном отношении были разделены на 4 «тысячи» [Рашид-ад-дин 1952: 269]. Это были скорее не «тысячи», а «тумэны» («тмы»), так как, по словам Б. Я. Владимирцова, Рашид ад-Дин довольно часто мешает «тысячу» с «туманом» [Владимирцов 1934: 157]. Считалось, что собственно монгольское войско «в век Чингиса и Юаньской династии» составляло 40 тумэнов. Отсюда берет начало формула общности двух родственных монголоязычных народностей восточных монголов и ойратов — Дөчин дөрвөн хоёр (букв. «Сорок и четыре»). «... Старые названия с числовыми показателями отоков или туманов жили даже тогда, когда всем было ясно и очевидно несоответствие с действительностью. ... В действительности же ойраты так же, как и восточные монголы, представляли собой конгломерат различных племен (улус), туманов и отоков, образовавших феодальные сеньерии. Вначале это феодальное кочевое объединение, по-видимому, имело одного сюзерена (тайши...); но впоследствии еди-

ного главы у ойратов не было, как не было в XVII в. и у восточных монголов» [Владимирцов 1934: 157].

В этническом отношении западномонгольские племена в период Средневековья также не представляли собой нечто устойчивое и однородное. Об этом свидетельствует самоназвание ойратов «дурбэн-ойрат». Именно так называли их калмыцкие историки Габан Шараб (в XVIII в.) и Батур-Убаши Тюмень (в XIX в.) в своих исторических сочинениях с одинаковым названием «Дөрвөн өөрдин түүк» («История дурбэн-ойратов»).

Точка зрения Б. Я. Владимирцова в вопросе о существовании «Союза четырех ойратов» имела и сторонников, к числу которых принадлежал И. Я. Златкин, и противников. Так, акад. С. А. Козин ошибочно предполагал, что ойратское государство, которое он называет «Союз четырех ойратов» («дурбэн-ойратов»), существовало уже в дочиңгисовский период как «четыреединый каганат» и именно в таком виде оно вошло в состав государства Чингис-хана. Затем, якобы, этот каганат «при Юаньской династии мыслился в составе государства чингисханидов, а в послеюаньский период — параллельно с этим последним» [Козин 1940: 3–5]. Он утверждает, что во времена правления знаменитых ойратских правителей Тогона-тайши и его сына Эсэн-хана (первая половина XV в.) ойратские ханы считают себя «более способными и достойными преемниками Юаньской династии», а при Эсэне «ойратское государство достигло полного расцвета своих сил и около 1440 г. имело уже достаточно сил для установления гегемонии над Халхой и для борьбы с Китаем» [Козин 1940: 3–5].

Еще более «удревнил» время образования Ойратского союза калмыцкий историк Г. О. Авляев, выдвинувший гипотезу о том, что этот союз «возник в середине IX века (после событий 840 г. — А. Г.), но как самостоятельное ханство (или государственное образование) Ойратия известна по письменным источникам во II половине XII и начале XIII века» [Авляев 1994: 128]. Подобный разброс мнений в трактовке данных вопросов наблюдается при сопоставлении взглядов всех исследователей, что объясняется недостатком письменных источников в то время, а то и полным отсутствием таковых. Поэтому у них реконструкции начальных этапов ойратской истории носят исключи-

тельно условный, гипотетический характер. Так, Г. О. Авляев, говоря о происхождении ойратов, основывается на сведениях из монгольских летописей XVII в.

Саган-Сэцэн, автор «Эрдэнийн Тобчи» («Драгоценное сказание»), сообщает, что четыре ойратских племени дочингисовой эпохи — элэты, багатуты, хойты и кэргүты (ögeled, bayatud, qoyid, kergüd) ведут свое происхождение от Дува-Сохора, потомка легендарных прародителей всех монголов, Бортэ-чино и Гоа-марал. У него было четыре сына — Доной, Докшин, Эмнэг и Эркэ, ставших родоначальниками четырех ойратских племен [Schmidt 1829: 57]. Об этом же говорится в «Алтан Тобчи» («Золотом сказании») Мэргэн Гэгэна, хотя сыновья Дува-Сохора не называются прямо родоначальниками ойратов: «Сыновьями Дова Сохора были Доной, Догшин, Эмнэг и Эрхэг. Потомки этих четырех есть среди Дорбэн ойратов» [Балданжапов 1970: 137].

Все эти сведения восходят, в конечном счете, к «Тайной истории монголов», где также рассказывается о двух братьях, Дува-Сохоре и Добун-Мэргэне, но ничего не сказано об ойратах: «После кончины Дува-Сохора четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мэргэна и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплеменное Дорбен-ирген» [Козин 1941: 80, § 11]. Что же касается Добун-Мэргэна, то известно, что он был женат на знаменитой прародительнице монголов, Алан-Гоа из племени хори-туматов, и является предком Чингис-хана в 11-м поколении по восходящей линии» [Козин 1941: 79–80, § 9, 10].

Калмыцкий исследователь Г. О. Авляев толкует этот этногенетический миф как «миф о первом разделе ойратов с монголами в лице двух братьев, Дува Сохора и Добун Мэргэна» [Авляев 1994: 130]. Появление мифа он относит к середине IX в., когда произошло такое «крупнейшее политическое событие того времени, как разгром Уйгурского каганата в 840 г. енисейскими киргизами и освобождение протомонголов» — «шивэй», или «отуз-татар» (30 племен «татар»), от уйгурского господства» [Авляев 1994: 130]. Главный вывод Г. О. Авляева гласит: «После событий 840 г. было положено начало монголоязычному древнеойратскому племенному союзу, включавшему

в домонгольский период четыре основных племени — олет (элёт), батут, хойт и кэргуд (т. е. киргизов с Енисея...), не считая мелкие племена и роды» [Авляев 1994: 131].

Отсутствие репрезентативных источников об этнических процессах, протекавших в Прибайкалье, Саяно-Алтайском нагорье и Западной Монголии, не дает конкретных оснований говорить о взаимосвязях ойратов с древними обитателями Монголии и Южной Сибири и о существовании Ойратского союза в дочингисовский период. Тем более такой союз не мог образоваться при Чингисхане и его преемниках. Только после 1368 г. — после падения династии Юань в Китае, в то время, когда монгольские ханы были заняты кровопролитной войной с Минской империей, правители западномонгольских (ойратских) племен смогли укрепить независимость своих владений и установить контроль над соседними территориями.

Населявшие их племена стали уходить из-под власти монгольских ханов и присоединяться к ойратам. Новое кочевое объединение представляло собой антимонгольский племенной союз. Среди его правящей верхушки не было мужских потомков Чингисхана. Японская исследовательница Дзюнко Мияваки справедливо указывает, что «те кочевые племена, которые не были монголами в истинном смысле, объединились против монголов в более узком смысле, поддерживавших династию чингисханидов, а их новый племенной союз стал именоваться «Дурбэн ойрат» по имени их главного племени» [Miyawaki 1991: 206]. Тогда-то, вероятно, и появилось выражение «dörben qatı ulus», что означало «четыре чуждых, неродственных народа». Ими в первой половине XV века была предпринята попытка добиться гегемонии ойратов над всей Монголией и заново объединить страну под властью энергичных и честолюбивых правителей, Тогона-тайши и Эсэн-хана.

Именно в это время в составе ойратов появляются новые этнополитические образования, вобравшие в себя различные кочевые группы, населявшие Западную Монголию. Во второй половине XV века они начали выдвигаться на ведущее место в социально-политической структуре ойратского общества, вытесняя на задний план старые роды и племена, остатки былой родоплеменной организации. Подтверждение этому мы находим в ойратских источниках, в которых появляются упоминания об Ой-

ратском союзе, хотя само слово «союз» не употребляется.

Хошутский нойон Батур-Убаши Тюмень в своей «Истории дурбэн-ойратов» («Dörbön Oyiradiyin tüüke»), написанной в 1819 г., приводит следующие данные о составе дурбэн-ойратов: «Одним из [подразделений] тех, кого называют дурбэн-ойратами, являются элэты (öyilöd)». Так как они, подстрекаемые желтым демоном (šaга šulma), удалились от ойратов, то их стали называть «элэтами». Уставщик (unzad) [монастыря] Раши Гомон Алдар-габджи в своей истории написал, что они растворились среди кизилбашей (xazalbaş-tu šinggeji). Второе [подразделение] – хойты и баатуы (хоуид батуд). Третье [подразделение] – баргуты и бурааты (барга бурад). Четвертое [подразделение] – дэрбэты, джунгары и хошуты, тумэты (dörböd zöün γar хошуд түмед). Ввиду того, что торгуты были опорой (tüšig) (т. е. находились в подчиненном положении. – В. С.) дурбэн-ойратов, они не [могли] подчинить себе ранее ставших известными ойратов» [Калмыцкая хрестоматия 1907: 25].

В приведенном отрывке ничего не сказано о том, к какому времени относятся сведения о составе дурбэн-ойратов и возникновении их союза. Упоминание в нем дэрбэтов и джунгаров (крупных кочевых объединений среди ойратов позднего средневековья) позволяет отнести приведенные сведения к более позднему периоду, не ранее XVII века. Поиск и выявление новых источников ойратской истории, введение их в научный оборот, изучение содержащихся в них сведений об этнической истории ойратов особенно активно велись учеными Китая в последние два десятилетия прошлого века и в первое десятилетие века нынешнего [Oyirad teüken surbulji bičig 1985; Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992]. В частности, получил положительное разрешение спорный вопрос о существовании Ойратского союза.

Накоплению новых знаний в немалой степени способствовало обнаруженное в Синьцзяне в 1982 г. ойратское историческое сочинение на «ясном письме», известное под названием «История Хо-Өрлөка» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 37–63; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 155–166]. Автор его неизвестен. Хотя оно невелико по объему и содержащиеся в нем сведения носят фрагментарный характер, по своему со-

держанию оно может быть отнесено к ряду особо ценных источников. Именно в нем мы находим сообщение об ойратских союзах, которые трижды формировались в истории дурбэн-ойратов. В других источниках подобные сведения с такими подробностями не приводятся, поэтому они вызвали особый интерес у исследователей. Основываясь на показаниях «Истории Хо-Өрлөка», они выявляют три периода в союзе дурбэн-ойратов по времени существования: 1. Первые Четыре Ойрата (Türügün Dörben Oyirad) (1437–1502); 2. Средние Четыре Ойрата (Dumdadu Dörben Oyirad) (1502–1637); 3. Последние Четыре Ойрата (1637–1758) (Segül-ün Dörben Oyirad) [Erdenebayatur, Coγtu 1987: 177; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 160–162].

О союзе Первых Четырех Ойратов неизвестный автор «Истории Хо-Өрлөка», написанной, как принято считать, во второй половине XVIII века, сообщает следующее: «Вообще-то в прошлом четыре племени, отделившись, составили [отдельное] племя под названием «Четыре Ойрата» (Dörben Oyirad). Первый Ойрат – это элэты (ögeled); второй Ойрат – это хойты и баатуы (qoyid батуд), объединившиеся вместе; третий Ойрат – баргу[-ты] и бурааты (баргу бурияд); четвертый Ойрат — это объединившиеся вместе четыре анги (родоплеменные подразделения. – В. С.). Когда эти Четыре Ойрата сформировались, то они стали называться Первыми Четырьмя Ойратами (Terigün Dörben Oyirad)» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 41; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 161–162].

Как видно из приведенного отрывка, этноним «ойрат», который в дачинговскую эпоху прилагался к отдельному, реально существовавшему племени из «лесных народов» Восьмиречья, спустя некоторое время превратился в собирательное название множества других, родственных ойратам либо живущих в близком с ними соседстве, племен. Каждое из них, будучи разного происхождения, внутри новой ойратской общности хотя и сохраняло собственное название, но в сношениях с внешним миром уже выступало под общим названием ойратов. Это объясняется тем обстоятельством, что ойратский предводитель Хутуга-бэки в 1207–1208 гг. добровольно капитулировал перед Чингис-ханом, и благодаря его заслугам ойраты (прежде всего их знать) заняли

в государстве монголов привилегированное положение. Поэтому другие родоплеменные подразделения «лесных народов» присвоили себе их славное имя и стали называть себя «ойратами».

Когда именно в юаньский период произошло изменение семантики термина «ойрат», неизвестно, но в послеюаньский период мы видим, что этноним «ойрат» в прежнем значении был замещен этнонимом «элэт» (ögeled, өөлд). В структуре Первого Союза Четырех Ойратов элэты фигурируют как первое, самое крупное родоплеменное подразделение, входившее в этот союз племен. Налицо переосмысление содержания понятия «ойрат», которое трактуется в это время уже в более широком смысле. Само же слово «элэты» (өөлд), как объясняют некоторые монгольские исследователи, происходит от монгольского слова өөлий (букв. «крупный, мощный»), что призвано было охарактеризовать этот основной компонент ойратской общности как главное большое племя дурбэн-ойратов [Erdenebayatur, Šoytu 1987: 177; Хо-Өрлөгийн түүх: 160–162].

Второе и третье подразделения Дурбэн-ойратского союза включали в себя этнические компоненты (хойтов, баатутов, баргутов и бураатов), связанные по происхождению с родоплеменными группами древних ойратов Восьмиречья. Кто конкретно входил в состав четвертого подразделения дурбэн-ойратов, в «Истории Хо-Өрлөка» не указывается. Можно предположить, что сюда, помимо собственно ойратов, относились многочисленные племенные группы восточных монголов, попавших в подчинение к ойратам в период «ойратской гегемонии» в Монголии.

Пик могущества Первого Союза Дурбэн-ойратов приходится на первую половину XV века, время правления ойратских правителей Тогона-тайши (умер в 1439 г.) и его сына Эсэн-хана (годы правления: 1440–1454). После гибели Эсэна этот союз вступил в полосу упадка и постепенно распался. Анонимный автор «Истории Хо-Өрлөка» связывает распад с откочевкой значительной части первого подразделения дурбэн-ойратов – элэтов на запад в 1502 г. и прекращением ими своих союзных отношений с другими ойратами. Он сообщает следующее: «Ойраты-элэты по наущению желтого демона (šira šimnu) откочевали», а когда они переправились через реку Манхан, то

[там] образовался лед и загородил им [дорогу назад]. Затем половина хойтов примкнула к баатунам, хошутам и торгутам. Те, что остались после них, примкнули к баргутам и халха-сойотам. Буряты примкнули к русским. После этого, когда дурбэн-ойраты распределились между собой, только одни хошуты составили одно подразделение ойратов, элэты (джунгары) – другое, торгуты – третье, а дэрбэты – четвертое, и они стали называться Средними Четырьмя Ойратами» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 41; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 161].

Более подробное изложение конкретных событий второй половины XV века в монгольских и ойратских источниках отсутствует. Правда, сообщение об откочевке элэтов косвенно подтверждается китайскими источниками. В китайской официальной династийной истории «Мин ши» кратко сказано о том же, но без указания того, о какой части ойратов идет речь: «Начиная с того дня, когда умер Эсэн, ойраты пришли в упадок, и их племена рассеялись. Больше невозможно узнать о последовательности их правителей» [Hambis 1969: 102]. В академической «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» нам уже приходилось объяснять причины «упадка ойратов»: «В обстановке междоусобиц, военных действий и грабежей начался отток ойратского населения с занимаемой ими территории в Западной Монголии на юг Гоби, в район Хами в Восточном Туркестане» [Санчилов 2009: 198].

Приведенные в «Истории Хо-Өрлөка» сведения о Среднем Союзе дурбэн-ойратов, несмотря на их весьма приблизительный характер, проливают некоторый свет на новый этап консолидации ойратов. В этом конгломерате этнических групп произошли значительные изменения и перемещения, которые привели к его распаду. Не в последнюю очередь это было связано с откочевкой в первой половине XVII в. части хошуты в Кукунор и еще одной части к торгутам, которые переселились в район Северного Прикаспия.

Хошуты в составе Среднего Союза дурбэн-ойратов занимали доминирующее положение, но к моменту его распада их влияние сильно ослабло. На первый план выдвинулись джунгары, как стали называться оставшиеся в составе Союза элэты, и родственные им дэрбэты. Тогда сформировался

в 1637 г. Союз Последних дурбэн-ойратов, в котором «половина хошутов составила одно подразделение ойратов, вместо торгов джунгары составили одно подразделение ойратов, дэрбэты — одно подразделение ойратов, половина хойтов — одно подразделение ойратов, и они стали называться Последними Четырьмя Ойратами» [Oyirad teüke-yin durasqal-ud 1992: 42; Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II 2001: 161–162].

В приведенном отрывке из «Истории Хо-Өрлөка» ошибочно указывается, что место откочевавших на Волгу торгов заняли джунгары, на самом деле это были хойты [Санчилов 1990: 47–48]. Вопреки распространенному мнению, ученые из КНР Эрдэнэбаатар и Цогту считают, что

Средний Союз дурбэн-ойратов просуществовал до 1671 г., когда джунгарский Галдан Бошогту-хан одержал победу над хошутским Очирту Цэцэн-ханом и ханская власть снова перешла к феодальным правителям джунгаров из аристократического рода Чорос [Erdenebayatur, Soytu 1987: 177]. Они установили централизованную власть над всеми родоплеменными подразделениями Джунгарии, и поэтому о Союзе Последних дурбэн-ойратов можно говорить как о Джунгарском ханстве. Это ойратское государство в течение нескольких десятилетий противостояло экспансии Цинской империи и было в конце концов уничтожено цинскими захватчиками. Вместе с ним закончилось существование и Ойратского союза.

ЛИТЕРАТУРА

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа (середина IX — 1 четверть XVIII вв.). М.; Элиста, 1994. 248 с.
- Балданжапов П. Б. Алтан Тобчи — монгольская летопись XVIII века. Улан-Удэ, 1970. 415 с.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд., Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. XI+233 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: 1964. 462 с.
- Калмыцкая хрестоматия... Сост. А. Позднеев. Изд. 2-е. испр. и доп. СПб., 1907. 195 с.; Тод үсгийн дурсгалууд. Уланбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1976. 436 с. Неточный русский перевод Ю. Лыткина // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. 204 с.
- Козин С. А. Джангариада, героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевода торгутской его версии. М.; Л.: 1940. VI+252 с.
- Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. § 11, М.; Л., 1941. 620 с.
- Рашид-ал-дин, Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.; Л., 1952. 315 с.
- Санчилов В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М., 1990. 138 с.
- Санчилов В. П. Ойраты в составе единого монголо-ойратского государства в послеюань-

ский период (XVI вв.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста, 2009. 847 с. Глава 3. С. 166–237.

- Цыбикдоржиев Д. В. Ойраты до и после 1207 г. // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ, Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2012. С. 120–147.
- Erdenebayatur, Soytu. Oyirad teüke-yin šine negelte. — Todo üsüg-ün teüke-yin surbulji bičig // Öbör Monggol-un baγši-yin yeke surγayuli-yin erdem šinžilgen-ü sedgöl. Neyigem-ün šinjilekü uqayan-u keblel-ün Oyirad teüke-yin tusyai durar. Nemeltü sedgöl, 1987. С. 176–181.
- Hambis L. Documents sur l'histoire des Mongols à l'époque des Ming. Paris, 1969. XCII+271 p.
- Miyawaki J. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 83. Helsinki, 1991. P. 203–234.
- Oyirad teüken surbulji bičig. [Kökeqota] Öbör Monggol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. 442 q.
- Oyirad teüke-yin durasqal-ud. [Ürümči] Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qoriya, 1992. 496 q.
- Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. SPb., 1829. 509 s.
- Qo Örlög-ün teüke // Oyirad teüke-yin durasqal-ud. С. 37–63; Хо Өрлөгийн түүх // Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – II. Уланбаатар, 2001. X. 155–166.

References

- Avlyayev G. O. [Origin of the Kalmyk People (middle IX – I quarter of XVIII cent.)]. Moscow; Elista, 1994. 248 p.
- Baldanzhapov P. B. [Altan Tobči — the Mongolian Chronicle of the XVIII century]. Ulan-Ude, 1970. 415 p.
- Bichurin N. Ya. (Iakinf). [Historical Review of Oirats or Kalmyks from the 15th Century to the Present Day]. 2nd ed. Elista: Kalm. Book Publ., 1991. 128 p.
- Hambis L. [Documents on the History of the Mongols during the Ming Period]. Paris, 1969. XCII+271 p. (In French)
- [History of Khoo Orlug]. In: [Sources related to the history of Oirats in Mongolia – II]. Ulaanbaatar, 2001. Pp. 155–166. (In Mong.)
- [Kalmyk Anthology]. A. Pozdneev (compl.). 2nd ed. St. Petersburg, 1907. 195 p.
- [Collection of Monuments on *todo üzüg*]. Ulaanbaatar: Academy of Sciences Publ., 1976. 436 p.
- [Kalmyk Historical and Literary Monuments in Russian Translation]. Elista, 1969. 204 p.
- Kozin S. A. [Dzhangariada, a Heroic Poem by the Kalmyks. Introduction to the Study of the monument and Translation of its Torgout Version]. Moscow; Leningrad, 1940. VI+252 p.
- Kozin S. A. [The Sacred Legend: Mongol Chronicle of 1240. § 11]. Moscow, Leningrad, 1941. 620 p.
- Miyawaki J. A Volga-Kalmyk family tree in the Ramstedt collection. *Journal of the Finno-Ugric Society*. Vol. 83. Helsinki, 1991. P. 203–234. (In Eng.)
- [Oirat historical monuments]. Urumqi: Xinjiang People's Edition, 1992. 496 p. (In Mong.)
- [Oirat historical monuments]. Hohhot: Inner Mongolia Publ., 1985. 442 p. (In Mong.)
- Rashid-al-din. [Collection of Chronicles]. Vol. I. Book 2. Moscow; Leningrad, 1952. 315 p.
- Sanchirov V. P. [“Iletkhel shastir” as a Source on the History of Oirats]. Moscow, 1990. 138 p.
- Sanchirov V. P. [Oirats as a Part of the United Mongol-Oirat State in the Post-Yuan Period (XVI cent.)]. In: [History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. Elista, 2009. 847 p. Pp. 166–237.
- Schmidt I. J. [History of the Eastern Mongols and their Princely House written by Ssanang Ssetsen Chungtaiji the Ordus]. St. Petersburg, 1829. 509 p.
- Tsybikdorzhiev D. V. [Oirats before and after 1207]. In: [Cultural Heritage of Central Asian Nations]. Iss. 3. Ulan-Ude: Buryat Scient. Center of the RAS, 2012. Pp. 120–147.
- Vladimirtsov B. Ya. [Social System of Mongols]. Leningrad, 1934. XI+233 p.
- Zlatkin I. Ya. [History of Dzungarian khanate (1635–1758)]. Moscow, 1964. 462 p.

УДК 94(470.63)
ББК 63.3(255.54)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КАЛМЫЦКОМ ВОЙСКЕ (1737–1842 гг.)

С. В. Джунджузов

Ставропольское калмыцкое поселение было основано в 1737 г. в Среднем Поволжье для размещения крещеных калмыков. В соответствии с сенатским указом 1745 г., поселение получило национально-казачье устройство, а с 1756 г. официальное название — Ставропольское калмыцкое войско.

Первые известия об образовании и развитии калмыцкого поселения встречаются уже в записках путешественников XVIII века [Паллас 1809] и в «Топографии Оренбургской губернии» П. И. Рычкова [Рычков 1887]. Описание ставропольских калмыков отражено в разных аспектах исследований по истории казачества, войн XVIII–XIX веков, национальной политики России, этнографии, краеведению и другой исторической тематике [Кузнецов 2008; Максимов, Очиров 2012; Шовунов 1992].

Исследование какой бы то ни было группы населения, объединенной по географическому, национальному, социальному или иному признаку, не представляется возможным без анализа ее численности за определенный временной отрезок. Применительно к этническим региональным группам, к числу которых, безусловно, следует отнести и ставропольских крещеных калмыков, необходимо ориентироваться на процессы и события, оказывавшие прямое или опосредованное влияние на динамику численности народонаселения.

Определенные сложности для решения поставленной задачи представляют состояние источниковой базы и качество статистического материала. Выявленный к настоящему времени массив архивных документов имеет существенные хронологические пробелы. Приведенные в них статистические сведения, относящиеся к XVIII в., указывают лишь общую численность населения, с разделением по половому признаку. Материалом для исследования следующего временного отрезка по-

служили годовые данные за 1803–1841 гг. Их появление было связано с образованием в 1803 г. Ставропольского тысячного калмыцкого полка. Указанная статистика содержит цифровые показатели только для состава мужского населения, подразделенного применительно к воинской повинности на малолеток, служивых и отставных. Однако, несмотря на отмеченные недостатки, имеющийся статистический материал позволяет выявить тенденции в движении численности народонаселения Ставропольского калмыцкого войска и факторы, влиявшие на этот процесс в разные периоды его существования.

В демографическом развитии Ставропольского калмыцкого войска четко прослеживаются три периода. Первый (1737–1772 гг.) — период роста народонаселения; второй (1773–1815 гг.) — характеризуется резкими, скачкообразными сокращениями; третий (1816–1842 гг.) — период неуклонного демографического спада.

Мнение о необходимости выведения принимавших христианство калмыков на отдаленную от Калмыцкого ханства территорию на протяжении 20-х — первой половины 30-х годов XVIII в. неоднократно высказывалось как астраханскими губернаторами, так и православными миссионерами. Основанием для его реализации послужило возбужденное в 1736 г. ходатайство крещеного калмыцкого владельца Петра Тайшина о подчинении ему всех крещеных калмыков и переселении их вглубь российской территории. После смерти П. Тайшина 23 декабря 1736 г. все права на управление крещеными калмыками императрица Анна Иоанновна передала своей крестнице Анне — вдове Тайшина.

В сентябре 1737 г., для пребывания княгини и калмыцкой знати начальник Оренбургской комиссии В. Н. Татищев распорядился на луговой стороне Волги, напро-

тив Жигулевских гор, в урочище Кунья Воложка заложить крепость, которая с 14 мая 1739 г. стала называться Ставрополем, городом Святого Креста (полное название — Ставрополь-на-Волге). В прилегавших к Куньей Воложке окрестностях по берегам Сока, Кондурчи, Черемшана и других малых рек были намечены пункты для кочевья и поселения калмыков [Кузнецов 2008: 260–263].

В историографии бытует ошибочное мнение, что из-за затянувшихся поисков подходящей территории переселение крещеных калмыков было отложено до весны 1738 г. [Овсянников 1997: 11]. На самом деле переселение было произведено, как и намечалось, осенью 1737 г., о чем свидетельствует подробный отчет, представленный в Коллегию иностранных дел первым комендантом Ставропольской крепости полковником Змеевым. Согласно распоряжению В. Н. Татищева, собранные саратовским воеводой полковником В. П. Беклемишевым по нижеволжским городам крещеные калмыки были свезены в Саратов. 29 сентября от полковника Беклемишева он принял и отправил к месту поселения 630 кибиток, в которых насчитывалось 2104 человека, из них 1092 — мужского пола и 1012 — женского [Витевский 1897: 515]. Они и стали первыми калмыками, поселившимися в Самарском Поволжье.

После смерти княгини А. Тайшиной и коменданта А. И. Змеева в 1742 г. в калмыцком поселении наметился отход от единоличного наследственного правления. В течение трех лет в Ставрополе не было постоянного военного коменданта. Чиновники, временно исполнявшие эту должность «до указа», оставались безучастными к делам и нуждам вверенных им ставропольских калмыков. Остановилось делопроизводство Коллегии иностранных дел, где сменилось руководство в связи с очередным дворцовым переворотом и восшествием на престол Елизаветы Петровны, и резко сократились денежные ассигнования. Этим обстоятельством воспользовался оренбургский губер-

натор И. И. Неплюев. По его настоянию ставропольские калмыки в 1744 г. из ведомства Коллегии иностранных дел были переданы в Оренбургскую губернию.

И. И. Неплюевым был предложен комплекс мер по преобразованию калмыцкого поселения в казачье войско. Предложенные им меры получили правовое оформление в Сенатском указе «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оной калмыков» от 19 февраля 1745 г. [ПСЗРИ. Т. XII. 1832: 308–328]. Войско управлялось коллегиальным органом — Судом — и по административно-территориальному признаку было разделено на 8 рот.

Политика христианизации калмыков, проводившаяся усиленными темпами в середине XVIII в., способствовала быстрому росту Ставропольского поселения. В Ставрополь для распределения по улусам с низовьев Волги направляли всех калмыков, принимавших православие. Пик этого процесса пришелся на сороковые — пятидесятые годы XVIII в. В 1744 г. в Ставрополе и его окрестностях проживали 3313 человек (табл. 1), через год их число увеличилось почти на тысячу человек, и еще более чем на тысячу — к 1750 г. Затем, примерно до 1757 г., рост ставропольского населения несколько замедлился. Это было связано с образованием поселения крещеных калмыков при Оренбурге и привлечением казаков-калмыков к службе в тысячном оренбургском казачьем полку. С целью пополнения оренбургского поселения небольшие партии калмыков стали переводить в Оренбург. В Указе от 1 сентября 1752 года говорилось о дозволении перехода в Оренбург с 30 кибитками зайсангу Федору Солтому. Войсковым есаулом в Оренбургский нерегулярный корпус 11 ноября 1755 г. был назначен ротмистр Андрей Анчуков. Вместе с ним на новое место жительства отправились триста ставропольских калмыков [ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 30. Л. 105 об; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 197].

Таблица 1. *Население Ставропольского калмыцкого войска в 40–80-х годах XVIII века*
[РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 197; ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 98]

Годы	Мужчин	Женщин	Итого
1744	1828	1485	3313
1745	2334	1949	4283
1746	2690	2258	4948
1747	2724	2307	5031
1748	2853	2352	5205
1749	2960	2384	5344
1750	3079	2452	5531
1751	3085	2455	5540
1759	3864	3263	7387
1767	4304	3913	8217
1768	4236	3921	8157
1780	3055	2799	5854
1781	3144	2851	5995

Общая ситуация в сфере изменения динамики населения Ставропольского калмыцкого войска в указанный период наглядно показана на рис. 1.

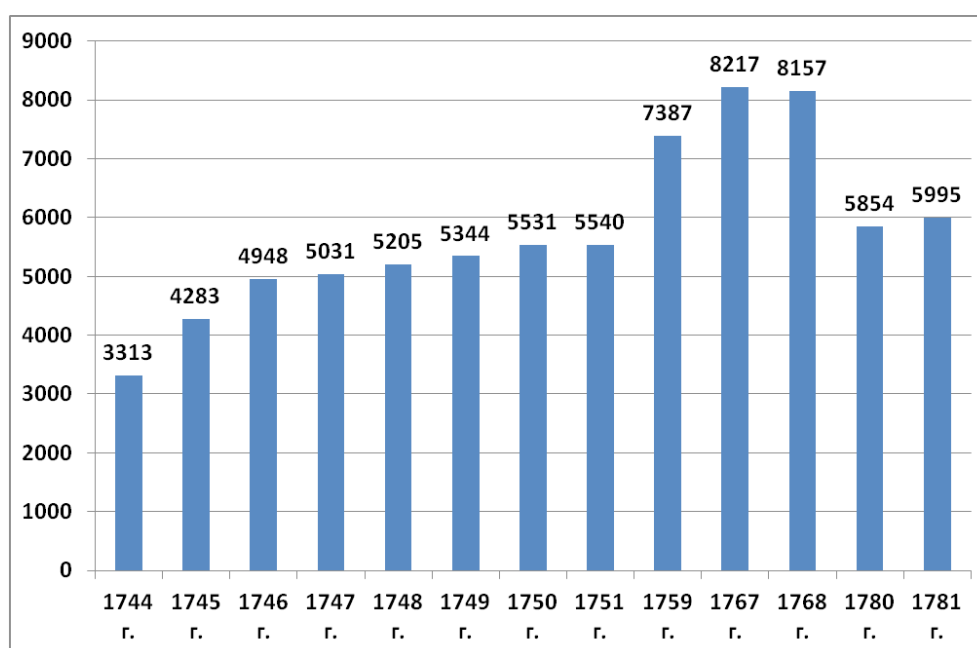

Рис. 1. *Динамика населения Ставропольского калмыцкого войска (1744–1781 гг.)*

Последняя, самая крупная, волна переселенцев в Ставропольское войско пришла на конец 50-х годов XVIII столетия. Спасаясь от междоусобиц и санкционированных китайскими властями этнических чисток, через сибирское пограничье в российское подданство из Джунгарии перешли десятки тысяч джунгарских (зенгорских) калмыков. Согласно подсчетам историка калмыцкого казачества К. П. Шовунова, произведенным по данным материалов Го-

сударственного архива Омской области, только за два года (1756–1757) на сибирских пограничных линиях русскими властями было принято в подданство более 25 тысяч джунгарцев [Шовунов 1992: 135]. Часть из них, прежде чем попасть в Россию, побывала в плену у казахов. Основная масса джунгарцев была отправлена на Нижнюю Волгу в Калмыцкое ханство. Поскольку оренбургский губернатор Неплюев считал, «дабы оные (калмыки) к киргизцам

побегов не учиняли и через то Христианской вере нарушения не последовало. Чего ради сходне их иметь в Ставрополе, нежели здесь (в Оренбурге)» [ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 39. Л. 151–152], принимавшие православие джунгарские калмыки пополнили население Ставропольского войска. Всех джунгарских калмыков И. И. Неплюев планировал свести в отдельную 9-ю роту и даже получил Указ о ее учреждении. Но, пока шло согласование, стало очевидным, что одной роты будет недостаточно. По неполным данным, в 1757–1759 годы в Ставрополе были приняты на жительство 2012 джунгарских калмыков [РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 194]. В итоге, в соответствии с Сенатским указом от 18 мая 1760 г., для джунгарцев были учреждены не одна, как это планировалось ранее, а три роты. В 1768 г. джунгарских калмыков насчитывалось 2894 человека (35,22%) от общего числа ставропольских крещеных калмыков [ГА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 89. Л. 11–12].

К началу 70-х годов XVIII в. численность ставропольских крещеных калмыков достигла максимальных пределов. По сведениям К. П. Шовунова, в 1771 г. их насчитывалось 14 тыс человек. К сожалению, исследователем не был указан используемый источник, согласно которому следовало, что за три года войсковое население без всяких к тому причин должно было вырасти почти на 6 тыс человек. Здесь же Шовунов отмечает, что в войске состояло до тысячи джунгарских калмыков, затем в сноске, комментируя свой же текст, указывает, что «число джунгарских калмыков явно занижено, т. к. за 4 года их численность не могла сократиться в 2,2 раза» [Шовунов 1992: 136, 289].

Колоссальный урон численности и хозяйственному состоянию ставропольских калмыков причинило восстание под предводительством Емельяна Пугачева. По стечению обстоятельств, их поселение оказалось в эпицентре действия казацких и крестьянских повстанческих отрядов. Пугачева поддержало большинство войсковых чиновников, возглавляемых представителем самого знатного владельческого рода, войсковым квартирмейстером Федором Ивановичем Дербетевым. Масштабы участия ставропольских калмыков в войне можно представить по донесению Ставропольской канцелярии в Военную коллегию о том, что число «бунтующих калмык» составляет более 5 тысяч [Максимов, Очиров 2012: 134].

Из донесений офицеров правительственных войск следует, что сражавшиеся на стороне Пугачева калмыки несли существенные, невосполнимые потери. В январе 1774 г. под Красным Яром они потеряли 120 человек, до трехсот калмыцких повстанцев погибли 8 мая у деревни Трай на реке Ток и еще до двухсот во время преследования [Беликов 1978: 99; Дубровин 1884: 189]. Таким образом, только в двух отмеченных сражениях погибло до 620 калмыков. Часть неучтенных калмыков сумела вслед за Пугачевым прорваться в Башкирию. По сведениям, представленным в Военную коллегию в 1780 г., население Ставропольского калмыцкого войска насчитывало 5854 человека. По сравнению с тем же показателем 1768 г. численность ставропольских калмыков сократилась на 2303 человека (28,23%) (табл. 1.). Указанные людские потери для калмыцкого населения следует поставить в прямую зависимость от событий «пугачевского лихолетья».

Второй существенный количественный спад населения в Ставропольском войске пришелся на время наполеоновских войн. Пятисотенный ставропольский калмыцкий полк участвовал в военной кампании 1806–1807 годов, Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе, победоносно завершившемся в 1814 году. Ввиду угрозы вторжения наполеоновской армии в пределы России Ставропольский полк был мобилизован и выведен из Ставропольского уезда в 1811 г. По ведомости от 28 марта 1812 г., в нем состояло 558 служащих [Прозрителев 1912: 40].

К сожалению, очень часто, увлекшись описанием сражений и блистательных побед, исследователи забывают о людях, ценой жизни которых они были завоеваны. По сведениям Т. И. Беликова, за три года войны (1812–1814) Ставропольский полк потерял 134 человека. Г. Н. Прозрителев в числе потерь ставропольских калмыцких казаков за тот период насчитывает до 210 человек [Беликов 1965: 134]. Последняя цифра соответствует данным, приведенным в таблице № 2, указывающим, что с 1811 по 1815 гг. число служилых калмыков сократилось на 188 человек. Разница в 22 человека объясняется поступлением на службу малолеток, достигших призывного возраста. Почти пятилетнее отсутствие четвертой части мужского населения детородного возраста закономерно привело к убыли рождаемости. За

указанный период число малолеток сократилось на 170 человек.

Из таблицы № 2 видно, что сокращение мужского населения в Ставропольском войске продолжалось с 1803 по 1815 гг. и составило 664 человека — 25 % его общего состава. Некоторое улучшение демографической ситуации произошло после возвращения на родину участников Заграничного

похода. К 1819 г. за счет увеличения рождаемости на 52 человека увеличилось число малолеток. Подростающее поколение обеспечило рост численности служилых калмыков на 116 человек. В то же время положительная динамика, отмеченная в первых двух возрастных группах, нивелировалась сокращением почти на треть численности отставных калмыков.

Таблица 2. *Численность мужского населения Ставропольского калмыцкого войска 1803–1841 гг.*
[ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 98–98об; Д. 635. Л. 6-7; Д. 508. Л. 150–151].

Годы	Служащие	Отставные	Малолетки	Итого
1803	868	628	1162	2648
1807	1022	432	952	2406
1811	1062	423	803	2282
1815	874	377	733	1984
1819	988	253	785	2026
1820	1040	240	680	1960
1825	935	253	703	1891
1830	908	199	690	1797
1831	862	171	699	1732
1836	872	125	753	1750
1841	865	227	592	1684

Общая ситуация в сфере изменения динамики численности мужского населения Став-

ропольского калмыцкого войска в указанный период наглядно показана на рисунке 2.

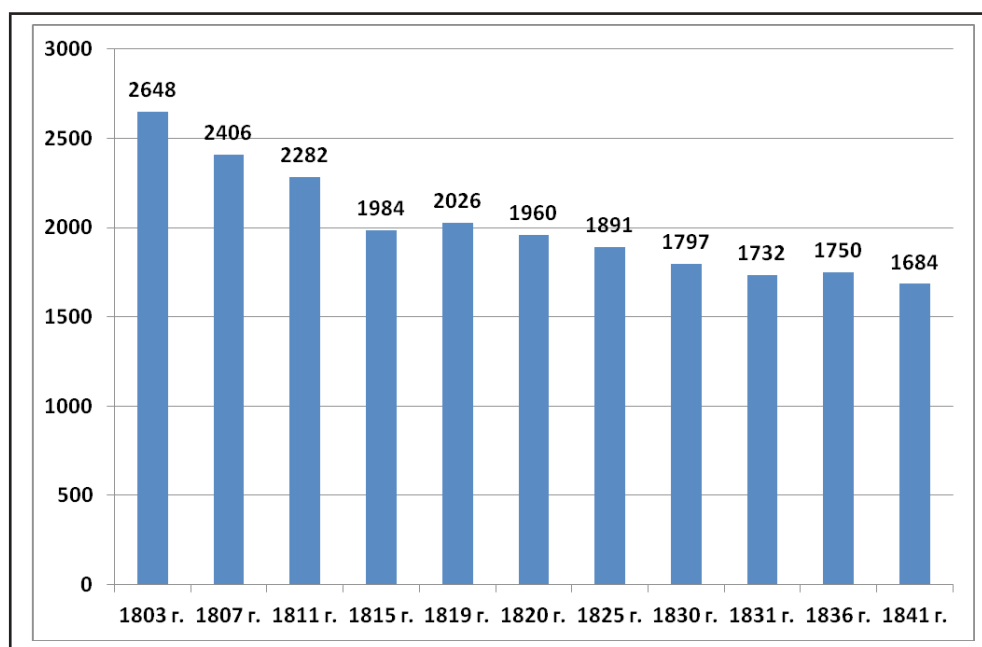

Рис. 2. Динамика численности мужского населения Ставропольского калмыцкого войска (1803–1841 гг.)

Таким образом, неуклонная тенденция к сокращению войскового населения наблюдалась вплоть до расформирования Ставропольского войска (в 1842 г.).

Первая попытка анализа ухудшавшейся демографической ситуации была предпринята в 1835 году состоявшим для поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском полковником Н. А. Мансуровым. Основной причиной убыли войскового населения, на его взгляд, являлась низкая рождаемость в калмыцких семьях. По подсчетам, сделанным Мансуровым по посемейной переписи, оказалось, что в брачно-семейных отношениях состояли в разное время 1812 калмыков обоего пола. Ими было заключено 969 брачных союзов, в которых родилось 3689 детей. В среднем на супружескую пару приходилось по 3,5 рожденных. Из них выжило 1765 детей. Следовательно, в семьях ставропольских калмыков в среднем вырастало менее двух детей, что не позволяло обеспечить воспроизводство населения. Других ресурсов для увеличения войскового сословия в XIX веке в Ставропольском войске не имелось.

Мансуров связывал низкую рождаемость с нарушениями репродуктивной функции калмыцких женщин, вызванными неблагоприятными санитарно-гигиеническими факторами. К ним он относил употребление некачественной пищи, проживание в неблагоустроенных, плохо отапливаемых в зимнее время избах и лачугах. «Женщинам при очищениях и после родов нет места согреться, кроме как у огня, всегда разведенного на полу, или в сенях, или в особенной лачуге, и от того происходит простуда и много брюшных болезней, препятствующих дальнейшему плодородию. Может быть, особенное расположение народа к золотухе и другим кожным болезням имеет также свое действие, которое увеличивает невежество их лекарей» [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 323. Л. 40–46].

Не была преодолена в первой половине XIX в. и диспропорция по половому признаку. Показатели этого плана несколько смягчали потери мужского населения, понесенные Ставропольским войском во время войн с Наполеоном. Но в 1836 г., судя по «Табели о народонаселении Ставропольского войска», численность мужчин превышала численность женщин на 208 человек [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 508. Л. 150–151]. Во второй половине 1830-х годов гендер-

ный дисбаланс вновь стал уменьшаться, и через пять лет, в 1841 г., разница сократилась до 85 человек — на 1684 лица мужского пола приходилось 1599 женского [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 635. Л. 6–7]. Сходная ситуация в соотношении мужской и женской части населения наблюдалась у кочевых и полукочевых народов, у земледельцев же (оренбургских казаков и русских крестьян), напротив, женщин было больше, чем мужчин.

Полковник Н. А. Мансуров в своих рекомендациях опирался на указания В. А. Перовского, выступавшего за реформирование Ставропольского калмыцкого войска путем сокращения войсковых земельных угодий, что, в свою очередь, должно было вынудить калмыков заняться земледелием и перейти к оседлому образу жизни. Исправить демографическую ситуацию в Калмыцком войске он также надеялся посредством улучшения медицинского обслуживания и строгого надзора за соблюдением калмыками санитарных предписаний и правил личной гигиены. Улучшению санитарной обстановки в калмыцких улусах должны были способствовать следующие меры: устройство бань при зимних жилищах, а по возможности — и при кочевьях; возложение на ротных командиров наблюдения за тем, чтобы подчиненные им калмыки не употребляли в пищу падшую скотину (замеченных в нарушении этого запрета предписывалось строго наказывать); запрет кочевий при озерах — в местах, не обустроенных колодцами; строительство изб с большими печами, чтобы обезопасить калмыков от холода в зимнее время.

В 1836 г. в Ставропольское войско был назначен штатный лекарь с университетским образованием. Прежде эту должность занимал врач, совмещавший ее с обслуживанием населения всего Ставропольского уезда. В обязанность лекаря входило не менее четырех раз в год совершать поездки по войсковой территории и оказывать медицинскую помощь. Врачебные объезды давали возможность отслеживать эпидемиологическую обстановку на местах и выявлять больных, нуждающихся в стационарном лечении. Ежегодно лечение в войсковом госпитале получали от сорока до шестидесяти калмыков.

Результатом усиления требований к санитарии и медицинскому обслуживанию стало заметное увеличение количества от-

ставных калмыков. За пять лет, с 1836 по 1841 гг., их число возросло на 102 человека (81,6%), притом, что число служилых за тот же период сократилось всего на семь человек (табл. 2). Заметный рост в те же годы отмечался в женской части населения: с 1491 человека на 1 января 1835 г. до 1599 человек к 1 ноября 1841 г. (7,24%) [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 508. Л. 150–151; Д. 635. Л. 6–7].

Из статистических данных, приведенных в «Обзоре ставропольских калмыков» следует, что годовая убыль мужского населения в Войске в 1830–1840 гг. по сравнению с предыдущим десятилетием сократилась со 163 до 48 человек, или с 8,3 % до 2,6 %. Эти расчеты обозреватель произвел, опираясь только на погодные показатели числа калмыков, состоявших на службе [З-в 1844: 35]. Еще более оптимистичные результаты представляет сравнение убыли всего мужского населения по десятилетиям. Так, если с 1820 по 1831 гг. она составила 228 человек, то с 1831 по 1841 гг. — всего 48 человек. Однако положительную динамику перечеркивает возросшее сокращение численности малолеток. С 1836 по 1841 гг. их стало меньше

на 161 человек — цифра, превышающая показатель роста числа отставных калмыков. Следовательно, в недалеком будущем калмыцкое войско ожидало дальнейшее уменьшение его численного состава.

24 мая 1842 г. Николай I подписал Указ на имя управляющего Военным министерством о присоединении Ставропольского калмыцкого войска к Оренбургскому казачьему войску. По официальным данным, переселению в Оренбургскую губернию подлежало 3336 жителей Ставропольского войска, из них мужчин — 1743, женщин — 1593 [ГА ОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11852. Ч. 1. Л. 68]. Следовательно, с конца 60-х годов XVIII в. численность ставропольских калмыков сократилась в 2,5 раза, упав до уровня 1744 г., когда они были переданы в управление оренбургскому военному губернатору И. И. Неплюеву.

Таким образом, низкая рождаемость и детская смертность не позволили обеспечить рост или хотя бы стабилизировать численность населения. Значительное сокращение состава Ставропольского калмыцкого войска повлияло на решение правительства о его расформировании.

Источники

Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Литература

Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVIII — начало XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 168 с.

Беликов Т. И. Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 103 с.

Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его состоянии до 1758 года. Казань: Типо-Литограф. В. М. Ключникова, 1897. 630 с.

Дубровин Н. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования Екатерины II 1773–1774 гг. Т. 3. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1884. 418 с.

З-в. Н. Исторический обзор ставропольских крещеных калмыков и несколько данных о современном их состоянии // Отечественные записки. 1844. Т. 35. № 7–8. С. 27–38.

Sources

[The Russian State Military Historical Archive]. (In Russ.)

[The State Archives of the Orenburg Region]. (In Russ.)

References

Belikov T. I. [F. I. Derbetev, Associate of E. I. Pugachev]. Elista: Kalm. Book Publ., 1978. 103 p. (In Russ.)

Belikov T. I. [Kalmyks in the Struggle for Independence of our Motherland (XVIII — early XIX cent.)]. Elista: Kalm. Book Publ., 1971. 168 p. (In Russ.)

Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. XII. No. 9110. St. Petersburg, 1832. Pp. 308–328. (In Russ.)

Dubrovin N. [Pugachev and his Accomplices. Episode from the Reign of Catherine II in 1773–1774]. Vol. 3. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov Print. shop, 1884. 418 p. (In Russ.)

Kuznetsov V. A. [Irregular Troops of the Orenburg Province]. Samara; Chelyabinsk: [w/o publ.], 2008. 478 p. (In Russ.)

Maksimov K. N., Ochirov U. B. [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista: Dzhangar, 2012. 519 p. (In Russ.)

Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара; Челябинск: [б. и.], 2008. 478 с.

Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 519 с.

Овсянников В. А. Ставрополь-Тольятти. Тольятти: Развитие через образование, 1997. 364 с.

Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Император. Акад. наук, 1809. 657 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XII. № 9110. СПб., 1832. С. 308–328.

Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмык. 1812–1912. Ставрополь: Тип. Губернского Правления, 1912. (репринт. воспроизвед. изд. 1912 г. с коммент. и ил. изд-ва «Эбелек» 1990). 326 с.

Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренб. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва, 1887. 405 с.

Шовунов К. П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыц. ин-т обществ. наук, 1992. 320 с.

Ovsyannikov V. A. [Stavropol-Togliatti]. Togliatti: Development through Education, 1997. 364 p. (In Russ.)

Pallas P. [Journey to Different Provinces of the Russian Empire]. Part 1. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sciences, 1809. 657 p. (In Russ.)

Prozritelev G. N. [The Military Past of Our Kalmyks. 1812–1912]. Stavropol: Governor Board Print. shop, 1912. (reprint reprod., comment., ill.). Ebelek, 1990. 326 p. (In Russ.)

Rychkov P. I. [Topography of Orenburg Province]. Orenburg: Imper. Rus. Geogr. Society, 1887. 405 p. (In Russ.)

Shovunov K. P. [Kalmyks in the Russian Cossack Army]. Elista: Union of Cossacks of Kalmykia, Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)

Vitevsky V. N. [I. I. Neplyuev and the Orenburg Region in its Former State until 1758]. Kazan: V. M. Klyuchnikov Print. shop, 1897. 630 p. (In Russ.)

Z-v. N. [Historical Review of the Stavropol Baptized Kalmyks and some Data about their Modern State]. *Fatherland Notes*. 1844. Vol. 35. No. 7–8. Pp. 27–38. (In Russ.)

УДК 94

ББК 63.3 (2 Рос – Калм)

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАЛМЫКИИ СЕРЕДИНЫ XIX в.

(на материалах Национального архива Республики Калмыкия)

И. В. Лиджиева

Изучение истории местного самоуправления выдвигает на первый план задачи выявления, анализа и систематизации документов, отложившихся в результате деятельности органов самоуправления, призванных решать вопросы местного значения. Институтом местного самоуправления в Калмыцкой степи в XIX в. был сход. Как отмечает К. Н. Максимов, сход являлся выборным органом местного самоуправления на определенной территории, по составу и полномочиям напоминающим сословно-представительные органы [Максимов 1995: 58].

На сходах демократическим путем регулировались все стороны жизни аймака: выборы на альтернативной основе старшин для управления аймаком сроком на три года, выборы хотонных старост — по два кандидата на каждую должность; распределение натуральных повинностей; бюджетная политика, учет малолетних сирот и назначение над ними опекунов; вопросы создания объектов социальной инфраструктуры: школ, фельдшерских пунктов и т. д. Дела на сходе решались или с общего согласия, или большинством голосов.

В задачи общественного самоуправления входили охрана общественного порядка, безопасность лиц и имущества, паспортный контроль. Важной сферой его деятельности были дела по врачебному благоустройству, народное продовольствие, противопожарные мероприятия, управление хозяйством, сбор податей, контроль за выполнением повинностей. Эффективная деятельность в указанных сферах зависела от уровня грамотности лиц, занимавших общественные должности. Управление аймаками осуществлялось аймачными старшинами, избираемыми на сходах. Процедура выборов завершалась приведением к присяге, текст которой содержал обращение ко всем божествам и его Императорскому Величеству с клятвенным обещанием верной службы:

«по совести своей исполнять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против должности своей не поступать» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2134. Л. 155].

В архивах встречаются обращения в Управление калмыцким народом с просьбами — например, «о пояснении функций аймачных старшин и хотонных старост, в связи с совершенным непониманием ими своих обязанностей» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 135. Л. 1]. Для четкой регламентации деятельности аймачных старшин и хотонных старост была разработана «Инструкция аймачным старшинам и хотонным старостам» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 135. Л. 252-257], утвержденная Главным попечителем калмыцкого народа 15 сентября 1894 г. Согласно данному документу, в ведомстве управляющего аймаком состояли все хотоны, а также лица, временно проживающие на территории аймака с разрешения улусного попечителя. В соответствии с Инструкцией, аймачные старшины наделялись административными (например, принятие мер по обеспечению благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки), фискальными (исполнение денежных и натуральных повинностей), надзорными (контроль за общественной безопасностью и правопорядком) полномочиями. Старшина должен был проявлять особую заботу в отношении морального облика калмыков, чтобы не распространялось пьянство, разврат, азартные карточные игры, и «старается вообще искоренить наклонности к порокам».

Процессы становления и функционирования органов самоуправления нашли отражение в разных видах источников. Обзорный анализ материалов фондов Национального архива Республики Калмыкия показал, что документы XIX в. по истории развития местного самоуправления можно разделить на следующие виды: законодательные акты (изданные в Полном собрании законов Российской империи) (далее ПСЗ), прото-

кольно-распорядительные и отчетно-статистические документы

В первой половине XIX в. российским правительством был принят ряд законодательных актов, вводивших территорию заселения калмыков в общероссийскую систему управления. С 1822 г. в российском законодательстве появился термин «внутренние инородцы». В словаре Брокгауза и Ефрона данный термин трактуется как «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые по правам состояния и по управлению поставлены в особое положение» [Энциклопедический словарь 1894: 224]. Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что законодательный термин «инородцы» относился к категории подданных империи, квалифицирующей характеристикой которых была не национальная принадлежность, а юридический статус в административно-правовой системе государства [ПСЗ РИ. Т. XXXVIII. №. 29126].

«Положение об управлении калмыцким народом», утвержденное 23 апреля 1847 г. Высочайшим указом Николая I [ПСЗ РИ. Т. XXII. № 21144], утвердило систему местных органов управления и впервые в

Калмыцкой степи на законодательном уровне оформило право на осуществление местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов. Протокольные документы отражают процесс функционирования аймачных и улусных сходов, выступают неопровержимым доказательством их деятельности и характеризуют ее. Постановление схода оформлялось в виде приговора, подписанного всеми проголосовавшими лично, а за неграмотных — доверенными лицами, и скреплялось печатью старшины. В первой половине XIX века текст приговора оформлялся на двух языках, русском и калмыцком, и имел четко определенную форму с указанием даты проведения, лиц, принявших участие в работе схода, — аймачных старшин, хотонных старост, количества выборных, и указанием конкретных вопросов, обсуждавшихся на сходе, и формулировкой принятых решений. Форма изложения была типовой и на протяжении всего рассматриваемого периода не изменялась, представляя собой разновидность делопроизводственной документации органов местного самоуправления. Для примера приведем основные пункты, содержащиеся в приговоре:

ПРИГОВОР

АЙМАЧНОГО СХОДА

УЛУСА

В этом аймаке имеется кибиток-----

Выборных от 5 кибиток по 1 человеку,

имеющих право голоса на аймачном сходе-----

Явившихся на сход лично-----

по доверенности-----

Не явившихся на сход-----

№, дата

Слушали:

Постановили:

Подписи должностных лиц и выборных.

Общественные приговоры представляли собой письменный документ с обязательными элементами формуляра, несоблюдение которых делало его дефектным. Устанавливались определенные нормы, имеющие правовую силу на конкретной территории. Приговоры схода записывались в особую книгу. Источники протокольного характера являются одними из распространенных видов документов по данной теме и обладают высокой степенью информативности. Таким образом, общественный приговор представляет собой нормативно-правовой акт, по-

скольку содержит характерные признаки данного источника права: обязательность, формальная определенность и общеизвестность.

К отчетно-статистической документации, обладающей большим информационным потенциалом, относятся дела о «выборном производстве» улусных и аймачных сходов: списки избирателей, баллотировочные листы, объявления Управления калмыцким народом о назначении выборов; ходатайства должностных и выборных лиц об отстранении от должности, о формировании бюджета: доходов

и расходов, недоимок сборов, ведомости о поступлении средств в казну и т. д.

Согласно Положению, улусный сход собирался в каждом улусе один раз в три года и, в случаях особой важности, по назначению Главного попечителя. В конце XIX в. в связи с участвовавшей практикой самовольного созыва сходов, как улусных, так и аймачных, Главный попечитель калмыцкого народа издал циркуляр, согласно которому, «сходы собирались каждый раз не иначе, как по моему разрешению, и обсуждали лишь вопросы, подлежащие их рассмотрению, и только по предметам, точно перечисленным в § 41 и 45 Положения об Управлении калмыцким народом». Решения, принятые на самовольно созванных сходах, не имели юридической силы, а лица, участвовавшие в составлении приговоров, могли быть привлечены к ответственности и подвергнуты наказанию. Следует отметить, что улусные сходы собирались с трудом и не всегда в установленные сроки, так как их созыв был сопряжен со значительными финансовыми и временными затратами для степняков, что определялось обширностью территории кочевий. В отличие от улусного схода, аймачные сходы собирались по мере необходимости, т. е. гораздо чаще, поскольку проводились на собственной территории, что значительно облегчало сбор участвующих в сходе лиц. В работе схода принимали участие: зайсанги, по одному представителю от семейства; хотонные старосты; выборные от хотонов, по одному от 5 кибиток. Участие в выборах ограничивалось цензами: возрастным — допускались лица, достигшие 25 лет, имущественным — требовалось наличие собственности, юридическим — допускались лица, не состоящие под следствием и не судимые. Среди других условий участия в выборах указаны хорошее состояние здоровья и первичное выдвижение.

Сходы созывались Главным попечителем и проходили под председательством в улусе — владельца, в аймаке — зайсанга, допускалось участие опекуна под наблюдением попечителя. Извещение о проведении схода появлялось за две недели в аймаке — через родового зайсанга или старшину, а в хотоне — через старосту. Явка на сход для вышеназванных лиц была обязательной. Параграф 49 Положения 1847 г. указывает причины, по которым допускается неявка на сход: отъезд из улуса по разрешению и болезнь. Лица, не явившиеся на сход без ува-

жительной причины, облагались штрафом в размере одного рубля в пользу общественного сбора. В случае отсутствия законного числа участников сход считался не состоявшимся, Попечителю улуса предписывалось «принять меры к созыву в удобное для калмыков время улусного схода, а также обсудить вопрос о причинах, препятствовавших успешному созыву схода» [НА РК. Ф. И-29. Оп. 5. Д. 2154. Л. 121]. Так, в одном из писем в УКН попечитель Яндыко-Мочажного улуса просит перенести дату проведения схода с апреля на середину июня, просьба связана с весенней путиной, где занято значительное число выборных, и следовавшим за ней организованным мероприятием по истреблению саранчи [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 802. Л. 4–5].

Должность аймачного старшины предусматривала большую общественную нагрузку, что отвлекало исполнявшего эти обязанности от ведения своего хозяйства. При этом должностные лица за свой труд не получали жалованья, а налоги платили в полном объеме, что не стимулировало калмыков претендовать на должности такого рода. В связи с этим управленческий аппарат аймачных сходов в основном составляли выходцы из среды богатых простолюдинов или чиновники, которые принадлежали к числу самых почетных и влиятельных в степи людей. Инициация процедуры освобождения и отстранения от должности аймачных старшин исходила от заведующего улусом, который направлял ходатайство на рассмотрение в Управление калмыцким народом. Основаниями для освобождения от должности аймачного старшины и хотонного старосты являлись:

- состояние здоровья, подтверждаемое медицинским заключением врача. Так, в Управление калмыцким народом был представлен приговор Харахусовского аймачного схода от 30 июня 1910 г. с просьбой об удовлетворении ходатайства хотонного старосты Санджика Лиджиева об увольнении от должности по болезни, не позволяющей ему выполнять обязанности старосты [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 165];

- преклонный возраст. К примеру в представлении в Управление калмыцким народом Заведующий Манычским улусом ходатайствовал об увольнении с должности аймачного старшины Босхомджи Очирова, достигшего 59 лет. [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 199];

- тяжелое материальное положение семьи. Так, хотонный староста Амтя Мукаджиев ходатайствовал о своем отстранении от должности, поскольку, «будучи обремененным большим семейством и не имея никаких средств к содержанию семьи, ввиду частых разъездов по делам службы и многочисленных обязанностей я не имею времени заработать на стороне для содержания семьи» [НА РК. Ф И-9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 211].

Должностным лицам, занимающим выборные должности, за небрежное отношение к своим служебным обязанностям предусматривалось объявление выговора со стороны заведующих улусами. Отстранение от должности выборных лиц производилось по ходатайству заведующего улусом в Управление калмыцким народом, например,

по причине ареста «за бездеятельность в отношении сбора податей» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 155].

Изучение источников XIX в. по истории местного самоуправления в Калмыцкой степи позволяет определить роль и место органов данного института в решении вопросов местного значения. Следует отметить, что даже в таких узких пределах органы местного самоуправления пользовались относительной свободой и самостоятельностью — в частности, приговоры сходов требовали утверждения Главным попечителем. Таким образом, обществу самоуправлению Калмыцкой степи удалось внести значительный вклад в развитие хозяйства, здравоохранения и народного просвещения.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК)
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ).

Sources

[The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russ.)
[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

Литература

Максимов К. Н. Калмыкия — субъект Российской Федерации. М.: Республика, 1995. 320 с.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. СПб.: Тип.-Литогр., 1894. 480 с.

References

[The Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Vol. XIII. St. Petersburg: Litogr. Print. shop, 1894. 480 p. (In Russ.)
Maksimov K. N. [Kalmykia, a Subject of the Russian Federation]. Moscow: Respublika, 1995. 320 p. (In Russ.)

УДК 329
ББК К 63.371-4

ЖЕНЩИНЫ КАЛМЫКИИ В АКЦИЯХ ПРОТЕСТА 1930-х гг.

Е. Н. Бадмаева

Как известно, масштабная кампания по проведению сплошной коллективизации сельского хозяйства, а вслед за этим раскулачивание и высылка тысяч семей зажиточного слоя крестьянства сопровождались беззаконием и произволом со стороны местных советских и партийных органов власти. Результатом такой политики по отношению к деревне стали массовые народные выступления большинства крестьян, которые прокатились по всей стране. В этом ряду серьезные затруднения для советской власти вызвали проявления протеста со стороны женщин. В 1930 г., по далеко не полным данным, учтено более 3700 выступлений, почти исключительно женских по своему составу. Из 2897 учтенных женских выступлений первой половины 1930 г. — 1154 носили антиколхозный характер, 422 — в защиту раскулаченных, 778 — на религиозной почве и 336 — на почве продовольственных затруднений [Ивницкий 2000: 201].

Отмеченная общероссийская тенденция была характерна и для Калмыкии. В 1930–1933 гг. в ряде улусов (районов) республики наблюдались десятки выступлений с активным участием женщин. На основе анализа архивных материалов того времени представляется возможным констатировать, что в 1930-е годы роль и значение женщин в массовых крестьянских выступлениях против коллективизации, ее реализации и последствий в Калмыкии была достаточно велика, что с полным основанием позволяет говорить о гендерной специфике крестьянского протеста. Деревенские женщины (в Калмыкии в указанный период преобладало сельское население — более 80%) нередко активнее мужчин выражали свое недовольство и протест против непопулярных на селе аграрных мероприятий. Побудительными причинами одиночных и массовых выступлений женщин были протесты против насильственных действий властей в ходе хлебозаготовок, обобществления домашнего скота, создания колхозов, закры-

тия церквей, хурулов и арестов священнослужителей, взимания непомерных налогов и т. д.

Об огромной роли женщин в массовых колхозных выступлениях, особенно в связи с продовольственными затруднениями в 1932–1933 гг., свидетельствуют документы ОГПУ. Так, в секретном донесении начальника Калмыцкого областного отдела ОГПУ П. И. Кишкина отмечались массовые выступления агрессивно настроенных женщин. По его сведениям, особенно активны выступления в I Икичносовском аймаке (селе) Яшалтинского улуса (района), в Сарпинском улусе и др. [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 46, 227].

В годы голодного бедствия, как сообщалось в донесениях Калмотдела ОГПУ в областной комитет партии, «отмечаются нездоровые явления в очередях среди рабочих и служащих, особенно среди женщин. Эти отрицательные настроения характеризуются такими фактами: «Если пайка не дадите, снег чистить не пойду. У меня семья голодает», «Кричали, в конце пятилетки все будет, а оказалось хуже, чем при крепостном праве», «Конец нам приходит, с голоду будем умирать» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 224].

Протестные настроения в связи с непомерными хлебозаготовками и наступившим голодом в регионе наблюдались даже у членов партии. Член ВКП (б) Варвара Ковтунова при посылке ее на участок для работы по засыпке семфонда заявила: «Это неправильно, везде голод, и я не могу смотреть, когда обируют крестьян. Мне партия ничего не дает, и пусть исключают» [НА РК. Ф. Р.-131. Оп. 3. Д. 28. Л. 42].

В ряде случаев крестьянки ограничивались лишь демонстрацией протеста, приводили с собой своих детей и публично выражали свою обеспокоенность за их жизнь и неприятие новой власти, как это было у здания горсовета в г. Элисте. Как сообщали местные власти в марте 1932 г., «женщины

привели детей и заявили, что дайте муки, а то наши дети умрут с голода... Расстрелять бы эту местную власть. Мука в селе Дивном лежит в скирдах под открытым небом, ее не возили, а теперь кричат, что в городе голод» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 209].

Привлечение детей к акции протеста служило определенным целям и носило чисто прагматический характер: жалкий вид детей, их душераздирающий плач во время протеста должны были произвести на власти моральное воздействие и привести к желанному спасению детей от голода. Кроме того, детское представительство в акциях протеста выступало своеобразным гарантом безопасности взрослых участников демонстрации. Справедливости ради надо сказать, что активное противостояние крестьянок Советской власти стало возможным из-за гораздо меньшей опасности для женщин, нежели для мужчин, подвергнуться репрессиям. Поэтому в акциях протеста женщины принимали более активное участие, и во многих случаях, как показывают архивные документы, им удавалось уходить от наказания.

Женщины энергично выражали свой протест, и забастовки, массовые выступления демонстрировали крайнюю степень их отчаяния и были последним аргументом в борьбе с произволом или бездействием советской власти. В них уже звучали не только продовольственные требования, но и открыто высказывались антиколхозные лозунги. Так, в одном из донесений ОГПУ, датированном 21 февраля 1932 г., зафиксировано: «На почве продзатруднений в Нем-Хагинском сельском совете отмечено массовое выступление женщин с требованием хлеба; массовое недовольство женщин, выражавшееся в тенденциях „Распустить имущество колхоза и скот, даже распустить колхоз“» [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 226].

В некоторых случаях акции протеста со стороны женщин давали действенные результаты. Так, например, после массового сбора митингующих крестьянок в 1-м Икичносовском аймаке 18 января 1932 г. районными организациями было разрешено выдать 100 пудов хлеба нуждающимся колхозникам [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 228].

Женские волнения, носившие зачастую демонстративный, эмоциональный характер, представляли, на взгляд властей, не

столь серьезную угрозу устоям государства, нежели вооруженные мужские выступления. Женщинам делались определенные послабления по части уголовного наказания в связи с участием в антиколхозных выступлениях. К примеру, как определил Верховный суд РСФСР в своих разъяснениях об ответственности членов крестьянского двора по статье 61 Уголовного кодекса от 28 марта 1930 г.: женщины – «угнетенный и подчиненный элемент в крестьянском дворе», и привлечение их к уголовной ответственности «может иметь место лишь в исключительных случаях» [Трагедия советской деревни... 2000: 344].

Анализируя акции протеста в Калмыкии первой половины 1930-х годов, можно говорить о таком специфическом факторе, как гендерно-психологический, обусловившем участие в них женщин-крестьянок. Калмыцкие женщины в большинстве своем, что называется, нутром не восприняли идеи социалистического переустройства деревни. Осуществляемая властями коллективизация сельского хозяйства, обобществление частного имущества лишала женщин традиционного домашнего хозяйства, ведение которого в основном лежало на их плечах, в связи с чем у них были более развиты собственнические инстинкты. Во время голодного бедствия 1932–1933 гг. женщины как матери инстинктивно, самозабвенно и в то же время осознанно бросились на защиту своих детей и домашнего очага. Они понимали, что цели коллективизации угрожают самой жизни их детей, а значит, будущего их семьи, их рода и даже всего калмыцкого народа.

Женщины-калмычки отличались, как известно, особой набожностью, религиозностью. Буддизм на протяжении многих веков оказывал огромное влияние на ментальность и образ жизни калмыков, на формирование мировоззрения и развитие национального самосознания. Религиозные параметры для большинства калмыцкого населения, в особенности женского, в 1930-е гг. сохраняли базисное значение в духовной и бытовой жизни, являлись составной частью нравственного и эстетического воспитания. Отсюда и их гневные протесты против закрытия хурулов, ареста священнослужителей, разграбления и уничтожения церковного имущества, предметов культа. Женщины сознавали, что их интересы, привычный уклад жизни, в определенной степени миро-

воззренческие основы подвергаются коренным изменениям, и как могли, сопротивлялись большевистским новациям.

Гендерно-демографический фактор также обусловил заметное участие женщин в акциях протеста. Выдвижение на первый план женщины-калмычки в переломные моменты истории, каковым являлось предвоенное десятилетие, связано с нарушением традиционного демографического баланса, а точнее — резкого сокращения числа мужчин молодого возраста в связи с военными действиями и мобилизационными кампаниями в период Первой мировой и гражданской войн, уменьшения в целом количественного состава мужского калмыцкого населения в результате политических репрессий, раскулачивания, отходничества. В силу сложившегося демографического перекоса, осознания женщиной своей генетической ответственности как Женщины-Матери, становится вполне понятным усиление процесса женской социализации, проявление, в определенной степени, ее лидирующей роли в жизни общества.

Можно выделить еще один характерный фактор, определивший выступления протеста со стороны калмычек, — гендерно-этнический. Положение женщины-калмычки в традиционном обществе характеризовалось ее подчиненной ролью. В годы коллективизации господствующие в обществе социально-культурные стереотипы в известной мере мешали вовлечению женщин в социально-политическую сферу. В то же время стремление сберечь традиции, в том числе — путем создания условий для сохранения и социализации подрастающего поколения, имело для калмыцкой женщины немаловажное значение. В трудные годы коллективизации сельского хозяйства, она, презирая опасность, отчаянно боролась за выживание своих детей и семьи, за сохранение средств к существованию и домашнего хозяйства.

История калмыцкого народа знает множество примеров, когда женщины-калмычки героически заменяли своих мужей, павших в военных сражениях дороссийского периода — еще в ойратской истории. Так же было и в годы Великой Отечественной войны: сотни женщин сразу же после нападения Германии на СССР в числе первых добровольно мобилизовались на фронт,

принимали непосредственное участие в боевых действиях в рядах Каспийской военной флотилии, в составе партизанских отрядов, в строительстве оборонительных сооружений, железной дороги Астрахань–Кизляр [Очиров 2013: 59]. Они самоотверженно трудились в тылу, на сложных производственных участках, где раньше трудились их мужья, отцы и братья, ушедшие на фронт. Особенно активно гендерно-психологический и гендерно-этнический факторы проявились в годы депортации калмыцкого народа в Сибирь, когда, как и во время голодного бедствия 1932–1933 гг., решалась судьба и будущее калмыцкого этноса.

Советские и партийные органы, в ответ на женский протест в 1930-е гг., пытались выработать приемлемую линию по отношению к крестьянкам, привлечь большее число женщин к активному участию в мероприятиях Советской власти. К крестьянкам, по мнению властей, нужен более «правильный» подход. Во-первых, местным властным структурам предлагалось избегать насилия, грубости и бесцеремонности, которые являлись основными причинами антиколхозного протеста в ходе социалистического преобразования деревни. Во-вторых, усилить политическую работу с крестьянками, распространить на них свою идеологическую агитацию. Такая работа под руководством областного комитета партии и комсомола целенаправленно проводилась по всей Калмыцкой степи. Продолжалась работа «красных кибиток» (передвижного женорганизатора; начало деятельности – 1927 г.), призванных проводить политико-воспитательную работу среди калмычек. Краснокибиточницы активно участвовали в ликвидации безграмотности, организовывали чтение книг, выставки детской и женской одежды, приучали девушек к кройке и шитью и оказанию медицинской помощи кочующему населению. В 1935 г. в республике прошел I областной съезд женской молодежи, призванный активнее вовлекать девушек-калмычек в политическую жизнь деревни через участие в выборах, членство в советах и партии. В Советской Калмыкии были известны имена девушек-активисток Булгун Дертеевой, Тоси Надбитовой, Нармы Шапшуковой и др.

Однако в целом властям в ходе реализации непродуманной государственной

аграрной политики так и не удалось выстроить в полной мере конструктивные взаимоотношения с крестьянством, получить от него понимание и реальную поддержку. Жесткие, насильственные действия властных структур на местах вызывали вплоть до

середины 1930-х гг. выступления протеста со стороны сельского населения Калмыкии, в том числе со стороны женщин. На протяжении последующих лет в довоенное время масштабных акций протеста уже не наблюдалось.

Источники

Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (НА РК).

Литература

Ивницкий Н. А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 350 с.

Очиров У. Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной пе-

релом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Дону: ЮНЦ РАН, 2013. С. 53–60.

Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 1008 с.

Sources

[The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)

References

Ivnitsky N. A. [Repressive Policy of Soviet Power in the Village (1928–1933)]. Moscow: Institute of Russian History of the RAS, 2000. 350 p. (In Russ.)

Ochirov U. B. [Military Mobilization in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941–1943]. In: [A Radical Turning Point in the Great

Patriotic War: to the 70th anniversary of the liberation of the Don and the North Caucasus] Conf. proc. (Rostov-on-Don; June 6–7, 2013). Rostov-on-Don: Southern Scient. Center of the RAS, 2013. Pp. 53–60. (In Russ.)

[Tragedy of the Soviet Village: Collectivization and Dispossession of the Kulaks. 1927–1939. Documents and Materials]. In 5 vol. Vol. 2. November 1929 – December 1930. V. Danilov, R. Manning, L. Viola (ed.). Moscow: ROSSPEN, 2000. 1008 p. (In Russ.)

УДК 930.2

ББК 63.3(2) 615-4

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ

С. С. Цуцулаева

Установленный фашистами на оккупированных территориях в странах Европы так называемый «новый порядок» вызвал волну народно-освободительной борьбы, которая вошла в историю Второй мировой войны как движение Сопротивления. Попавшие в плен бойцы и офицеры Красной Армии, в том числе и представители народов Северного Кавказа, не смирились со своим положением. Бежавшие из концлагерей, они вместе с местными патриотами вели героическую борьбу против гитлеровцев, оказывая непосредственную помощь Красной Армии и войскам союзников в изгнании врага. Движение Сопротивления составляло неотъемлемую, закономерную часть войны всех народов Европы против фашизма, чем объясняется непреходящий интерес к этой теме историков, публицистов и журналистов. Она затрагивалась как в обобщающих работах по истории республик Северного Кавказа, так и в работах о Великой Отечественной войне.

Первая попытка рассказать о действиях партизан-карачаевцев была сделана в книге И. К. Добагова [Добагов 1975: 181–182]. В ней живо и интересно, на большом фактическом материале, автор рассказывает о мужестве и героизме Бориса Казиева (бывший помощник областного прокурора), который был активным участником антифашистского Сопротивления в Чехословакии. По данным И. К. Добагова, шесть раз его схватывали фашисты и приговаривали к смертной казни, и все шесть раз он бежал из тюрьмы, чтобы продолжать борьбу. «Есть один выход, – записал Казиев в своем дневнике, напоминая Моабитскую тетрадь Мусы Джалиля, – борьба!» Он погиб вдали от Родины, не уронив чести советского воина, как коммунист, советский патриот и интернационалист» [Добагов 1975: 182]. Какие-либо другие данные о карачаевцах этим и другими авторами не приводятся. Однако и то, что есть, безусловно, имеет определен-

ную ценность для выяснения вопроса об участии карачаевцев в движении Сопротивления в Европе.

Если о партизанах-карачаевцах писали немногие авторы, то о калмыках, участвовавших в европейском Сопротивлении написано немало.

Одной из первых работ, где приводятся сведения о калмыках, участвовавших в движении Сопротивления в Европе, является книга военных мемуаров Т. Ф. Новака, в которой сообщается, что в составе Армии Людовой в Польше героически сражался с гитлеровцами эскадрон калмыков, тайно сформированный из узников фашистских концлагерей и влитый в состав ККК (Калмыцкий кавалерийский корпус) [Новак 1963: 88–101, 103–105]. Деятельность калмыцкого эскадрона нельзя оценивать однозначно, ставя его на одну ступень с бандитскими группами, появившимися на территории Калмыкии в период фашистской оккупации. Но эти люди, в конце концов, нашли в себе силы разорвать позорные узы, перейти на сторону своего сражающегося народа и своею кровью смыть свою вину перед ним, как это сделал Илья Субботинович Манцын.

Заметным вкладом в историографию проблемы явились разделы о Великой Отечественной войне, где отражены вопросы, связанные с партизанским движением в западных районах СССР и движением Сопротивления в Европе, в работах, посвященных истории республики и ее партийной организации, а также в специальной работе о Великой Отечественной войне, автором которых является профессор М. Л. Кичиков [Очерки истории Калмыцкой АССР... 1970: 314–315; Очерки истории Калмыцкой организации 1980: 253; Кичиков 1970: 195–196].

М. Л. Кичиков значительно расширил круг представителей Калмыкии, боровшихся в составе партизанских бригад в Югославии и в рядах французского Сопротивле-

ния: Николай Тимашов, Лиджи Шургучиев и Иван Бадмаев, которые томились в фашистских концлагерях Берке и Бухенвальд, Санджи Авьюсов, Иван Суктугинов, Семен Божадиков, Нарма Дакинов и другие бойцы одной из партизанских бригад Югославии, а также участник движения Сопротивления во Франции Дмитрий Балханаков.

В монографии М. Л. Кичикова изложены не только факты, указывающие на прямое участие калмыков в движении Сопротивления в Европе, но и показаны мужество и героизм, проявленные ими в борьбе. Рассказывая о Х. Бадмаеве, автор приводит одно из писем политработника Первой Советской ударной бригады Югославской армии, Григория Жилиева, который характеризовал Бадмаева так: «К 14 мая 1944 г. он уже был политкомиссаром Советского батальона, а назначили его за личную храбрость в бою и светлую голову. Он был тяжело ранен, но, истекая кровью, сражался вместе с ними, не отступив ни на шаг... Человек он духовно крепкий: это его замечательная черта, за что мы и уважаем его» [Кичиков 1970: 195–199]. Исследования М. Л. Кичикова расширили географию изучения проблемы и внесли свой вклад в ее историографию.

Об участии калмыков в рядах французского Сопротивления рассказывается в книге Н. Н. Полякова, одна из статей которой посвящена Д. А. Балханакову [Поляков 1973: 86–93]. Автор опирается не только на архивный материал, но и на воспоминания самого героя. Так, из воспоминаний Д. А. Балханакова стало известно, что вместе с ним в лагере для военнопленных находились Бембя Мимеев и замученный в лагере бывший бухгалтер конторы в Элисте Бадма Антонов, передавший своим землякам предсмертное письмо-завещание, в котором он призывал своих товарищей не забывать Родину и отомстить за муки и гибель советских военнопленных [Поляков 1973: 88].

В книгах Н. У. Илишкина и Б. М. Агаркова описаны некоторые эпизоды боевой партизанской жизни Х. Бадмаева, служившего в 18-й бригаде «Сошко» 30-й дивизии 9-го корпуса, и С. Авьюсова, командира взвода пятой роты 13-й Хорватской бригады 1-й Пролетарской дивизии, переименованной затем в 1-й Пролетарский корпус Югославии [Илишкин, Оглаев 1988: 92–95, 100–113; Илишкин 1973: 71–84; Агарков 1982: 80–83].

Н. У. Илишкин приводит слова подпольщика ЮНА Й. Или: «Авьюсов Санджа был необыкновенно храбрым, рассудительным командиром. Был награжден орденом „За храбрость“, и было мнение представить к высшей награде (ордену Народного Героя Югославии, что было бы возможно, если бы рота не была внезапно передана советскому командованию). Он с бригадой прошел весь путь от Хорватии до Болгарии, участвуя во всех боях. Но в Белграде он вместе со своей ротой был спешно передан советским частям» [Илишкин 1990: 63].

Названные издания дополняют и расширяют ранее известные сведения об участии калмыков в партизанском движении и в движении Сопротивления в Европе, позволяют уточнить число калмыков, находившихся в различных партизанских соединениях и отрядах, как на территории нашей страны, так и в Европе.

Одной из последних в калмыцкой историографии работ, где освещены некоторые вопросы периода Великой Отечественной войны, является книга П. О. Годаева «Боль памяти», в которой затрагивается вопрос о военнопленных [Годаев 1999: 101–104]. Автор показал трагическую судьбу Е. М. Бадмаева, который с первых дней войны и до мая 1945 года находился в лагере для военнопленных в Норвегии. И только в октябре 1994 года, спустя 50 лет после войны, ему было вручено удостоверение ветерана войны. Материал, имеющийся в работе П. О. Годаева, несмотря на отсутствие в ней исторического анализа описанных событий, имеет значение для дальнейшего углубленного изучения данной проблемы.

Участие чеченцев и ингушей в движении Сопротивления рассматривается в исследованиях профессора Х. А. Гакаева [Гакаев 1996: 241–242]. Используя архивный материал, наряду с другими военными темами, автор сообщает о некоторых боевых подвигах партизан. Так, в книге «Чеченцы: история и современность» рассказывается об А. Устарханове — участнике движения Сопротивления во Франции 1943–1945 годов, и М. Юсупове, который воевал против фашистских захватчиков в итальянском движении Сопротивления в рядах 51-й Ударной бригады имени Артуро Капеттини с 1 мая 1944 года и до конца войны. В «Удостоверении патриота», выданном М. Юсупову командованием дивизии «Модена», записано: «От имени правительства и народов

объединенных наций мы благодарим Юсупова Магомеда за то, что он воевал в рядах патриотов, среди тех людей, которые пронесли оружие к торжеству свободы, развертывая наступательные операции, выполняя акты вредительства, предоставляя военную информацию...!» [Гакаев 1996: 241–242].

Особого внимания заслуживает исследование М. М. Ибрагимова и И. З. Хатуева, посвященное вкладу чеченского народа в победу над фашизмом [Ибрагимов, Хатуев 2007: 209–218]. В одной из глав этой содержательной работы освещены вопросы участия представителей Чеченской Республики в партизанской войне и в рядах европейского Сопротивления. Используя фактический материал, авторы приводят примеры боевых действий как ранее известных, так и неизвестных героев партизанской войны. В частности, по данным М. М. Ибрагимова и И. З. Хатуева, против фашистов на итальянской земле в районе города Карния активно боролось целое чеченское подразделение. Источником данной информации явилась книга «Память о свободе», опубликованная в марте 2005 года в Италии, на 30-й странице которой говорится о чеченском подразделении, воевавшем против фашистов, и здесь же помещен фотоснимок чеченских бойцов, хранящийся в архиве Центральной библиотеки города Удин (Италия) [Ибрагимов, Хатуев 2007: 217].

Содержательные подробности о боевых действиях французского партизана А. Устарханова также приведены в этом труде. Кроме фактического материала, в книгу включены и воспоминания самого героя, командира роты 1-го Советского партизанского полка во Франции. О мужестве и героизме А. Устарханова свидетельствуют высшие награды Франции, которые сам генерал Шарль де Голль вручал бесстрашному чеченскому партизану [Ибрагимов, Хатуев 2007: 217–218]. По сведениям авторов, кроме вышеуказанных героев, в движении Сопротивления участвовал и выполнял боевые задания по уничтожению вражеских сил и техники на территории Польши, а затем был заброшен для диверсионной работы во Францию и С. А. Мальсагов [Ибрагимов, Хатуев 2007: 217].

Данные, приводимые М. М. Ибрагимовым и И. З. Хатуевым, значительно расширили круг имен чеченцев, боровшихся в составе партизанских бригад в Италии, Польше и в рядах французского Сопротивления.

Исследованию вопроса об участии представителей Кабардино-Балкарии в партизанском движении отведены специальные подразделы во всех обобщающих работах местных ученых о Великой Отечественной войне и по истории республики, в которых наряду со всеми представителями, участвовавшими в движении Сопротивления, как показано в исследованиях Е. Т. Хакуашева, были и балкарцы [Хакуашев 1981: 137; 2-е изд. 1978: 271–278; Он же 1991: 154–155; Давыдов, Хакуашев 1967: 273–274]. Используя конкретно-исторические факты, автор достаточно аргументированно, в интересной и доступной форме воплотил интересующую нас тему. Из приведенных в данном труде имен и фактов, в частности, стало известно, что Мустафа Настуев сражался с фашистами на итальянской земле, а Магомет Османов, прозванный за мужество «Тамирбашем» («железной» головой), был участником партизанского движения в Югославии. Однако в этих исследованиях деятельность балкарцев в движении Сопротивления в Европе показана эпизодически, а приведенные факты далеко не отражают всей полноты данной проблемы. Очевидно, что она требует более глубокого изучения.

Таким образом, анализ исторической литературы по названной проблеме показал, что количество исследований невелико, а изучение вопроса до сих пор развивается экстенсивно и сводится к накоплению фактов по отдельным героям — представителям репрессированных народов Юга России. В ней нашли свое отражение не только факты, указывающие на прямое участие представителей репрессированных народов Северного Кавказа в движении Сопротивления в Европе, но и показаны мужество, героизм, проявленные оказавшимися по разным причинам на территории европейских государств, оккупированной врагом. Тем не менее, совершенно очевидно, что данная проблема требует специального, глубокого и всестороннего исследования.

Литература

Агарков Б. М. Пути-дороги фронтовые. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 89 с.

Во имя победы над фашизмом: Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.

- Гакаев Х. А. В годы суровых испытаний. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1988. 120 с.;
- Гакаев Х. А. Чеченцы в боях против немецко-фашистских захватчиков // Чеченцы: История и современность / сост. и общ. ред. Ю. А. Айдаева. М.: «Мир дому твоему», 1996. С. 241–242.
- Годаев П. О. Боль памяти: Сборник воспоминаний о годах депортации. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 351 с.
- Давыдов И. В., Хакуашев Е. Т. Кабардино-Балкарская АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История Кабардино-Балкарской АССР: В 2 т. М.: Наука, 1967. Т. 2. С. 273–274.
- Добагов И. К. Очерки истории областной комсомольской организации Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкес. отд. Ставропол. кн. изд-ва, 1975. 368 с.
- Ибрагимов М. М., Хатуев И. З. Чеченская республика в период Великой Отечественной войны. Нальчик: Издат. центр Эль-Фа», 2007. 316 с.
- Илишкин Н. У. Люди, судьбы, встречи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 122 с.
- Илишкин Н. У. Незабываемые наши фронтовики. Элиста: АПП «Джангар», 1990. 70 с.
- Илишкин Н. У., Оглаев Ю. О. Родина помнит. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 220 с.;
- Новак Т. Ф. Лесная быль. М.: Воениздат, 1963. 207 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. С. 276–316.
- Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. С. 238–261.
- Поляков Н. Н. Герои войны – герои литературы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 100 с.
- Хакуашев Е. Т. В боях за Кабардино-Балкарию (1942–1943 гг.). 2-е изд., исправ. и доп. Нальчик: Эльбрус, 1981. 137 с.
- Хакуашев Е. Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 271–278.
- Хакуашев Е. Т. Сыны и дочери Кабардино-Балкарии в боях за Родину (1941–1945 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 154–155.

References

- Agarkov B. M. [Front Ways and Roads]. Elista: Kalm. Book Publ., 1982. 89 p. (In Russ.)
- Davydov I. V., Khakuashev E. T. [Kabardino-Balkar ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In: [History of the Kabardino-Balkarian ASSR]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 273–274. (In Russ.)
- Dobagov I. K. [Essays on the History of the Regional Komsomol Organization of Karachay-Cherkessia]. Cherkessk: Stavropol Book Publ., 1975. 368 p. (In Russ.)
- [Essays on the History of the Kalmyk ASSR. Era of Socialism]. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 276–316. (In Russ.)
- [Essays on the History of the Kalmyk CPSU]. Elista: Kalm. Book Publ., 1980. Pp. 238–261. (In Russ.)
- Gakaev Kh. A. [In the Years of Severe Trials]. Grozny: Chechen-Ingush. Book Publ., 1988. 120 p. (In Russ.)
- Gakayev Kh. A. [Chechens in Battles against German Fascist Invaders]. In: [Chechens: History and Modernity]. Yu. A. Aidaev (compl., ed.). Moscow: Peace to Thy House Publ., 1996. Pp. 241–242. (In Russ.)
- Godaev P. O. [Pain in Memory: A Collection of Memories of the Years of Deportation]. Elista: Dzhangar, 1999. 351 p. (In Russ.)
- Ibragimov M. M., Khatuev I. Z. [Chechen Republic during the Great Patriotic War]. Nalchik: El-Fa, 2007. 316 p. (In Russ.)
- Ilishkin N. U. [People, Destinies, Meetings]. Elista: Kalm. Book Publ., 1973. 122 p. (In Russ.)
- Ilishkin N. U. [Unforgettable our Frontline Soldiers]. Elista: Dzhangar, 1990. 70 p. (In Russ.)
- Ilishkin N. U., Oglayev Yu. O. [Motherland Remembers]. Elista: Kalm. Book Publ., 1988. 220 p. (In Russ.)
- [In the Name of the Victory over Fascism: Essays on the History of the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War]. Elista: Kalm. Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. [In the Battles for Kabardino-Balkaria (1942–1943)]. 2nd ed. Nalchik: Elbrus, 1981. 137 p. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. [Kabardino-Balkarian ASSR in the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nalchik: Elbrus, 1978. Pp. 271–278. (In Russ.)
- Khakuashev E. T. [Sons and Daughters of Kabardino-Balkaria in the Battles for the Motherland (1941–1945)]. Nalchik: Elbrus, 1991. Pp. 154–155. (In Russ.)
- Novak T. F. [The Tale from the Forest]. Moscow: Voениzdat, 1963. 207 p. (In Russ.)
- Polyakov N. N. [Heroes of the War — Heroes of Literature]. Elista: Kalm. Book Publ., 1973. 100 p. (In Russ.)

УДК 811.512.37
ББК 81. 2 (Рос=Калм)

**КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ СИНЬЦЗЯН-ОЙРАТСКОЙ
И КАЛМЫЦКОЙ ВЕРСИЙ ЭПОСА «ДЖАНГАР»:
СРАВНИТЕЛЬНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В. В. Салыкова

В последнее время цветообозначающая лексика стала излюбленной темой этнолингвистических, лингвокультурологических, лингвокогнитивных и лингвофольклористических исследований на материале разных языков и текстов. Исследователи особо подчеркивают важность лексикологического изучения языка фольклора, в том числе колоративной лексики, характерной для эпических сказаний монголоязычных народов [Омакаева 2006: 101–103]. И это не случайно.

С этнолингвистической точки зрения, обращают на себя внимание, во-первых, различия между языками в обозначении основных цветов и ахроматического ряда. Во-вторых, значимым оказывается отношение носителей данного языка к тому или другому цвету, то есть некое суммарное восприятие цвета и его участия в формировании соответствующих представлений, связанных с народными обычаями, поверьями и ритуалами.

Важным для системы цветообозначения является оценочно-эмоциональное восприятие как ахроматических, так и хроматических цветов. Например, цвета, относящиеся к хроматическому ряду, дополнительно подразделяются на холодные или теплые.

В литературе, посвященной цветообозначениям, нет единого мнения о составе и семантике названий даже так называемых основных цветов (хроматических и ахроматических), выделяемых носителями разных языков. Понятно, что только малая часть этого потенциального «количества цветов» представлена в языке специальными терминами, известными всем носителям данного языка. Количество цветов намного больше, чем их названий.

Известно, что обычно люди различают и обозначают многие цвета только в связи с конкретными признаками предмета, имеющими для него практическое значение, и, следовательно, обобщенное название цвета соотносится с каким-то качеством предмета-эталона, типичным и для данного предмета. Такие слова рассматриваются в качестве единичных и характерных названий: *һал улан*, *цусн улан* – для красного цвета, *үсн цаһан* – как названия для белого цвета и т. д. Подобные слова, имеющие в виду характерную окраску определенных предметов, которые служат для эталонного обозначения того или иного цвета (или какого-то его оттенка), называют также «предметными» или «производными». Вместе с тем целый ряд цветообозначений словно бы абстрагирован от своей предметной основы. Это относится и к хроматическим цветам (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый), и к ахроматическим (белый, серый, черный).

Термины цветообозначения в языке калмыцкой и ойратской версий эпоса «Джангар» еще не становились объектом специального сравнительно-сопоставительного исследования, хотя необходимо назвать работы Г. Ц. Пюрбеева [Пюрбеев 1993] и Б. Х. Тодаевой [Тодаева 1976], которые содержат ценные наблюдения над семантикой колоративных прилагательных в калмыцком «Джангаре», и статьи Э. У. Омакаевой, посвященные лингвоцветовой картине мира калмыков [Омакаева 2009: 269–276] и их цветовым представлениям [Омакаева 2009а: 84–88].

Известный монголист Г. Ц. Пюрбеев отмечает, что «принцип цветообозначения играет очень важную роль в фольклорном тексте, особенно эпическом. В языках мон-

гольских народов цветовой признак положен в основу видовых названий, пищи и пищевых продуктов, злаков и растений, различной качественной характеристики предметов и социального противопоставления людей» [Пюрбеев 1993: 59].

В тексте калмыцкого героического эпоса «Джангар» зафиксировано преобладание слов с семантикой белого (цаһан), желтого (шар), черного (хар), голубого, синего, зеленого (көк, ноһан) и красного (улан) цветов. Согласно подсчетам Б. Х. Тодаевой, по своей частотности они распределяются следующим образом: первое место по числу употреблений занимает прилагательное *шар* – «желтый» (320 слов), второе – *хар* «черный» (291), третье – *цаһан* «белый» (191), четвертое – *көк* «синий, голубой, зеленый» (116) и пятое – *улан* «красный» (110) [Тодаева 1976: 79].

Рассмотрим эти прилагательные в составе разных словосочетаний, с помощью которых достигается живое, образное описание предметов:

I. Словосочетания с прилагательным *хар* (черный) включают в:

1) названия волшебных предметов (объектов), мифологических существ, явлений, связанных с магическими обрядами: *хар маңһсин көвүн* (сын черного мангуса, сказочного чудовища), *хар тәрн* (черное мистическое заклинание), *хар шуурһн* (черная метель, пурга);

2) названия отвлеченных понятий, характеризующих состояние и поведение человека: *аршан хар нульмсн* (священно-чистые слезы), *хар эмгн* смуглая старуха, старуха-простолюдинка), *хар бөк* (черный борец), *ик хар баран* (большой черный силуэт);

3) названия богатырского оружия и ритуальных военных атрибутов: *дөш хар эмэл* (черное седло-наковальня), *ээрстин хар елдң* (черная нагайка с граненым плетением), *хар үлд* (черный меч), *хар һох* (черный крюк, крючок);

4) названия частей тела, предметов быта, одежды и напитков: *хар толһа* (черная голова), *хар нүдн* (черные глаза), *хар бульчң* (черные икры, мускулы), *хар үсн* (черные волосы), *хар болд зүркн* (сердце, как черная сталь), *хар турун* (черные копыта), *дөрвн хар савр* (четыре черные лапы), *хар махн* (филе мяса), *хар торһн дөрөлжн* (черная шелковая подушка), *хар бүшмүд* (черное платье), *хар*

хээсн (черный котел), *хар утхур* (черное кожаное ведро), *хар уһн дах* (доха из шкуры черного жеребенка), *хар торһн лавшг* (черная шелковая накидка; черный халат);

5) названия дворцовых построек, военных укреплений, жилища и его составных частей: *хар бээшң* (черный дворец), *хар уурц* (черный чум, хижина), *хар ширэ* (черный трон, стол).

Таким образом, лексема *хар* оказывается многозначной. Из примеров видно, что в эпическом тексте она передает как отрицательную, так и положительную оценку изображаемого предмета.

II. Словосочетания с прилагательным *цаһан* (белый). В системе эпического цветообозначения эта лексема занимает важное место. «Являясь антиподом черного цвета, белый цвет имеет метафорические значения с положительной коннотацией. В эпосе «Джангар» белый цвет воспринимается как синоним всего чистого, светлого, священного и божественного. Он является также символом благополучия и счастья» [Пюрбеев 1993: 61–63].

Цветосимволика слова *цаһан* (белый) реализуется в таких микроконтекстах, как:

1) названия культовых и ритуальных предметов (вещей): *цаһан эрднь* (священные белые драгоценности), *цаһан цөгц* (священная чаша, чашка), *цаһан хадг* (белый хадак), *цаһан эм* (священное белое лекарство);

2) названия культовых объектов, частей тела человека, которые отмечены печатью божественности и святости: *Бумбин Цаһан өргэ* (Бумбайский белый дворец), *дарцг цаһан эрвң* (белый, словно священный флаг, брюшной жир), *дуңгин цаһан өргэ* (перламутрово-белый, словно раковина, дворец), *Эрднин Цаһан уул* (алмазная белая гора), *Цэңкр Цаһан уул* (голубовато-белая гора), *Ордн Цаһан өргэ* (Золотисто-белый дворец), *Дуңһр Цаһан өргэ* (круглый белый дворец), *арвн цаһан хурһд* (десять белых пальцев), *цаһан шүрүсн* (белая жила), *цаһан маңна* (белый лоб), *цаһан тоха* (белый локоть), *Цаст Цаһан уул* (Снежно-белая гора), *цаһан хамр* (белый нос), *цаһан шүдн* (белые зубы), *ома цаһан үмс* (лоноподобные белые уста), *Мөсн Цаһан уул* (Ледяная белая гора), *дарцг цаһан чееж* (белая грудь, подобная священному флагу);

3) названия богатырской одежды: *шууда цаһан кишлг* (длинная белая рубашка), *цаһан бииз* (белое верхнее платье);

4) названия масти и окраски животных: *цаһан буур* (белый верблюд-производитель), *цаһан май* (белый одnogорбый верблюд, дромадер), *өл цаһан туула* (сизо-белый заяц), *өлңгин цаһан ялмн* (сизо-белый тушканчик);

5) названия богатырского снаряжения, природных объектов и явлений, растений: *цаһан тоосн* (белая пыль), *көвң цаһан тохм* (как вата, белый потник), *көвң цаһан үүлн* (белые, как вата, облака), *цаһан бетк* (белые корешки растений), *цаһан өвсн* (ковыль), *эжго эрм цаһан көдә* (белая пустынная безлюдная степь).

III. Словосочетания с прилагательным *шар* (желтый). Желтый цвет символизирует буддийскую религию и реализуется в названиях:

1) культовых объектов и ритуальных атрибутов-символов: *шар алтн сүм* (золотисто-желтый монастырь), *шар хадг* (желтый хадак), *шар бичг* (священная желтая книга), *шар ном* (священная желтая сутра), *шар лам* (буддийский монах);

2) дворцовых сооружений и предметов интерьера: *шар цоохр бэгшн* (желто-пестрый дворец), *шар бамбл* (желтый купол дворца);

3) снаряжения богатыря и его коня: *шар цоохр саадг* (желто-пестрый лук), *шар болд үлд* (желтый стальной меч), *шар дегә* (желтый крюк, крючок), *шар цоохр арм* (желто-пестрый дрот, копье), *шар балт* (желтая секира), *ке шар цоохр олңг* (красивые желто-пестрые тебеньки);

4) предметов утвари, украшений и вещей: *шар шаазң* (желтая фарфоровая чашка), *шар ааһ* (желтая пиала), *шар тавг* (желтое блюдо), *шар цоохр һаңһр* (желто-пестрая тонкая фарфоровая чашка), *шар хээрцг* (желтая шкатулка);

5) масти животных и оперения птиц: *шар тормн* (желтый двухгодовалый верблюжонок), *шар толһата хун* (желтоголовый лебедь), *шар толһата хән* (желтоголовая овца).

IV. Словосочетания с прилагательным *улан* (красный). В системе эпического цветообозначения эта лексема занимает значительное место. Слово *улан* (красный) заклю-

чает в себе преимущественно положительную оценку предмета. Семантика и символика красного цвета получает отражение в следующих микроструктурах:

1) названия предметов сказочного, мифического происхождения: *улан солңһ* (красная радуга), *улан тоосн* (красная пыль);

2) названия частей тела и внешнего облика: *улан хачр* (халх) (алые ланиты, красные румяные щеки), *цусн улан куукн* (красная девица), *әнжсүр улан элкн* (нежная красная печень), *улан хол* (красная аорта), *улан урл* (красные губы), *улан келн* (красный язык);

3) названия пищи, напитков, обуви, предметов одежды: *зандн улан цә* (крепкий чай цвета красного сандала), *миимин улан һосн* (сафьяновые красные сапоги), *улан бүс* (красный пояс).

V. Словосочетания с прилагательным *көк* (синий, голубой, зеленый, серый, сизый). Символика этого цвета древняя, и связана она с небом, культ которого был распространен среди всех монголов, в том числе и ойратов, до принятия ими буддизма в качестве официальной религии. Богатыри Джангара владеют необычным оружием, сделанным небесными мастерами во главе со старым кузнецом *Кёке* (*Көк дархн*). Многие названия оружия бумбайских богатырей включают цветовое определение *көк*, подчеркивающее их небесное происхождение, а потому оружие обладает чудесными волшебными свойствами. Таковы, например, *көк жилң* (небесная стрела), *көк киивр саадгин сумн* (свистящая стрела небесного лука), *көк девән өвсн* (травы зеленых лугов), *көк чолун* (синий, зеленый камень), *көк манан* (синий туман), *көк темн* (синяя, зеленая большая игла).

Словосочетания с прилагательным *бор* (серый) встречаются очень редко. В основном слово *бор* входит в состав имени богатыря *Бор Маңна*, названий птиц: *бор харцх* (серый ястреб) — и обозначений возвышенностей: *бор довун* (серый холмик, бугорок).

В рассматриваемых главах двух сопоставляемых версий, а именно в «Главе о женитьбе Хонгора» калмыцкого эпоса (далее КД) и в «Главе о женитьбе Хонгора» синьцзян-ойратской версии (далее СД), преобладают прилагательные *улан* (красный) и *хар* (черный). В калмыцкой версии «Главы о женитьбе Хонгора» слово *хар* встречается 47 раз, а в синьцзян-ойратской «Главе о же-

нитьбе Хонгора» слово *улан* встречается 99 раз, далее идут слова с семантикой белого (КД – 38, СД – 86), черного (СД – 63), желтого (КД – 28, СД – 10), красного (КД – 11), синего, голубого, зеленого (КД – 7, СД – 4) и серого (КД – 3, СД – 16) цветов.

В заключение отметим, что система цветообозначений в «Джангаре» отлична от подобной системы в современном калмыцком языке, обладает спецификой, обусловленной образным, поэтическим языком эпического стиля.

Литература

- Омакаева Э. У. Колоративный образ этнической культуры: лингвоцветовая картина мира и базовая хроматическая лексика в монгольских языках // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (Элиста, 2009, 13–18 сентября). Ч. II. 648 с. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 269–276.
- Омакаева Э. У. Цветовые представления калмыков сквозь призму типологии языков и типологии культур Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России // Материалы Всероссийской

Список условных сокращений

КД – калмыцкий героический эпос «Джангар». Жаңһр. Хальмг баатрлг эпос. I боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1985, 315 х. «Хонһрин гер авлһна бөлг» 25–67 х.; СД – синьцзян-ойратская версия эпоса «Джангар». Джангар. Урумчи, 1985, 1986, Т. I. 862 с. «Arslangiyin Araq Ulān Xongyor-yin gerleqsen bölöq». С. 461–523.

научно-практической конференции (9–12 ноября 2009). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. С. 84–88.

- Омакаева Э. У. Проблемы лингвокультурологического изучения эпических сказаний монголоязычных народов (на примере лексики калмыцкого героического эпоса «Джангар») // Восток в исторических судьбах народов России. 5 Всероссийский съезд востоковедов. Книга 2. М., 2006. С. 101–103.
- Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. Этнолингвистические этюды. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.
- Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.

References

- Omakaeva E. U. [The Colorative Image of Ethnic Culture: a Lingvocoloured Picture of the World and Basic Chromatic Vocabulary in Mongolian Languages]. In: [United Kalmykia in United Russia: through Centuries to the Future]. Conf. proc. devoted to the 400th anniversary of the Kalmykia people's voluntary entry into the Russian state (Elista; September 13–18, 2009). Part II. 648 p. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2009. Pp. 269–276. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. [Color Notions of the Kalmyks through the Prism of Language Typology and Cultural Typology. Cultural-historical Interaction between the Russian Language and the Languages of the Peoples of Russia]. Conf. proc. (Elista; November 9–12, 2009). Elista: Kalmyk State University Publ., 2009. Pp. 84–88. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. [Problems of lingvo-cultural Study of Epic Tales of Mongolian-speaking Peoples (on the Example of Kalmyk Heroic Epos “Dzhangar”)]. In: [East in Historical Fates of Russian Nations]. V All-Russian Congress of Oriental Studies. Book 2. Moscow, 2006. Pp. 101–103. (In Russ.)
- Pyurbeyev G. Ts. [The Epic “Dzhangar”: Culture and Language. Ethnolinguistic Etudes]. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 128 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. [Experience of the Linguistic Research of the Epos “Dzhangar”]. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

**КОНСТРУКЦИЯ НЕ Я (ТЫ) ЛИ +
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ VS ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ
И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТАТУСОВ***

П. В. Ключин, Е. В. Маркасова

Вводные замечания. Данные Национального корпуса русского языка НКРЯ¹ свидетельствуют о том, что риторический вопрос, начинающийся конструкцией *не + личное местоимение + частица ли*², может служить для выражения полярных настроений и разнообразных чувств: недовольства, разочарования, сомнения и радости, искреннего восторга. Эта конструкция распространена в письменной речи, причем для создания имитации устной. В живой речи, по данным материалов НКРЯ и «Одного речевого дня» (ОРД), она почти не встречается. Это объяснимо: в письменной речи благодаря двум клитикам (проклитика «не» и энклитика «ли») местоимение воспринимается как выделенное слово, тогда как в устной речи адресант выделяет местоимение просодическими средствами.

В предыдущих публикациях, посвященных этой теме [Ключин, Маркасова 2013а, 2013б], мы писали о распределении позитивной и негативной коннотации в конструкции *не я (ты) ли + глагол* и отмечали, что до середины XIX в. конструкция *не + личное местоимение + ли* использовалась как для выражения восхищения, так и для выражения возмущения чем (кем)-либо. В

XX в. для прозаических текстов преобладающей является отрицательная коннотация, а в поэзии конструкция сохраняет связь с высокой тематикой и по-прежнему может служить средством выражения позитивных эмоций.

Цель данной статьи — описание именных распространителей конструкции *не я (ты) ли + имя существительное (прилагательное)* и характера их обусловленности отношениями между адресантом и адресатом.

Общая характеристика материала. Как показывает НКРЯ, все возможные типы конструкции (*не я ли, не мы ли, не ты ли, не вы ли, не он (она, оно, они) ли*) с личным местоимением в именительном падеже встречаются в текстах разных литературных жанров XVIII–XXI вв. Безусловным «лидером» (по данным НКРЯ) является конструкция *не ты ли*, которая встречается чаще прочих (391), за нею с большим отставанием следует *не он ли* (226), *не я ли* (190), *не вы ли* (177), *не мы ли, не он ли, не она ли, не оно ли, не они ли*.

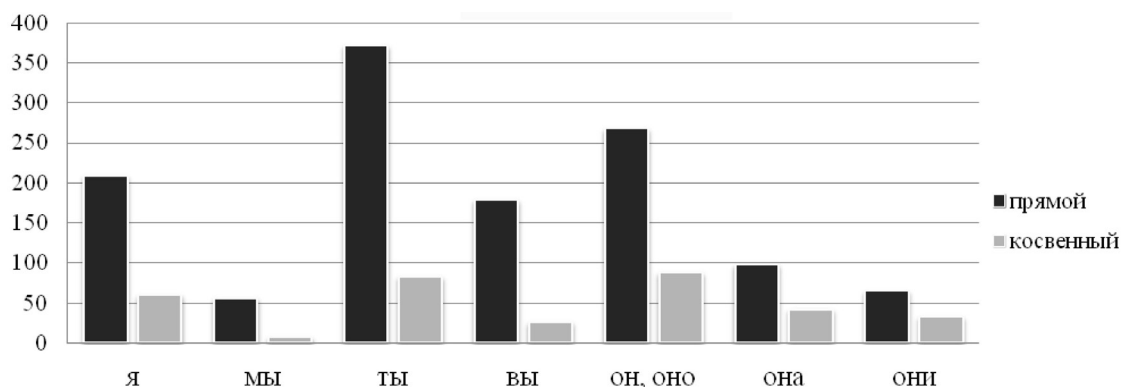
Конструкций с личным местоимением в прямом падеже больше, чем конструкций, содержащих местоимения в косвенных падежах (см. рис. 1).

* Исследование выполнено в рамках проекта „Информационная система коммуникативных сценариев спонтанной русской речи“» (РГНФ № 12-04-1201).

¹ Материал для исследования собран в мае 2012 г.

² Случаи употребления конструкции в начале придаточного предложения (Услышав мою фамилию, доктор осведомился, *не я ли тот генерал*, который командовал Железными стрелками. [А. И. Деникин. Путь русского офицера (1953)]), где *ли* является союзом, мы не рассматриваем.

Рис 1. Количество конструкций с местоимениями в прямом и косвенном падеже (по данным основного и поэтического корпусов)

Всего можно выделить две основные разновидности конструкции *не + личное местоимение + ли*. Во-первых, это риторический вопрос, предполагающий, что ответ известен как адресату, так и адресанту:

- (1) С ревом, свистом я летаю, Всем верчу, все возмущаю, Все дрожит передо мной! Так *не я ли* царь земной? ... И труда не будет много То на деле доказать! [В. А. Жуковский. Солнце и Борей : «Солнцу раз сказал Борей...» (1828)]
- (2) *Не ты ли* собирался бросить меня под колеса бензовоза, сбить машиной? [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]

Во-вторых, это риторическое восклицание, отражающее положение вещей, как его представляет говорящий:

- (3) — *Не я ли* говорила тебе, что он только и делает, что деньги занимает! [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

Приведенные примеры показывают, что конструкция может служить для выражения и положительной — см. (1) и (2), и отрицательной оценки чьих-либо действий (3). Риторический вопрос, как и риторическое восклицание, предполагает, что говорящий знает об истинном положении вещей все, причем безупречность собственной позиции для него очевидна [Москвин 2007: 644].

Как видно из рис. 1, именно непосредственное обращение к собеседнику, общение с ним «лицом к лицу» является наиболее стандартной формой риторического вопроса, выражаемого данной конструкцией.

Конструкция *не + личное местоимение + имя существительное vs прилагательное* представлена значительно скромнее, чем ее аналог с глаголом. В частности, в НКРЯ всего 20 примеров с конструкцией *не я ли + существительное* и 5 примеров с конструкцией *не я ли + прилагательное* (рис. 2); 28 примеров с конструкцией *не ты ли + существительное* и лишь 3 примера с конструкцией *не ты ли + прилагательное* (рис. 3).

Рис. 2. Статистика конструкции «не я ли + имя существительное vs имя прилагательное» (по данным основного и поэтического корпусов)

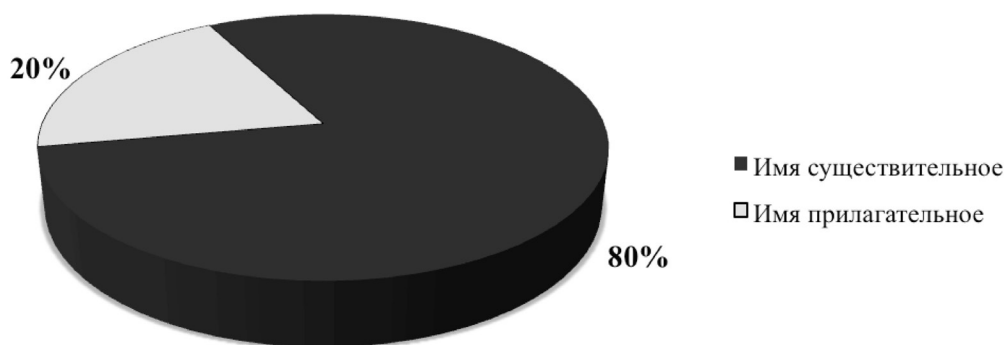

Рис. 3. Статистика «не ты ли + имя существительное vs имя прилагательное» (по данным основного и поэтического корпусов)

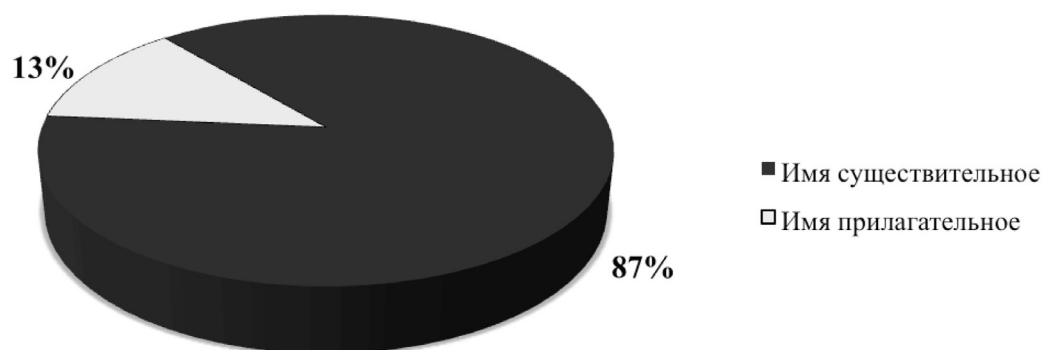

Рис. 4. Количество конструкций «не я (ты) ли + именная часть» от общего числа конструкций (по данным основного и поэтического корпусов).

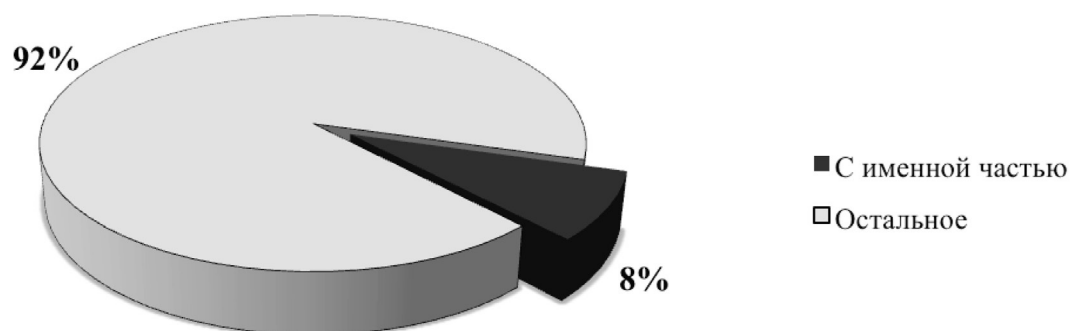

Рис. 5. Положительная и отрицательная коннотация конструкции «не я ли + именная часть» (по данным основного и поэтического корпусов)

Положительная и отрицательная коннотация в конструкции «не я ли + именная часть»

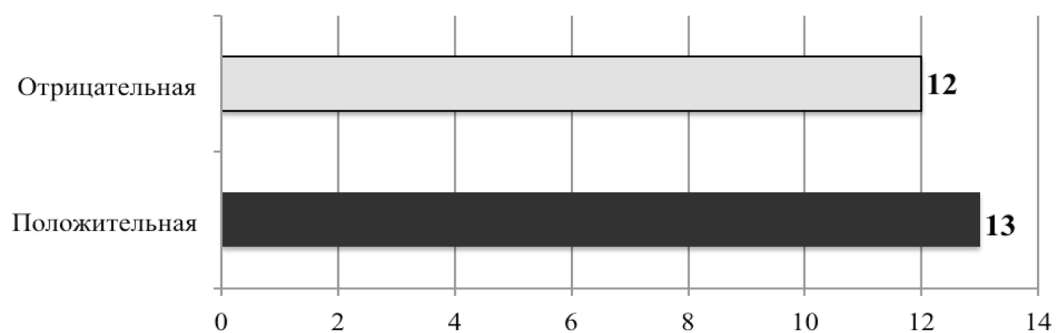

Рис. 6. Положительная и отрицательная коннотация конструкции «не ты ли + именная часть» (по данным основного и поэтического корпусов)

Не я ли + имя существительное vs прилагательное

В сочетаниях *не я ли* с именными частями речи явно выделяются две большие группы: во-первых, это группа предикатных имен, характеризующих место или роль адресанта в событиях, которые уже произошли и были восприняты как связанные с адресантом. В эту группу входят слова: *вина, причина, помеха, виновный, виноват* и т. д. Конструкции *не я ли + помеха (вина, причина* и проч.) часто используются в автокоммуникации.

- (4) *Не я ли виноват* в том, что он не приехал? [Н. И. Голицына. Воспоминания о польском восстании 1830–1831 (1837)]
- (5) Но потом, *не я ли была причиною*, что дело имело такой мелодраматический вид и привело к такой эффектной катастрофе? [Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863)]
- (6) *Не я ли был виною* ее гибели? [В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)]

Во-вторых, это группа распространителей конструкции именными частями речи, обозначающими статус, который, как считает говорящий, слушатель не может игнорировать.

- (7) Мне действительно приходило иногда на ум: *не я ли* в самом деле то *лицо*, в пользу которого составлено духовное завещание императрицы Елизаветы Петровны? [П. И. Мельников-Печерский. Княжна Тара-

канова и принцесса Владимирская (1867)]

Однако в поэтических текстах, для которых автокоммуникация чрезвычайно характерна, данная конструкция активно употребляется с именной частью, при этом чаще всего предложение имеет положительную коннотацию (исключая случаи самоуничтожения и самобичевания):

- (8) Душе моей дана Как бы незримая порфира. *Не я ли царь и бог?* Не мне ли честь и дань? [И. А. Бунин. «На всякой высоте прельщает Сатана...» (1916.08.26)]
- (9) Не мой ли сей венец? *Не я ли дочь Петрова?* И россы моего все требуют покрова. [М. В. Ломоносов. Надпись на день восшествия на престол Ее величества 1753 года, где Ее величество уподобляется Минерве, молниєю поражающей дракона многоглавного: «О древность славная пречудными делами...» (1753)]
- (10) Так *не я ли царь земной?*.. И труда не будет много То на деле доказать! [В. А. Жуковский. Солнце и Борей: «Солнцу раз сказал Борей...» (1828)]
- (11) *Не я ли сам страдалец* тот Тантал? [В. К. Кюхельбекер. «Ты пыльной древности преданья воскресил...» [Два сонета, 2] (1839)]

Примеры такого типа в основном датируются XVIII–XIX вв., причем во всех случаях ощущается присутствие воображаемой «публики», которой приписывается способ-

ность (или даже долженствование) сочувствовать и симпатизировать говорящему.

- (12) *Не я ли ваш государь законный*, некогда вами любимый? [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808–1820)]

Для адресанта основанием ощущать превосходство над адресатом может являться указание Я-статуса, сопровождаемое конкретизацией заслуг перед обществом или непосредственно адресатом (см. примеры (13) и (14)).

- (13) *Не я ли мать ваша? не я ли родила вас? не я ли вскормила вас сосцами моими?* [епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863)]

- (14) *Не я ли это врач ваш духовный, не я ли лечил пластырем кроткого утешения мозоли ваших душ, натёртые печальми вашей жизни?* [Максим Горький. Мои интервью (1906)]

Рассматривая эти примеры, можно домыслить гипотетическую реакцию публики. Если называется статус, то, как правило, ожидается реакция *конечно, это ты!*, а если продолжением конструкции являются слова *помеха, причина, вина* и т. п., обычно ответ предскажем: *нет, это, конечно, не ты*. Есть и более сложные случаи, например в (15), где возможна такая интерпретация: *да, допустим, что это я, но при ближайшем рассмотрении окажется, что, конечно, не я*:

- (15) — Но я хочу знать, чем ты расстроена. *Не я ли причиной?* Если — да, то ты напрасно огорчаешься, потому что лучшего мужа днем с огнем не найдешь. [С. М. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов (1898)]

Конструкция *не я ли*, в отличие от *не ты ли*, очень редко служит средством выражения иронии, но и такие примеры можно обнаружить:

- (16) — Ночь, день и очи Зинаиды Павловны, будьте столь великодушны: сообщите, *не я ли сей счастливец!* [М. П. Арцыбашев. Санин (1902)]

Пример автокоммуникации, когда адресант дает самому себе отрицательную характеристику, которую произносит про себя, находим у И. С. Тургенева (17). Внутренняя речь Аркадия демонстрирует неприятие поведения Базарова, но произнести риторический вопрос вслух Аркадий не решает, поскольку его низкий коммуникативный статус не предполагает такого поведения:

- (17) ...то есть — ты бог, а *олух уж не я ли?* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]

Примеры автокоммуникации, ориентированной на восприятие публики, распространены именно в поэзии:

- (18) Но что? *не я ли сам страдалец* тот Тантал? [В. К. Кюхельбекер. «Ты пыльной древности преданья воскресил...» [Два сонета, 2] (1839)]
- (19) И на исповеди всё ли Перечли духовникам? .. *Да не я ли уж помеха?* Я ведь здесь совсем чужой! [А. Н. Майков. «Золотой архиепископ...» (1858–1859)]

Не ты ли + имя существительное vs прилагательное

Среди конструкций *не ты ли + имя* нет ни одного примера со словами *помеха, причина, вина, виноват, виновен* и т. п., как это было в конструкции *не я ли + имя*.

При использовании конструкции с именем существительным, указывающим на высокий статус адресата, названный статус является основанием для гордости и похвалы:

- (20) *Не ты ль, о мужество граждан, Неколебимых, благородных, Не ты ли — гений древних стран, Не ты ли — сила душ свободных, О доблесть, дар благих небес; Героев мать, вина чудес, Не ты ль прославила Катоннов, От Катилины Рим спасла И в наши дни всегда была Опорой твердою законов!* [К. Ф. Рылеев. Гражданское мужество: «Кто этот дивный великан...» (1823)]

Конструкция может быть средством прогнозирования поведения адресата или давления на него (21), поскольку название статуса адресата заставляет его ориентироваться не на реальную ситуацию, а на свою общественную функцию:

- (21) Бородач Денис Караваев с бельмом на правом глазу, подойдя вплотную к Ереминой Курице, тихо проговорил: — *Не ты ли хозяин* умета будешь? — Я самый. [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3 (1934–1939)]

В примере (21) гипотетический ответ очевиден как для адресата, так и для адресанта: это ответ «Да». Однако последствия признания статуса адресатом могут варьироваться от «Я хозяин, и поэтому буду делать то, что считаю нужным!» до «Я хозяин, и поэтому готов выполнить просьбу!».

Совсем иной тип гипотетической реакции представлен в примере (22), где у адресата и адресанта разные сферы «очевидного»: Петр уверен, что Горн «виноват», Горну, напротив, ясно, что он «не виноват».

(22) Петр, между ими увидев и Горна, в жару своем дал ему пощечину, и сказал с гневом: «*Не ты ли всему виноват?*» [А. С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835–1836)]

Существенно отличаются от прозаических поэтические примеры, которые изобилуют метафорическими характеристиками адресата, служащими, как правило, знаком надежды и радости узнавания (23).

(23) *Не ты ли — мост, не ты ли — первый след* По океану правды зыбкой? [А. А. Бестужев-Марлинский. Череп: «Кончины памятник безгробной!..» (1828)]

В примерах с *не ты ли* + *имя* состав распространителей конструкции отличается разнообразием: *тот самый человек, храбрый мой герой, не ты ли отец, не ты ли (был) враг, не ты ли (будешь) пчелой, не ты ли радость и счастье, не ты ли король, не ты ли (была) рабой, не ты ли этот негодяй, не ты ли чудак, не ты ли счастья, славы сын, не ты ли заблудшее чадо* и др. На этом фоне распространители конструкции *не я ли* выглядят очень бедно, как, впрочем, и конструкции *не мы (вы) ли* + *имя*³.

³ Среди конструкций *не мы ли* + *имя* примеры со словами *помеха, причина, вина, виноват* встречаются довольно редко, однако и те чаще всего встречаются в религиозных текстах. Например: Но осмотримся, слушатели, *не мы ли того развращения виною?* [архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение второе надесья (1758)]. Также за конструкцией начинают следовать предикативы типа *должен, обязан*: *Не мы ли сами обязаны* попытаться искупить жертву Его Сына, вместо того, чтобы требовать чего-то еще? [Христианство — религия печали (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.11.16]. Среди конструкций *не вы ли* + *имя* нет примеров со словами *помеха, причина, вина* и т. п., как это было в конструкциях с местоимением первого лица и второго лица единственного числа, а со словами *виноваты* и *обязаны* лишь единожды: Вы все — купцы, продававшие селедку, мыло, пряники, конфеты, муку, перец, соль, горчицу, хлеб, колбасу, *не вы ли виноваты*, что вы чеканили деньги, на которые для вас будет куплен порох и пули. [А. С. Сорокин. Хохот Желтого дьявола

Так же, как и в конструкциях *не ты ли* + *глагол* (24), предварять конструкцию может обращение, смягчающее резкий тон вопроса (25):

(24) — Это *не ты ли*, дружище, и поджег мою солому, а? [С. Н. Сергеев-Ценский. Движения (1909–1910)]

(25) Когда рассвело, вдруг отворилась дверь его комнаты, и вошел мужчина высокого роста. — *Не ты ли, брат, живописец Никитин?* — спросил вошедший. [К. П. Масальский. Черный ящик (1833)]

Порядок слов в этих случаях (*не ты ли* + *обращение* + *именная часть*) связан с коммуникативным статусом адресанта. В тех случаях, когда адресант имеет высокий коммуникативный статус, риторический вопрос, оформленный таким способом, подчеркивает превосходство говорящего над слушателем (в примере (25) говорит император Петр I). Таким образом воплощается интенция адресанта: выразить уверенность в собственном владении ситуацией: «Я уверен, что это ты!». Если порядок слов будет изменен (*обращение* + *не ты ли* + *именная часть*), то конструкция производит другое впечатление: благодаря обращению происходит интимизация [Булаховский 1954: 455–458] высказывания, риторический вопрос звучит уже как приглашение к диалогу:

(26) Душа моя, гостя ты мира: / *Не ты ли перната сия?* [М. Л. Гаспаров, Омри Ронен. Похороны солнца в Петербурге // «Звезда», 2003]

Отношения между адресатом и адресантом

Фактор адресата (в коммуникации или в автокоммуникации) существен для анализа позитивной или негативной коннотации, которые характерны для описанной конструкции. Путь к пониманию коммуникативных функций местоимений лежит либо через анализ семантики конкретного местоимения в отдельности [Норман 2002], либо че-

(1914)]. Среди конструкций *не он/она/они ли* + *имя* часто встречаются примеры с отрицательной коннотацией, ведь участники диалога могут спокойно говорить о третьем лице, не участвующем в беседе и/или находящемся вдали, так, как им заблагорассудится, не боясь при этом быть услышанными: *Не он ли повинен* в том, что число жертв оказалось столь значительным? [Татьяна Батенева. Люди гибли не от газа, а от стресса (2002) // «Известия», 2002.10.27].

рез сопоставление функций разных местоимений в сходных или потенциально взаимозаменяемых контекстах [Лобачев 1981]. Тезис Б. Ю. Нормана о том, что «употребление местоимения 1-го лица множественного числа в русских текстах в значительной степени зависит от того, какое место отводит говорящий в структуре коммуникативного акта самому себе и собеседнику...» [Норман 2002: 224], можно применить ко всем личным местоимениям.

Риторический вопрос, содержащий характеристику адресата (*не ты ли есть X?*), диктует слушателю вполне определенное понимание специфики его отношений с адресантом. Этот вопрос может задать только тот, чей коммуникативный или социальный статус выше, чем статус адресата. В конструкции с местоимением второго лица приписывание адресату определенных

качеств является формой выражения власти говорящего над слушателем.

То же можно сказать и о конструкции *не я ли есть X?* Адресат лишен права самостоятельно характеризовать адресанта. Ему отводится роль публики, которая должна согласиться или не согласиться с адресантом не в соответствии с личными убеждениями, а вследствие давления на него адресанта.

Таким образом, анализ позитивной или негативной коннотации в риторическом вопросе непосредственно связан с тем, как представляет себе место собеседника говорящий. Риторический вопрос и восклицание, содержащие противопоставление ТЫ и Я позиций, может стать конфликтогенным фактором в живом общении, причем анализ описанной конструкции является средством диагностики «кооперации» и «некооперации» [Николаева 1990] в диалоге.

Литература

- Булаховский Л. А. Русский литературный язык 1-й половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
- Лобачев Б. З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики 1981. М.: Наука, 1983. С. 23–37.
- Клюшин П. В., Маркасова Е. В. Семантика конструкции «не+личное местоимение+ли» в русском языке // Тезисы докладов XLI Междунар. филологической конференции. СПб., 2013а. С. 403–405. [электронный ресурс] // URL: http://phil.spbu.ru/rabochaya/XLI_Conf_.pdf (дата обращения: 13.03.2013).
- Клюшин П. В., Маркасова Е. В. ТЫ и Я в конструкции не+местоимение+ли+глагол //

Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики Сб. материалов науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 9–12 апреля 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2013б. С. 168–173.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. Ростов н/Дону: Феникс, 2007. 941 с.

Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и/или категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 225–235.

Норман Б. Ю. Русское местоимение МЫ: внутренняя драматургия // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. № 2. P. 217–234.

References

- Bulakhovskiy L. A. [The Russian Literary Language of the 1st half of the XIX Century. Phonetics. Morphology. Stress. Syntax]. Moscow: Uchpedgiz, 1954. 468 p. (In Russ.)
- Lobachev B. Z. [On Categories of Ego- and Alteregocentrism]. In: [Problems of Structural Linguistics 1981]. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 23–37. (In Russ.)
- Klyushin P. V., Markasova E. V. [Semantics of the Construction “ne+personal pronoun+li” in Russian]. Conf. proc. St. Petersburg, 2013a. Pp. 403–405. An Internet resource: http://phil.spbu.ru/rabochaya/XLI_Conf_.pdf (accessed: March 13, 2013). (In Russ.)
- Klyushin P. V., Markasova E. V. [YOU and I in the Construction “ne+pronoun+li+verb”].

In: [Verbal and Nominal Categories in the System of Functional Grammar]. Conf. proc. (St. Petersburg; April 9–12, 2013). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2013b. Pp. 168–173. (In Russ.)

Moskvin V. P. [Expressive Means of Modern Russian Speech. Tropes and Figures: Terminological Dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. 941 p. (In Russ.)

Nikolaeva T. M. [Concerning “non-cooperation” Principle and/or Categories of the Sociolinguistic Influence]. In: [Logical Language Analysis. Conflictibility and Text Anomaly]. Moscow: Nauka, 1990. Pp 225–235. (In Russ.)

Norman B. Yu. [The Russian Pronoun WE: Internal Dramaturgy]. *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. No. 2. Pp. 217–234. (In Russ.)

УДК 808.2
ББК 81.2 Рус

КОНЦЕПТ *ВРЕД* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Т. С. Глушкова

Понятие вреда изучается в рамках ряда наук: психологии, права, социологии, экологии, медицины и др. Для данного исследования наибольший интерес представляет рассмотрение дефиниции вреда в лингвистическом аспекте. Концепт «вред» как один из значимых концептов языкового сознания имеет широкую репрезентацию в русском языке¹.

¹ Например, словарные определения ключевой лексемы «вред», объективирующей данный концепт. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «вред» определяется как «ущерб, порча»: «*Причинить вред. Вред здоровью. Ни вреда ни пользы от кого-чего-н.* (совершенно бесполезен; разг.). Во вред кому-чему, в знач. предлога с дат. п. — нанося ущерб, вредя. *Действовать во вред делу. Во вред себе*» [Ожегов 2009: 102]. В «Толковом словаре» Д. Н. Ушакова в статье, посвященной слову «вред», можно найти: «Порча, ущерб, убыток. *Причинить вред. Принести вред. Курение для него большой вред. Клониться к чьему-н. вреду. Ко вреду для здоровья. Прогулка будет ему во вред*» [Толковый словарь Ушакова 1935–1940].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля отсутствует словарная статья вокабулы «вред». Сущность данного понятия определяется через глагольную форму «вредить»: «что, или кому чем; повреждать, причинять зло, ущерб здоровью, обиду личности, убыток собственности; делать вред; портить, вредить кого, более употребляется с предлогом, ранить, ушибить; беречь, разберереживать. *Не вреди и недругу или и недруга. Сахарные яства вредят здоровью или здоровью. Вывередил из него деньги, вымозжил. Балуй извередили все деревья. Не много навредили. Червь надвередил хлеб. У него рука повреждена. Он повредился в уме, помешался. Развередить рану, развередить, разбередить. -ся, вредить, повреждать себя; быть вредиму, повреждаему. **Вреждение** ср. длит. нанесение вреда. **Вредительный, вредный, вредоносный** или **вредотворный**, вредящий, наносящий вред, могущий чему вре-*

Разработанность словарных дефиниций лексемы, объективирующей понятие «вред», ее словообразовательная продуктивность свидетельствуют об исторической закреплённости концепта «вред» в русском языковом сознании.

*дить. **Вредительность, вредность, вредоносность, вредотворность**, сила, свойство, качество, мочь вредного, сила делать, чинить вред. **Вредовать**, делать зло, вредить где постоянно и умышленно. *Покуда она будет вредовать в доме, ладов и не жди. Вред м. **вреда, вереда** ж. влд. последствия всякого повреждения, порчи, убытка, вещественного или нравственного, всякое нарушение прав личности или собственности, законное и незаконное. См. также *вередить. Ешь сытно, вреды не будет. Откуда вред, туда и нелюбовь. || **Вереда** об. человек беспокойный причинный ссорам, смутам, несогласиям; баламут. **Вредчик, вредун, вередун** м. **вредуха, вередуха** ж. **вередник** м. **вередница** ж. **вредитель** м. -ница ж. вредный, вредоносный человек. **Вредословие** ср. вредная, безнравственная беседа, речи или злословие, злоречие, клевета; **вредословить**, бue(суе)словить, или злословить, клеветать. **Вредослов, вредословец** м. бueслов, суеслов; клеветник, лгун. **Вредословный**, бueсловный; злословный. **Вредоумный**, худоумный, суеумный; кичливый или глупый» [Даль² 1981: 260].***

В современном языке лексема «вред» имеет достаточно разветвленное словообразовательное гнездо: *вредный, вредно, вредность, невредный, безвредный, обезвредить, вредитель, вредительство, вредительский, вредить, навредить, повреждение, невредимый, зловредный, зловредность, вредоносный* и др. [Тихонов 1985: 197–198].

В словаре синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой представлена лексема «вредить» (разг.) и «вредный». Синонимами слова «вредный» являются прилагательные «нездоровый» и «вредоносный» [Словарь синонимов ... 2001: 174]. Синонимами будут стилистически маркированные лексические единицы «гадить» (разг.) и «пакостить» (прост.).

В качестве материала исследования выступили паремии, использовался сборник В. И. Даля (1984) и реклама алкогольной продукции. В паремиологическом фонде репрезентация концепта «вред» осуществляется имплицитно. В Указателе по содержанию и смыслу пословиц сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа» раздел с данным понятием отсутствует [Даль 1984²²: 395–398]. Однако понятие «вред» находит отражение в пословицах, помещенных в таких блоках, как «Пища», «Пьянство», «Здоровье — Хворь», «Торговля», «Хорошо — Худо», «Добро — Милость — Зло». Например, представления о вреде переизбытка и голода отражены в следующих паремиях: *С поста не мрут, а с обжорства мрут. Не евши, тощо, а поевши, тошно. Горьким лечат, а сладким калечат. Не ем, так не могу; а поем, ног не сволоку* [Даль²² 1984: 251, 253]; *Изнимет брюхо голодуша, придет боль и ворогуша. Похмельное доймет — отишутись; голодное доймет — очуришься. Без ужина спать — собачья статья. Хлеба ни куска, так и в горле тоска. У голодной пташки и зоб на стороне (на боку). С голодьбы и собака со двора бежит* [Даль²² 1984: 250–255]. Достаточно устойчивым в русском языковом сознании является стереотип о вреде алкоголя: *Кто вино любит, тот сам себя губит. Вино веселит, да от вина же и голова болит. Кто много пьет вина, тот скоро сойдет с ума. Перед хмелем падко, во хмелю сладко, по хмелю гадко* [Даль²² 1984: 243–246]. Двойственное отношение к врачеванию отражено в пословицах: *Не лечиться худо, а лечиться еще хуже. Аптека — не на два века. Не лечит аптека — калечит. Самого себя лечить, только портить. Полечат, авось даст бог и помрет* [Даль²¹ 1984: 311–312].

Понятие «вред» представлено в паремиях о добре и зле, например: *Кто доброе творит, того зло не вредит. Во зле жить — по миру ходить. Не сердись, печенку испортишь. За худо примись, а худо за тебя. Худо тому, кто добра не делает никому* [Даль²¹ 1984: 91–92, 96].

О вреде и причинении ущерба говорят и такие пословицы, как: *Без ума торговать — только деньги терять* [Даль²² 1984: 34]. *С вином поводишься — нагишом находишься* [Даль²² 1984: 246]. *Не столько потрясут груш, сколько наломают* [Даль²² 1984: 119]. *От одного порченого яблока целый воз загнивает. Одна своробливая (или: шелудивая, паршивая) овца все стадо испортит* [Даль²¹ 1984: 136]. *На что ни взглянет — все вянет* [Даль²¹ 1984: 98].

Лексемы *вред*, *вредить* нечасто используются в паремиях. Приведем несколько примеров из того же сборника В. И. Даля: *Откуда вред, туда и нелюбовь* [Даль²¹ 1984: 96]. *Много есть — невелика честь. Большая сыть брюху вредит* [Даль²² 1984: 253]. *Одному вред — всем навет. Кто доброе творит, того зло не вредит* [Даль²¹ 1984: 92].

Как показывает анализ паремий, в структуре концепта «вред» можно выделить такие семантические зоны, как «вред здоровью и жизни человека», «моральный вред» и «материальный вред». Особого внимания заслуживает компонент, связанный с причинением вреда здоровью человека. Об актуализации данного содержательного компонента в современном общественном сознании свидетельствуют такие контекстные употребления, как «вред здоровью», «вред курения», «вред алкоголя», «мы расскажем о вредной пище, которая может нанести вред вашему здоровью», «вред кофе», «вред мороженого», «вред диет», «вред продуктов», «вред натяжных потолков», «вред ПВХ», «вред пива», «вред аборта», «вред телевизора», «вред компьютера», «вред автомобиля», «вред майонеза», «вред редьки», «вред гречки», «вред протеина», «вредные продукты питания для детей», «вредная еда» и т. п. Данные ссылки появляются при введении слова *вред* в поисковую систему Интернет. Реже встречается «моральный» и «имущественный вред».

Ассоциативную связь понятия вреда с курением, употреблением алкоголя, вредных продуктов питания подтверждают данные «Русского ассоциативного словаря». Среди реакций на слово-стимул «вред» наиболее частотными являются «здоровье», «курение», «алкоголь», «зло», «боль», «курить». Реакциями на слово-стимул «вредно» являются «курить», «для здоровья», «пить», «есть», «алкоголь», «есть сладкое», «конфета», «водка» [Русский ассоциативный словарь 2002: 114].

Как уже говорилось, достаточно устойчивым для русского сознания является стереотип о вреде алкоголя для здоровья человека: *Кто чарку допивает, тот веку не доживает. День пируют, а неделю голова с похмелья болит*. Устойчивость данного стереотипа подтверждают и современные

источники, например, электронные СМИ: *Влияние алкоголя на сердце весьма негативное и опасное, поскольку сердце является главным органом, с помощью которого осуществляется кровообращение в нашем организме, то при попадании алкоголя в кровь оно первым получает на себя удар. Огромную опасность представляет алкоголь для такого сложного и чувствительного к любым раздражителям органа, как головной мозг. Как и сердце, печень работает без перерывов круглые сутки, перегоняя через себя огромные количества крови, поэтому влияние алкоголя на печень одно из самых губительных* [Влияние алкоголя на организм...].

Следует также отметить, что для русского языкового сознания характерно наличие стереотипов, согласно которым употребление спиртных напитков в небольших дозах не является вредным. Представление о лечебных свойствах алкоголя² очевидно в примере: *С помощью алкоголя можно понизить количество холестерина, расширить сосуды, улучшить кровообращение. Немного алкоголя перед едой улучшает пищеварение. С помощью спиртного можно снять стресс и расслабиться после рабочего дня. 100 грамм водки значительно повышает устойчивость организма к радиактивному излучению* [Польза алкоголя...].

Представления о вреде и пользе алкоголя на организм человека часто обыгрываются в шутках и анекдотах: *Британские ученые провели опыты с алкоголем. Оказалось, что водка со льдом вредит почкам, ром со льдом вредит печени, джин со льдом вредит сердцу, виски со льдом вредит мозгу. Оказывается, этот чертов лед невероятно вреден! Вчера так хорошо за здоровье пили, что сегодня все болеют. — Вот это от усталости, это — от нервного напряжения, а это — от депрессии. — Спасибо, доктор, спасибо... А у вас, кроме водки, ничего нет?* [Лучшие анекдоты про водку...].

В связи с возросшим интересом общества к материальной стороне жизни и сфере потребления выявление отрицательных и положительных стереотипов сознания носителей языка приобретает прикладной характер, например, игра на отрицательных и

положительных стереотипах используется в сфере рекламы. Исследование функционирования когнитивных структур — концептов, стереотипов, фреймов — в рекламной сфере стало одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики.

С одной стороны, рекламный дискурс может быть материалом для выявления и описания когнитивных структур языкового сознания, с другой — выявленные когнитивные структуры (стереотипы, фреймы, концепты) активно используются в приемах речевого воздействия рекламных текстов. В продвижении на рынке товаров и услуг необходимо усиливать положительные стереотипы потенциальных потребителей, связанные с рекламируемым товаром или услугой, и нейтрализовать отрицательные. Особенно это важно, если товар относится к категории «вредных». Таким товаром являются крепкие спиртные напитки, в частности, водка.

Рассмотрим некоторые приемы корректировки и вытеснения отрицательных стереотипов, связанных с употреблением спиртных напитков, на материале текстов, размещенных на этикетках водок.

Этикетке как малой рекламной форме отводится особая роль в продвижении алкогольной продукции, например, в позиционировании водки как продукта, изготовленного из даров природы и, следовательно, не наносящего вреда организму человека: *«Виктория» — это все самое прекрасное, что нам дарит природа: чарующая красота гор ...; «Калинов Луг» — переносит в действительно гармоничный мир, созданный вместе человеком и природой; «Мягкая на березовом соке» — для производства этой водки в экологически чистом крае собирается березовый сок. Названия растений и плодов, которые были использованы в изготовлении водок, призваны нейтрализовать стереотипы о вреде алкоголя: ячмень, рябина, бадьян, калина, анис, имбирь, хмель, рожь, кедровые орехи, зверобой, душица, березовые почки и др. Миф об отсутствии вреда для организма при употреблении спиртного поддерживается размещением в рекламном тексте информации о способах обработки и чистоте данного продукта: *Вода, прошедшая дополнительную обработку активным углем БАУ А; мягкость, свежесть аромата и чистота; мягкий вкус достигается использованием чистой воды; особую чис-**

² Алкоголь применяется как средство от гриппа, простуды, как согревающее средство, как средство, снимающее стресс, усталость, болевые ощущения, как средство, улучшающее аппетит.

тому придает настой овсяных хлопьев, а также экстракт расторопши; для очистки использованы биологические коагулянты — сухое молоко, свежее испеченный ржаной хлеб; высокая очистка спирта; кристально чистая вода; чистота утренней росы; обрабатывается яичным белком.

Важным сырьевым компонентом, входящим в состав водки, является вода. Русская водка «обладает особой мягкостью, питкостью, ибо вода в ней не бездушная, а живая...» [Похлебкин 2002: 279]. *Живительный* — «укрепляющий силы, оживляющий». *Живительный воздух. Живительная влага* (о вине, водке; шутил.) *Живая вода* — в сказках: «оживляющая» [Ожегов, Шведова 1984: 166]. Лексемы «живой», «живительный» активно используются в рекламных текстах алкогольной продукции. *Живая вода. Живая легенда* — слоган бренда «Пять озер» ООО «Омсквинпром». В рекламных текстах активизируется миф о чудодейственной силе живой воды, например, в рекламе водки «Пять озер»: *Высококачественная водка, для изготовления которой используется уникальная вода земли Сибирской и лучший спирт «Люкс». Особый состав водки делает ее мягкой, подобно чистой воде Пяти озер. Озера эти, расположенные в Сибирской тайге, образовались много тысяч лет назад в результате падения на Землю огромного метеорита. Вода в них содержит серебро и имеет уникальный состав. За целебные свойства ее называют «живой водой».*

Названия спиртов, которые используются для приготовления водок, также имеют положительные коннотации. Наиболее частотны терминологически закрепленные наименования спиртов «Экстра», «Люкс», в семантике которых также присутствует оценочный компонент «лучший». Обязательно указание на то, какой именно спирт использован для приготовления данного алкогольного напитка: *Спирт этиловый «Экстра», спирт этиловый «Люкс», спирт этиловый высшей очистки, спирт этиловый ректификованный «Экстра», спирт этиловый ректификованный из пищевого сырья «Люкс», спирт этиловый ректификованный «Люкс».*

Указание на отсутствие вреда для организма и, в частности, его классического проявления — похмелья, также призвано нейтрализовать отрицательные стереотипы о вреде алкоголя на этикетке товара: «Ямская мягкая», «Ямская беспохмельная», «Ямская крепкая» — *экстракт лекарственных трав, добавок, специальное защитное действие на организм; «Сибирская Солидная» — с компонентами, нейтрализующими негативное воздействие на организм; «Беспохмельная Русь»; углеводная добавка «Алкософт», снимающая похмельный синдром и мягко воздействующая на печень.* Безвредность употребления спиртного подчеркивает лексема «натуральный», также частотная для водочного дискурса: *Натуральные добавки; натуральные компоненты; «Дон-Батюшка» — натуральный ароматизатор «Хлеб».*

С целью нейтрализации устойчивых представлений носителей языка о вредном влиянии алкоголя в рекламе водок используется прием, предполагающий умолчание о некоторых нежелательных эффектах употребления того или иного продукта. Информация о негативном воздействии алкоголя на организм имплицитно присутствует в рекламном тексте: на водочных этикетках размещен текст о противопоказании алкоголя детям, подросткам до 18 лет, беременным женщинам, а также лицам с заболеваниями центральной нервной системы, почек, печени и других органов пищеварения. Обязательным компонентом структуры водочной этикетки является также прямое предупреждение о вреде алкоголя: «чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью».

Таким образом, реклама, являясь одним из видов убеждающего дискурса, активно использует приемы речевого воздействия, в основе которых лежат операции с когнитивными структурами: концептами, стереотипами, сценариями. Рассмотрев лишь некоторые устойчивые представления носителей русского языка, связанные с понятием вреда, можно говорить о достаточно сложной структуре концепта «вред» и многоаспектной системе его репрезентаций в текстах рекламы.

Источники и литература

- Анекдоты* и приколы про ... [электронный ресурс] // URL: mini-anekdot.com (дата обращения: 18.07.2013).
- Влияние* алкоголя на организм [электронный ресурс] // URL: http://www.vredno-vsyo.ru/alcohol_vred/112-vliyanie-alkogolya-na-organizm.html (дата обращения: 06.07.2013).
- Даль В. И.* Пословицы русского народа: сборник: в 2 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1. 383 с. Т. 2. 399 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. А–З. 1981. 699 с.
- Лучшие анекдоты* про водку. № 3419, № 3435 [электронный ресурс] // URL: http://www.anekdoto.net/anekdoty/pro_vodku.html?s=4 (дата обращения: 18.07.2013).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: Ок. 57000 слов. 16-е изд., исправл. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополн. М.: ООО «ИНФОТЕХ», 2009. 944 с.

- Польза алкоголя.* Есть ли польза от алкоголя? [электронный ресурс] // URL: <http://womanmir.com/zdorovie/481-est-li-polza-otalkogolya.html> (дата обращения: 06.07.2013).
- Похлебкин В. В.* История водки. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. 404 с.
- Русский ассоциативный словарь.* В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Около 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 784 с.
- Словарь синонимов русского языка* / ИЛИ РАН; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. Т. 1. А–Н. 2001. 680 с.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145000 слов. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А–П. 856 с.
- Толковый словарь* Ушакова онлайн [электронный ресурс]. (Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4.) URL: http://ushakovdictionary.ru/русского_языка (дата обращения: 06.07.2013).

Sources and References

- [Best Jokes about Vodka]. No. 3419, No. 3435. An Internet resource: http://www.anekdoto.net/anekdoty/pro_vodku.html?s=4 (accessed: July 18, 2013). (In Russ.)
- Dahl V. I. [Proverbs of the Russian People]. In 2 vol. Moscow: Khud. lit., 1984. Vol. 1. 383 p. Vol. 2. 399 p. (In Russ.)
- Dahl V. I. [The Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow: Rus. yaz., 1981. Vol. 1. A–Z. 1981. 699 p. (In Russ.)
- [The Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. A. P. Evgenieva (ed.). Moscow: Astrel, AST, 2001. Vol. 1. A–N. 2001. 680 p. (In Russ.)
- [The Effect of Alcohol on the Body]. An Internet resource: http://www.vredno-vsyo.ru/alcohol_vred/112-vliyanie-alkogolya-na-organizm.html (accessed: July 6, 2013). (In Russ.)
- [Jokes and Pranks about...]. An Internet resource: mini-anekdot.com (accessed: July 18, 2013). (In Russ.)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 80000 words and phrases. 4th ed., appendix. Moscow: INFOTECH, 2009. 944 p. (In Russ.)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. About 57000 words. 16th ed. Moscow: Rus. yaz., 1984. 797 p. (In Russ.)
- Pokhlebkina V. V. [History of Vodka]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2001. 404 p. (In Russ.)
- [The Russian Associative Dictionary]. In 2 vol. Vol. 1. From stimulus to reaction: About 7000 stimuli. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov (compl.). Moscow: Astrel, AST, 2002. 784 p. (In Russ.)
- Tikhonov A. N. [The Word-formation Dictionary of the Russian Language]. In 2 vol. About 145000 words. Moscow: Rus. yaz., 1985. Vol. 1. Word-formation Nests. A–P. 856 p. (In Russ.)
- [Use of Alcohol. Is there any Benefit from Alcohol?]. An Internet resource: <http://womanmir.com/zdorovie/481-est-li-polza-otalkogolya.html> (accessed: July 6, 2013). (In Russ.)
- [Ushakov's Explanatory Dictionary Online. Russian Explanatory Dictionary]. In 4 vol. D. N. Ushakov (ed.). Moscow, 1935–1940. An Internet resource <http://ushakovdictionary.ru/русского> (accessed: July 6, 2013). (In Russ.)

УДК 811.512.37'27

ББК Ш100.3(Рос.Калм)

«БЕЛАЯ ДОРОГА» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ЗНАК КАЛМЫЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

К. А. Джушихинова

Ментальные единицы (концепты), составляющие национальную концептосферу, являются основой образования когнитивных стереотипов — суждений о действительности. Исследователи дают концепту разные определения, но, как правило, сходятся в одном: это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. При этом, что очень важно, отмечается его «описательно-образный и ценностно-ориентированный характер» [Алефиренко 2002: 17].

Народ, объединенный языком и культурой, представляет собой лингвокультурную общность, специфику речевого поведения которой определяет национальный менталитет, т. е. «национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации» [Прохоров, Стернин 2011: 92]. Отсюда уникальность концептуальной картины мира каждого народа — упорядоченного, структурированного знания о мире.

Вербализуясь, концепт становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков, куда входят и фразеологизмы. Фразеология, являясь фрагментом языковой картины мира, выражает национально окрашенное отношение к миру, системе ценностей, образу жизни, хранит традиции определенной этнокультурной общности. Особая ценность фразеологизмов в том, что в них наиболее очевидны этнолингвистические компоненты.

Одним из таких фразеологизмов является «белая дорога» — «цаһан хаалһ». Наличие в калмыцкой лингвокультуре этого устойчивого языкового знака определяет конкретный стереотип калмыцкого сознания: «Цаһан хаалһ — счастливый путь» [Бардаев и др. 1990: 123].

Цель статьи — проанализировать этот сложный знак в контексте речевой ситуа-

ции, выявив культурные семы в значении на основе ассоциативного эксперимента.

Обращаясь к анализу обозначенного фразеологизма как прецедентного знака калмыцкой лингвокультуры, отметим, что необходимо различать когнитивный (мыслительный) концепт, состоящий из концептуальных признаков, и его языковую реализацию (слово, словосочетание), состоящую из набора сем и выступающую как средство и способ репрезентации когнитивных процессов в лингвистических структурах, но не представляющую концепт полностью [Ковалева 2004: 55]. Концепты имеют сложную структуру. «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятий; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры» [Степанов 1997: 40]. Как правило, фразеологизмы являются репрезентантами концептов. Так, *белая дорога* (*цаһан хаалһ*) объективирует в языке (речи) два базовых концепта «Дорога» (счастливый путь) и «Судьба» (жизненный путь), что определилось в результате проведенного ассоциативного эксперимента, в котором принимали участие испытуемые трех возрастных групп: 16–20, 35–55 и 60–70 лет, соответственно. На стимул *белая дорога* (*цаһан хаалһ*) предлагалось записать 5 первых, пришедших испытуемым в голову реакций (слов, словосочетаний, предложений). Было получено более 400 ассоциативных реакций, определивших место данного языкового знака в семантическом поле обозначенных концептов.

Полученные реакции распределились следующим образом: *добрый путь, счастливый путь* — 40; *удачно доехать* — 30; *судьба* — 30; *чистые помыслы* — 27; *благие дела, деяния* — 26; *йорял, благопожелание, счастье* — 25; *без болезней, здоровье* — 19; *жизненный путь* — 17; *удача, благополучие, открытая дорога, без препятствий* — 16; *чистота, белый, светлый* — 15; *калмыц-*

кий, Калмыкия, достойная жизнь — 8; гладко, гладкий — 7; свет, радость, праздник — 5; старость без страданий (хорошая, достойная), небесный путь, небо, хадак (ритуальный белый шарф) — 3 и др. К единичным ассоциатам относятся такие, как ветер, одинокий путник, трава, без ссор, цэ (калмыцкий молочный чай), добрые лица, Белый старец (Цаһан өвгн — почитается как «хозяин хозяев» земли, покровитель богатства, благосостояния, плодородия), Цаган-сар (Белый месяц — праздник Нового года, первый месяц весны), белые и красные монеты, свадьба, рождение ребенка, не черный, а белый и др.

Проведенный анализ позволил выявить основные семантические компоненты рассматриваемого языкового знака: 1) дорога как реальное и как жизненное пространство; 2) счастливая жизнь — жизнь без препятствий; 3) предполагает благие дела, чистые, светлые помыслы, удачу; 4) ведет к достойной жизни без страданий. Однако если старшие возрастные группы информантов на первое место ставят «благие дела» и «чистые помыслы», у молодежи приоритетна «удача». Таким образом, фразеосочетание белая дорога (цаһан хаалһ) является вербальной репрезентацией двух базовых концептов калмыцкой лингвокультуры — «Дорога» (путь) и «Судьба» (жизненный путь) — в зависимости как от ситуации, так и жанровой реализации этой языковой единицы в качестве этикетной формулы с интенцией доброго пожелания.

Оба концепта — «Дорога» и «Судьба» — являются базовыми, ключевыми для любой лингвокультуры. В рассматриваемом языковом знаке, их репрезентанте, они связаны лексемой «дорога» в разных своих лексико-семантических вариантах: дорога как пространство, «полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения» и жизненный путь, перен. «жизнь человека» [Ожегов, Шведова 2010: 176]. В традиционном обществе калмыков понятие «дорога, путь» обладало «многослойной семантикой» и являлось «важной составляющей представлений о жизненном пространстве этноса» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 58].

Стержневым компонентом рассматриваемого фразеосочетания является «дорога». Однако эпитет белая (цаһан) сообщает обозначенным концептам оценочную, окрашенную в аспекте национальной культуры,

коннотацию: хорошая, без препятствий, счастливая дорога (путь) и счастливая, благополучная судьба (жизненный путь).

В калмыцкой культуре белый цвет, поглощающий, в силу своей физической природы, все остальные цвета и оттенки («мать-цвет»), сакрален. Он первый и главный в палитре, «олицетворяет собою счастье и благополучие, чистоту и благородство, честность и добро, почет и высокое положение в обществе». Белый цвет является священным во многих культурах, однако в некоторых из них он считается траурным, «символом смерти и печали» (к примеру, у китайцев, японцев, корейцев, вьетнамцев) [Жуковская 2007: 201]. Для калмыков, исповедующих буддизм, смерть всего лишь трансформация, переход в новое качество, поэтому белый цвет и в этой жизненной ситуации сохраняет свою позитивную знаковую.

Таким образом, в калмыцкой лингвокультуре «семантическое поле прилагательного цаһан (белый) раскрывается с позитивной номинацией предмета», что и объясняет исключительно положительную оценочность полученных в результате эксперимента ассоциатов [Голубева 2009: 85].

В калмыцкой ментальности концепт «Дорога» тесно связан с «кочевым укладом народа в прошлом» [Ханинова, Музаева 2010: 136]. В калмыцком языке понятие дороги передает слово хаалһ: 1. дорога, путь, трасса...; 2. перен. путь, способ [КРС 1977: 560]. Синонимический ряд: хаалһ, зам, жим, цувг — 1. дорога, путь, тропа [Монраев 2002: 170].

Если рассматривать дорогу как «образ связи между двумя отмеченными точками пространства» в свете бинарных оппозиций, можно выделить следующие значимые дихотомии: внутренний–внешний, близкий–далекий, видимый–невидимый, профанный–сакральный, концентрическое–линейное, свое–чужое (пространство). Их подробный анализ представлен в работе Э. П. Бакаевой и Ю. И. Сангаджиева [Бакаева, Сангаджиев 2005: 59].

Для понимания фразеологизма белая дорога (цаһан хаалһ), на наш взгляд, существенны противопоставления «свое–чужое» и «профанное–сакральное». Дихотомия «свое–чужое» включает понятие «концентрического и линейного освоения пространства»: концентрического — пока юрта находится на временной стоянке (юрта как

центр и вокруг нее — свое, освоенное пространство), линейного — в процессе перекочевки с одной стоянки на другую [Жуковская 2002: 25].

Пожелание «белой дороги» человеку, отправляющемуся в путь, связано с горизонтальным (линейным) перемещением, в частности, с направлением в «чужое», небезопасное пространство. Существовала система запретов, связанная с положением человека относительно дороги: запрет на расположение жилища рядом с дорогой, удаление входа от дороги и пр. Негативное отношение именно к дороге линейной, горизонтальной связано с представлением об обитающих там вредоносных духах (шулмусах) [Бакаева, Сангаджиев 2005: 64–65]. К этому представлению восходят обряды, ритуалы, запреты, сопутствующие отправлению в путь и совершаемые в дороге: благопожелания в дорогу — «хаалһин йөрэл», обращения к священнослужителям с просьбой «открыть дорогу» — «хаалһ секх» молитвой, движение «по солнцу», предметы-обереги, которые человек брал в путь и т. д. [Басангова 2008: 413–420; Борджанова 2007: 53;]. Ассоциат «белые и красные монеты» не случаен и связан с ритуалом бросания на дорогу денег с целью задабривания духов дороги [Пространство в традиционной ... 2008: 306–320].

По наблюдениям Э. М. Ханиновой и А. В. Музаевой, «в калмыцком языковом сознании дорога — это движение, испытание, преодоление, возможности, направление» и, наконец, «судьба» [Ханинова, Музаева 2010: 133]. В сознании кочевников-калмыков метафора «путь как суть жизни, основной ее смысл» мотивирована культурой «движущегося этноса» [Пространство в традиционной ... 2008: 295].

Концепт «Судьба» является объемным ментальным образованием, вбирающим в себя инвариант значений репрезентирующих его языковых единиц, занимающих свое место в семантическом поле концепта. Основные параметры этого концепта связаны с отношением к миру, жизни. В традиционной культуре монголов концепт «Судьба» объективируется в трех значениях: 1) как воля и власть высших сил; 2) как доля, удел, участь индивида; 3) как деяние и плоды человека [Пюрбеев 1998: 99–100]. Анализируя тему судьбы в лирике двух известных калмыцких поэтов, Д. Н. Кугультинова и М. В. Хонинова, личности которых

в национальной культуре являются прецедентными, Р. Ханинова отмечает, что «все эти три значения так или иначе присутствуют» в их творчестве [Ханинова 2008: 24].

Таким образом, «понятие судьбы в определенном смысле подразумевает и жизненный путь человека, о чем свидетельствует общемонгольское слово *зам* ‘дорога, путь’ и калмыцкое *хаалһ* в том же значении, которое нередко используется в качестве заглавий художественных произведений, повествующих о судьбе человека или народа. Достаточно упомянуть здесь роман известного писателя Калмыкии Басанга Дорджиева «Чик хаалһ» (Верный путь) и монгольского писателя Н. Банзрагч «Зам» (Путь)» [Пюрбеев 1998: 100].

Возвращаясь к бинарным оппозициям, отметим, что жизненный путь (судьба) человека в значительной степени связан с дихотомией «профанное–сакральное». Жизненный путь человека в буддийском мировосприятии цикличен. Не случайно его символом у калмыков является пояс. Это символ круга, границы, осмысляемый мифологически и несущий информацию о трехчленной модели Вселенной (верхний мир — *Деэд*, где обитают небожители, срединный — *Делкэ*, мир живущих людей, и нижний — *Дорд*, мир нечистой силы), «кластер срединного мира», маркер пространства обитания этноса [Бакаева, Сангаджиев 2005: 63].

Путь по жизни в идеале должен быть вертикален и связан с сакральными перемещениями, трансформациями: «<...> в мире людей движение по вертикали имеет сакрализованное значение. Основная терминология, связанная с движением, характеризуется как перемещение, связанное с вертикальным направлением. Так, в калмыцком языке слово, обозначающее направление движения — *өөд*, является основным термином со значением «вверх» (*өөдэн* — вверх, выше, кверху, подъем, высокий; *өөдм* — возвышение). Отправление в путь (*өөдгдх*), таким образом, осмысляется как движение вверх, то есть к высшей сакральности, что подтверждает выражение высокого стиля *өөд болх* (умереть)» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 59]. Жизненный путь человека (движение человека по жизни) должен быть правильным (*зөө*) и соответствовать движению по кругу — от профанной к сакральной стороне, «приобретая семантику вертикального движения» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 60].

Этим осмыслением можно объяснить появление следующих ассоциатов: «белая судьба», «благие дела», «благие намерения», «чистота», «чистые помыслы», «достойная старость», «небесный путь», «небо», «отсутствие страданий», «хадак» (ритуальный длинный шарф, у калмыков чаще белого цвета, символ дороги).

Обратимся к функционированию данного фразеологизма в речи, т. е. к его жанровому аспекту. Исторически фразеосочетание «белая дорога» — «цаһан хаалһ» восходит к жанру калмыцкого фольклора, являющегося по происхождению общемонгольским, — йорялу (благопожеланию), сохранившему свою значимость и сейчас. Не случайно среди ассоциатов часто встречаются именно эти лексемы (*йорял, благопожелание*), т. е. жанровая специфика фразеологизма осознается участниками эксперимента четко. «Йорел — риторический этикетный речевой жанр однонаправленного характера... Адресатов речи может быть и много, что обычно понимается как публичность, и один. Йорел произносят не только на больших, торжественных мероприятиях, но и в узком кругу людей, домашней обстановке — в обоих типах общения — официальном и личностном. Направленность йорелов только добрая» [Олядыкова 2007: 144–145]. По структуре йорялы могут быть короткими формулами (ахр йорэл) и развернутыми текстами. Последние имеют трехчастную композицию: вводную часть, основную и завершение — «закрепку», представляющую собой побудительную конструкцию.

Сочетание «цаһан хаалһ» — часть фольклорной константы «өлзэтэ цаһан хаалһта йовж (болж)» (*досл. 'пусть кто-то (что-то) имеет счастливую белую дорогу'*), которая употребляется в напутственных благопожеланиях широкого событийного круга: рождение, свадьба, поступление детей в вуз, проводы в армию, получение подарка, еды, привезенной сватами и т. д. «Таким образом, данная формула используется в двух значениях: как пожелание счастливого пути и счастья, успехов» [Олядыкова 2007: 168–159].

В реальном общении эта этикетная формула работает и как собственно жанр пожелания, и как субжанр (тактика) в жанре поздравления. Например:

1. Пожелание:

1. Уезжаешь? *Белой дороги* тебе // Береги себя//

2. *Пожелаем* нашему мальчику *белой дороги*, поступления в вуз, хорошей учебы, исполнения задуманного//

II. Субжанр пожелания в жанре поздравления:

1. С днем рождения тебя, Вика! / и как говорят у нас / *белой дороги* тебе всегда и во всем / Пусть удача сопутствует тебе / дети / только радуют // Муж ценит и бережет//

2. Дорогие наши дети / Ильяна и Олег! // Сегодня очень важный день для нашей семьи // мы принимаем в семью бер (*невестку*) /... Хочу **поздравить** вас с созданием семьи и сказать спасибо родителям Ильяны за дочь / немало испытаний выпало на долю нашей семьи в последнее время, и всегда Ильяна была рядом с нами / Цаһан седклтэ күүкн (*с доброй, чистой душой девушка*) / так и надо /быть вместе и в горе, и в радости... // Желаю вам крепкой семьи / идите по жизни вместе, поддерживайте друг друга, **желаю** вам *белой дороги* во всех начинаниях / по жизни хоюрн *цаһан хаалһарн* йовтн (*досл. вместе идите белой дорогой*) //

Таким образом, фразеологизм «белая дорога» — «цаһан хаалһ», в зависимости от речевого события, ситуации реализуется в качестве этикетной формулы в жанре (субжанре) пожелания.

Определим пожелание как этикетный речевой жанр — реакцию на событие с футуральной перспективой, часто воплощающийся (иногда имплицитно) в глаголе-перформативе «желаю(-ем)». Событие, предшествующее пожеланию, находится в сфере адресата и непосредственно с ним связано (планируемая поездка, значимое событие, например, день рождения, свадьба — тогда пожелание становится тактикой (субжанром) в жанре поздравления). Есть мнение о целесообразности использования термина «лингвокультурный скрипт», «характерными чертами которого в повседневном общении являются автоматизированные, стереотипные действия, обусловленные культурными нормами того или иного этноса» [Манджиева 2008: 115].

Итак, специфика осмысления этносами действительности и жизни находит свое воплощение в культурном аспекте концептов, которые репрезентируются в языковых единицах, и прежде всего во фразеологизмах. Устойчивое сочетание *белая дорога* (*цаһан хаалһ*) определенно является прецедентным знаком калмыцкой лингвокультуры, передающим от поколения к поколению

культурные установки и стереотипы, непосредственно выявляющиеся в реальном общении через речевые возможности в соответствии с той национально-культурной информацией, которая хранится во внутренней форме рассматриваемой языковой единицы. Ценностная составляющая ее

семантики особым образом преломляется в сочетающихся компонентах данного фразеологизма — колореме «цаһан» (белая) и кластере пространства «хаалһ» (дорога, путь), имеющих глубинные культурные установки.

Сокращения

Досл. — дословный; КРС — Калмыцко-русский словарь; перен. — переносный.

Литература

- Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
- Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И. Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Бардаев Э. Ч. Пюрбеев Г. Ц., Муниев Б. Д. Фразеологический словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 142 с.
- Басангова Т. Г. Заговор на хорошую дорогу в калмыцком фольклоре // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурных взаимодействий в Евразии. Махачкала, 2008. С. 413–420.
- Голубева Е. В. Калмыцкие культурные концепты. Элиста: Изд-во КалмГУ 2009. 158 с.
- Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2007. 247 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз. 768 с.
- Ковалева Л. В. Национальное своеобразие языковой объективации концептов, выраженных фразеосочетаниями, обозначающими реалии окружающей среды // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2004. № 1. С. 54–60.

References

- Alefirenko N. F. [Poetic Energy of the Word. Synergy of Language, Consciousness, Culture]. Moscow: Academia, 2002. 394 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. [Culture of Home: Kalmyk Ethnic Traditions and Modern Priorities]. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Bardaev E. Ch., Pyurbiev G. Ts., Muniev B. D. [The Phraseological Dictionary of the Kalmyk Language]. Elista: Kalm. Book Publ., 1990. 142 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. [Charm Exorcism for a Good Road in Kalmyk Folklore]. In: [Dagestan and North Caucasus in the Light of Ethnocultural Interactions in Eurasia]. Makhachkala, 2008. Pp. 413–420. (In Russ.)
- Golubeva E. V. [Kalmyk Cultural Concepts]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2009. 158 p. (In Russ.)
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Rus. yaz., 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Khaninova E. M., Muzayeva A. V. [Road]. In: [Ethnocultural Concepts in Consciousness of the Modern Russians]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2010. Pp. 129–136. (In Russ.)
- Khaninova R. [David Kugultinov and Mikhail Khoninov: Dialogue of Poets]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2008. 185 p. (In Russ.)
- Kovaleva L. V. [National Peculiarity of the Linguistic Objectification of the Concepts Expressed by the Phrase Combinations Indicating the Environment Realities]. *Bulletin*

- Mandzhieva E. B. Linguocultural Script «Wish» // Ethnocultural Conceptology and Modern Directions of Linguistics. Elista: KalmGU, 2008. Вып. 2. С. 115–118.*
- Monraev M. U. [The Dictionary of Synonyms of the Kalmyk Language]. Elista: Dzhangar, 2002. 208 p. (In Russ.)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. [The Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: A TEMPO, 2010. 874 p. (In Russ.)]
- Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. [Russians: Communicative Behavior]. Moscow: Flinta-Nauka, 2011. 326 p. (In Russ.)
- Pyurbiev G. Ts. [The Concept of Fate in the Culture of Mongolian Peoples]. *Teegin Gerl.* 1998. No. 6. Pp. 96–102. (In Russ.)
- [Space in Traditional Culture of Mongolian Nations]. Moscow: Vost. lit., 2008. 341 p. (In Russ.)
- Stepanov Yu. S. [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yaz. rus. kultury, 1997. 824 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow: Vost. lit., 2007. 247 p. (In Russ.)

of Voronezh State University. Ser. Linguistics and Intercultural Communication. 2004. No. 1. Pp. 54–60. (In Russ.)

- Mandzhieva E. B. [Linguocultural Script «Wish»]. In: [Ethnocultural Conceptology and Modern Directions of Linguistics]. Iss. 2. Elista: Kalmyk State University, 2008. Pp. 115–118. (In Russ.)
- Monraev M. U. [The Dictionary of Synonyms of the Kalmyk Language]. Elista: Dzhangar, 2002. 208 p. (In Russ.)
- Olyadykova L. B. [Non-equivalent Vocabulary and Phraseology in the Poetic World Picture of David Kugultinov.] Elista: Dzhangar, 2007. 381 p. (In Russ.)
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. [The Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow: A TEMPO, 2010. 874 p. (In Russ.)]
- Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. [Russians: Communicative Behavior]. Moscow: Flinta-Nauka, 2011. 326 p. (In Russ.)
- Pyurbiev G. Ts. [The Concept of Fate in the Culture of Mongolian Peoples]. *Teegin Gerl.* 1998. No. 6. Pp. 96–102. (In Russ.)
- [Space in Traditional Culture of Mongolian Nations]. Moscow: Vost. lit., 2008. 341 p. (In Russ.)
- Stepanov Yu. S. [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Yaz. rus. kultury, 1997. 824 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow: Vost. lit., 2007. 247 p. (In Russ.)

УДК 81'282.3
ББК 81.2Рус-3

ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В ПРОЦЕССЕ ПОЛЕВОГО СБОРА ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Я. В. Мызникова

Материал для данного исследования был записан летом 2012 г. в ходе студенческой диалектологической экспедиции в нескольких населенных пунктах Старомайнского района Ульяновской области (в селах и деревнях Кременки, Кременские выселки, Ивановка, Красная Река, Базарно-Мордовские Юрткули, Русские Юрткули, Матвеевка). Район этот довольно непросто в этнолингвистическом отношении: в состав коренных жителей входят чуваша, мордва и татары. Однако в настоящее время большинство жителей всех обследованных населенных пунктов идентифицирует себя как русские. Целью экспедиции был сбор лексического материала для «Лексического атласа русских народных говоров» по темам: «Растительный мир», «Животный мир», «Ландшафт», «Метеорологические явления», «Животноводство».

В процессе полевого сбора специфического языкового материала неизбежно возникают разного рода трудности, от технических до чисто лингвистических, приводящие к коммуникативным неудачам¹. При сборе материала по тематически ограниченным группам лексики и строгом соблюдении требований и вопросов программы коллекторы сталкиваются с разными затруднениями, которые можно сгруппировать следующим образом.

1. Отсутствие ожидаемых реалий или связанных с ними понятий. Так, в процессе сбора ландшафтной лексики в Старомайском районе Ульяновской области собирателям не удалось найти ни леса, хотя на карте район обозначен как лесистая местность, ни информантов, которые знали бы названия деревьев и трав: *Мы в лесах-та не были / эт кто стары люди // Галофкино затопило / мы ещё какие были / с саплями з зелёными...* <Кременские Выселки>; *Деревьеф здесь нету / здесь только што сажали*

¹ Под коммуникативной неудачей понимается недостижение инициатором общения коммуникативной цели [Теплякова 1998: 6].

вот / топаль... <Кременские Выселки>. На вопросы об особенностях ландшафта информанты отвечали: *У нас нет ничово / ни ям / ни гор // У нас хорошо фсё / гладко // <Кременки>.*

Приведем пример диалога по теме «Ландшафтная лексика» с участием собирателя (С) и информанта (И):

С.: *У вас есть тут возвышенности какие-нибудь?*

И.: *А чо эт такое вазвышенности?*

С.: *Ну, неровности, холмики какие-нибудь?*

И.: *Нет / у нас фсё равно / фсё равно у нас //*

С.: *А вот какие-нибудь низины есть у вас тут? Впадины какие-нибудь, ямки?*

И.: *Не-ет // Ровна у нас степь / нету... <...>*

С.: *А вы не знаете, как называется, когда речка впадает куда-то?*

И.: *У нас никуда ана не фпадает // Фсё время стоит // Ана не фпадает никуда // <Кременские Выселки>.*

2. Отказ информантов признать в принципе наличие предмета разговора приводит к заключению о существовании и других проблем, не объективного, а культурно-психологического порядка:

С.: *Тётъ Марусь, расскажите, пожалуйста, у вас, наверное, огород есть?*

И.: *Нет у меня никаво ничево / адна я // Ни агарода ничево // Адна я / и палка вот мая // Больше нет у меня ничево // <Кременские Выселки>.*

Часто информанты выражают сомнение в своей языковой компетенции, считая, что все уже есть в книгах и интернете. В коллективистских культурах люди предпочитают знать (и рассказывать) больше о других, чем о себе, а в индивидуалистских культурах, наоборот, индивид больше склонен знать (и говорить) о себе, чем о других. Людям из коллективистских культур поведение участников индивидуалистских культур обычно представляется эгоистичным и

нескромным. Исследование аспекта «индивидуализм — коллективизм» в контексте различия культур было впервые предпринято голландцем Гиртом Хофстедом в начале 1980-х гг. [Hofstede 2001: 41]. Конечно, реальный культурный тип общества (сообщества, коллектива) является сочетанием характеристик как индивидуального, так и коллективного или с преобладанием того или другого.

Как показано в работах Н. М. Лебедевой, ценности традиционной русской культуры и ее духовной основы — православия — располагаются ближе к полюсу коллективистски-ориентированных культур. Однако в ряду ценностей русской культуры к концу XX в. наблюдаются серьезные изменения, затрагивающие ключевые основы национального характера: молодые постепенно переориентируются на ценности индивидуализма [Лебедева 1999; 2000]. Люди постарше остаются в рамках ценностей коллективистской культуры, подразумевающей скромность, приверженность традициям и устоям, сдержанность в общении с малознакомыми людьми.

Таким образом, в процессе сбора диалектного материала могут возникнуть трудности с мотивацией информантов на установление контакта, что может быть обусловлено недостаточной коммуникативной компетенцией собирателей. Нередко препятствием в установлении успешной коммуникации становится общекультурная оппозиция «свой / чужой». Участники диалектологических экспедиций сталкивались с проявлением этой оппозиции на разных уровнях: языковом (свой / чужой говор), конфессиональном (своя / чужая вера), социальном (свой / чужой социум, коллектив, свое/чужое сообщество). Явное противопоставление «мы — свои» / «они — чужие» характерно для сообществ коллективистского типа с низкой терпимостью к неопределенности (или высоким уровнем избегания неопределенности) [Hofstede 2001: 175, 231]. В таких коллективах неожиданные ситуации и незнакомые люди вызывают эмоциональное беспокойство, дискомфорт: чужое считается опасным.

С проявлением оппозиции «свой / чужой» может быть связано этическое табуирование некоторых тем разговора, отказ информантов «признать» наличие в их говоре искомой лексики, особенно, если это касается экспрессивной лексики. Так, жители

села Базарно-Мордовские Юрткули весьма неохотно поддерживали разговор на тему мужских и женских прозвищ, хотя до этого сообщали:

И.: Ззесь ни одной бабы нет / штобы прозвища ей не было // И у мужикоф //

С.: А у баб какие прозвища?

*И.: Ни скажу! У нас молодёш **фсе хорошие** // У нас ничо такова ни делаецца / плохо // Фсе хорошие // **Чужых** у нас никово нет / И **плохо** у нас ничо не делаца...*

С.: Как еще мужиков-то называют?

И.: Да пошли они к чорту! <Базарно-Мордовские Юрткули>.

Ответные реплики информанта иллюстрируют попытку сменить тему общения в связи с возможными негативными последствиями разговора для «своих». При «столкновении» с «чужими» принадлежность к «своему» коллективу становится для информанта-диалектоносителя регулятором поведения. Гармония и сохранение мира — важные ценности коллективизма, один из принципов которого — «не выносить сор из избы». Так, С. К. Куприянова, характеризуя калмыцкую лингвокультуру как принадлежащую к коллективистским культурам с высоким уровнем избегания неопределенности, демонстрирует «прописанные» в калмыцких пословицах правила речевого поведения с незнакомыми людьми: «К неизвестной лошади не подходи близко сзади, незнакомым людям не высказывай своих намерений», «Садятся на коня, которого знают, говорят слова человеку, которому доверяют» [Куприянова 2011: 131].

3. Еще одной причиной коммуникативных неудач в процессе сбора диалектного материала может стать несовпадение профессионального и профанного представлений о теме разговора, что обусловлено разным уровнем языковой компетенции собирателей и информантов и отражается в различиях в лексико-семантической интерпретации речевых отрезков. Так, спрашивая о наименованиях различных реалий, например, о названиях разновидностей домашней скотины, собиратели подразумевают обозначения определенных понятий, а именно: как в данном говоре именуют *корову* вообще как вид крупного рогатого скота, а не как зовут данное конкретное животное. Информант же погружен в конкретный ситуативный контекст, не может от него абстрагироваться и думать и говорить обо-

щенно: У каждой коровы есть имя своё <Базарно-Мордовские Юрткули>. Таким образом, вместо обозначения обобщенного десигната собиратель получает наименование конкретного денотата:

С.: А различались как-то дойная корова и недойная корова, их как-то называли по-разному?

И.: (Смех) У дойной коровы вымя // А у недойной вон там вон где-та / ничо выми нет //

С.: А дойную корову как-нибудь ласково называли, может быть, доёнка?

И.: Своим именем //

С.: А вот если она очень много молока дает?

И.: Име име...

С.: Нет, ну, как о ней говорили?

И.: Спасибо ей!

С.: Ну, вот вы с кем-то разговариваете, и как говорите о корове, которая много молока дает?

И.: Вот одна баба так ко мне пришла / и сглазила / фторой день чуть не сдохла // И не надо так говорить...

<...>

С.: Скажите, а по цвету, по масти как-то называли коров по-разному?

И.: Букетка / Красотка / Красулька / Пестрафка / Рыжонка / Планета / Венера / Луна... <Матвеевка>.

В диалогах с информантами проявляются такие особенности диалектной коммуникации, как конкретность, ситуативность, антропоцентричность [Гольдин 2009]. Антропоцентричность и прагматическое отношение к понятиям проявляется во всех ответах информантов: им важна не каталогизация явлений, а значение явлений для жизни и деятельности человека:

С.: А вы знаете слово такое — леденец?

И.: Ну и чо эта / для чево?

С.: А если очень холодно, как вы скажете?

И.: Скажем холодно / тапить надо //

С.: Если ветерок легкий-легкий, как вы говорите?

И.: Эт приятно...

С.: Если небо всё в звёздочках, как вы говорите?

И.: Говорим / будет марозна //

С.: Если ночь ясная, как вы скажете об этом?

И.: Ясная ночь / Ничо не будет // Сънек не жидатца зимой // <Кременские Выселки>

Категоризация предметов и явлений действительности в коллективистских культурах происходит не на основе их общих признаков, свойств и законов формальной логики (как в индивидуалистских культурах), а на основе их взаимодействия и соотношений в реальной действительности [Choi, Nisbett, Smith 1997].

4. С изменением общественно-экономического уклада жизни, при сохранении речевых, денотата, понятийная система языка, десигнат меняется, в связи с чем искомая лексика уходит в прошлое, уступая место новой:

С.: А как корову, которая очень много молока даёт, называли?

И.: Рекордистка!

С.: Как говорили о корове, которая скоро телёнка родит?

И.: Она уже в декрет уходит!

5. Собиратели могут быть плохо знакомы с особенностями местной лексики, могли не успеть овладеть способами верификации полученных сведений, поэтому не всегда успешны в фонетической интерпретации ответа информанта. Так, ответ на вопрос о названии самки гуся студенты-собиратели записали следующим образом: Гус ана называцца <Красная Река>, вместо правильного Гу'сана называцца.

Таким образом, как речевая компетенция обоих коммуникантов, так и их фоновые знания и представления о мире могут не совпадать. Это приводит к тому, что смысл и референция, которыми говорящий снабжает свое высказывание, могут не соответствовать тому, что приписывает высказыванию реципиент. В этом случае можно сказать, что говорящий не учитывает фактор адресата. Адресат же, интерпретируя высказывание, соответственно, неправильно выводит значение.

Для успешного речевого взаимодействия собирателей языкового материала с информантами будущим собирателям, безусловно, необходима подготовка — как экстралингвистического, в частности, этнокультурного и социокультурного характера, так и лингвистическая, дающая представление об особенностях языковой компетенции информантов.

Литература

- Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского ун-та, 2009. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–7.
- Куприянова С. К. Калмыцкие паремии о речевом поведении в свете современной лингвопрагматики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 128–132.
- Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
- Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на ру-

беже XXI века // Психологический журнал. Т. 21, № 3, 2000. С. 73–87.

- Теплякова Е. К. Коммуникативные неудачи при реализации речевых актов побуждения в диалогическом дискурсе (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1998. 17 с.
- Choi I., Nisbett R. E., Smith E. E. Culture, category salience, and inductive reasoning. *Cognition*, 65, 1997. P. 15–32.
- Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations, 2nd edition. SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, USA, 2001. 597 p.

References

- Choi I., Nisbett R. E., Smith E. E. Culture, category salience, and inductive reasoning. *Cognition*. 1997. Iss. 65. P. 15–32. (In Eng.)
- Goldin V. E. [A Narration in a Dialectal Discourse]. *Bulletin of Saratov University*, 2009. Vol. 9. Ser. Philology. Journalism. Iss. 1. Pp. 3–7. (In Russ.)
- Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviours, and organizations across nations. 2nd ed. SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, USA, 2001. 597 p. (In Eng.)
- Kupriyanova S. K. [Kalmyk Paremia on the Speech Behavior in the Light of the Modern Lingvopragmatics]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of RAS*. 2011. No. 2. Pp. 128–132. (In Russ.)
- Lebedeva N. M. [Basic Values of Russians at the Boundary of the XXI Century]. *Psychological Journal*. Vol. 21. No. 3. 2000. Pp. 73–87. (In Russ.)
- Lebedeva N. M. [Introduction to Ethnic and Cross-cultural Psychology]. Moscow: Klyuch-S, 1999. 224 p. (In Russ.)
- Teplyakova E. K. [Communicative Failures in Implementing Speech Actions of Inducement in Dialogic Discourse (on the Material of Modern German)]. Cand. Sc. thesis (Philology) abstract. Tambov, 1998. 17 p. (In Russ.)

УДК 398.22
ББК 83.3 (2Рос = Калм)

КАЛМЫЦКИЕ РОДОВЫЕ ДРАЗНИЛКИ*

Т. Г. Басангова

Родовые дразнилки — один из недостаточно изученных малых жанров фольклора калмыков. Полевые записи последних лет свидетельствуют о том, что тексты дразнилок до сих пор бытуют в народной среде [Басангова 2011]. Тематически они представляют собой небольшие стихотворные тексты, в которых даются отличительные черты определенного рода. В народной традиции дразнилки используются в случае высмеивания представителя того или иного рода, например, на традиционной свадьбе калмыков [Хабунова 1999: 127]. Задачей данной статьи является характеристика указанного жанра на основе полевых записей и ввод в научный оборот новых текстов.

Калмыцкий писатель-эмигрант Санджи Балыков, описывая свадьбу донских калмыков, отмечает оберегающий характер шуток и присловий, предотвращающих «зависть дьявола, которую могли вызвать счастье и радость людей» [Балыков 1990: 56]. Г. О. Авляев в монографии «Происхождение калмыцкого народа» дал описание большого ряда этнических групп калмыков, входящих в состав этноса. Автором впервые записаны тексты уранов, которые могут быть отнесены к сакральным маркерам рода, им же впервые опубликованы тексты некоторых дразнилок, собранных в полевых условиях [Авляев 2002: 167]. Жанр родовых дразнилок следует отличать от жанра уранов — боевых кличей и магталов — восхвалений в честь какого-либо рода [Басангова 2006: 17–21]. Ранее исследователи пытались дать характеристику этого явления в народной культуре калмыков. На традицию дразнения среди калмыков обратил внимание У. Душан: описывая это явление, он привел текст дразнилки о багацатановцах: «Багацатановца побил рак, белую корову украл вор, дочь отняли люди

(умыкнули), рыжую лошадь взял на поездку посыльный» [Душан 1997: 117]. В дразнилке шуточно описан характер представителей рода, высмеивается их пугливость и нерасторопность. У. Душан охарактеризовал дразнилку как «ходячее слово» [Душан 1997: 117]. Другое обозначение этого жанра — *үг сөрлүх* ‘испытывать словом’ [Хабунова 1999: 127]. Писатель Басанг Дорджиев в романе «Мой оток» дразнилки, шуточные слова, которыми обменивались представители арванов (родов), определяет как *дөг үг* — ‘подзадоривающее слово’ от *дөгэлһн* — ‘подтрунивание’, ‘подзадоривание’ [Доржин 1968: 43]. Относительно функционирования дразнилок рода существует следующее мнение: П. А. Дарваев в устной беседе рассказал о том, что ими обменивались на гуляниях парни и девушки. Чтобы испытать характер парня, девушка произносила дразнилку о его роде. Если парень воспринимал дразнилку эмоционально, это говорило о его несдержанности, если же достойно выдерживал насмешку, таящуюся в тексте дразнилки, то это характеризовало его с положительной стороны, говорило об уравновешенности его характера, что было неплохим качеством для будущей семейной жизни [Басангова 2000].

Согласно полевым записям последних лет, традиция дразнения до сих пор бытует в народной среде. Были записаны подобные тексты у представителей родов *ульдючин*, *аванкин*, *талтахин*, *асмат* [Басангова 2011]. В экспедиции 2008 г. автором этих строк была записана история рода *аванкин*, а также ряд текстов, в которых в шуточной форме была представлена характеристика каждой этнической подгруппы. О роде *чаа-лихн* говорили: ‘Ущипнешь — кровь бежит, ткнешь — душа уходит’, в данном случае охарактеризован род, речь идет об уязви-

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 131408001.

мости членов этого арвана. Представителям рода *сарвахн* давали другую характеристику — ‘выполняющие задуманное сарвахины’, что свидетельствует о мнении о них как целеустремленных и трудолюбивых. В дразнилках получила отражение численность семей, входивших в род. Так, *домахины* были известны тем, что их численность не должна достигать семи кибиток (семей). *Талтахины* — один из древних родов калмыков. Современные *талтахины* проживают в пос. Цаган-Нур Октябрьского района, в пос. Тугтун, Эвдык Кетченеровского района. Представители рода *талтахины* сохранили присказку о том, что численность их составляет пятьсот семей, которая звучит следующим образом — «*талтахн — тавн зун өрк*». В настоящее время род талтахинов подразделяется на двенадцать арванов: *йоксюды, хёрняхины, геленгюды, чидяхины, болдуды, ганчахины, хоонуды, бёксюды, яванахины, донгошуды, альмдуды, ээлджигняхины*.

Характерно, что информанты наряду с дразнилками знают легенды и предания об арванах *авахинов*. Бытуют легенды и предания об арване *боотьхуд, даагнахн, сарвахн*. В дразнилках передается мнение одного рода о другом, раскрывающее определенную черту характера, например, говорливость, якобы присущую представителям арвана *борахин* из рода ульдучин: *Бурад-буглад йовдг борахн — ‘Говорливые борахины’*, об арване *даджихин* говорили: «*Дала даржңгуд меддг, шулун келдг даажихн*» — ‘знающие много скороговорок, быстроговорящие *даджихины*’. Дразнилка арвана *кельяхин* свидетельствует о том, что они отличались меткими изречениями — «*хуриц үгтә, ут келтә келкәхн*» — ‘с длинным языком, остро словы кельяхины’. В дразнилках упоминаются особенности говора, произношения или речи людей. Например, в отношении *харнутов* представителями других родов было сочинена дразнилка «*хар нүдтә, хурдн келтә хорнуд*» — ‘*черноглазые и скорые на язык харнуты*’. Осрахины отличались от других родов меткостью слова, о них говорили: «*Отг дундан тоомсрта, олмһа келтә оосрахн*» — ‘почитаемые в отоке, остроумные оосрахины’. В дразнилках иногда высмеивается скупость представителей того или иного рода. Об арване *геленгяхин* говорят следующие слова: ‘Чем гостить у *геленгяхинов*, лучше попросить еду у татарки’. Среди донских калмыков

также бытовало выражение, характеризующее негостеприимность представителей *кереитов*: ‘Лучше иметь ночлег в степи, чем просить его у кереитов’ [Алексеева, Борманжинов 2000: 13]. В дразнилке об арване *боотьхуд* также говорится, что определяющей их чертой была скупость: «*Боотьхуд буру хэләһәд, будаһан иддг*» — ‘*Боотьхуды отвернувшись, едят свой будан*’. Любовь к танцам, по мнению других, была присуща представителям арвана *геленгюд*: «*Нәрн дуута домбрас һардго, айстнь зеелтә туһлнь биилдг*» — ‘Любящие игру на звонкой домбре, под звуки которой пританцовывают телята на привязи’.

Родовые различия — одни из древнейших, и в прошлом между родами часто вспыхивали конфликты, поэтому отдельные рода, по мнению окружающих, отличались воинственностью. Так, представители рода *балзнахин* в дразнилках характеризовались как драчливые — «*бахлур авч ноолддг балзнахн*» — ‘в драке хватающиеся за горло, балзнахины’; об арване *чидәхн* была присказка «*чидлән чилтл ноолддг, чиидмг уудг чидәхн*» — ‘до последних сил дерущиеся, пьющие чиидмег чидяхины’.

В некоторых текстах дразнилок отражены названия пищи. Пищевой код, часто заложенный в обидной форме группового прозвища, является отражением как наличия существовавших пищевых приоритетов, так и промыслов жителей конкретной местности. Как известно, основным продуктом питания у калмыков было мясо. Существовало множество способов приготовления мясных продуктов [Борджанова 2007: 87]. В некоторых дразнилках отражены способы разделки мяса: «*һунжә шуулдг сарлахн*» — ‘сарлахины, снимающие шкуру у телят — трехлетки’, «*болсн түүкәһәр идчкәд йовдг болдуд*» — ‘съедающие полусырое’ (об арване *болдуд*, который отличался якобы своим чрезмерным аппетитом, из-за которого употребляли в пищу не сваренное полностью, полусырое мясо). Отдельные рода калмыков наибольшее предпочтение отдавали разным видам молочных продуктов. Так, об арване *чидяхн* было сказано, что их любимым молочным напитком был чиидмег, хорошо утоляющий жажду, о представителях этого же рода *талтахин* арване *хёрняхн* говорилось «*хөөрмг уудг хөрнәхн*» — ‘пьющие хойрмог хёрняхины’. В пищевом коде, имеющем место в тексте родовых дразнилок, присутствует вода, ко-

торуую якобы пьют из телячьего копытца (о роде *тугтун*); этот же текст произносили в адрес человека по имени Еремпил [Басангова 2007: 100]. Согласно дразнилке, пропитанием арвана *шунгурцык* служила рыба, которую они ловили неводом. Данная характеристика значима, так как проживали они в центре степи.

В родовых дразнилках арванов отображены древние представления калмыков. Некоторые представители арвана *шебенер* отличались суеверностью, о них говорилось: 'Разбегающиеся от карканья вороны'. По представлениям калмыков, карканье вороны считалось дурным предзнаменованием, ворона приносила дурные вести, в целях защиты произносилось заклинание, в котором звучала краткая просьба: «Скажи хорошую весточку!» [Борджанова 2007: 83]. В том же тексте дразнилки о *шебенерах* говорится, что они быстро сбегаются на звук барабана *кенкерег* [Бордыкова 2012: 46]. Барабан-кенкерег, как музыкальный инструмент, входил в состав хурульного оркестра. Г. О. Авляев отмечает, что шабинеры — сословие поданных монастырей и лам — «после события 1771 г. превратились в обычные аймаки с сохранением прежних наименований и были зачислены в разряд так называемых «калмыцких родов» [Авляев 2002: 57].

Об отдельных родах и составляющих их арванах были сложены предания, в которых наряду с правдивыми ситуациями есть доля вымысла и фантазии [Басангова 2007: 100]. В текстах дразнилок, как и в уранах, порой отражены имена человека, от которого произошел род, информация о генеалогии того или иного рода. Так, об *яванахилах* — арване рода *талтахин* говорилось, что они «Тавиш буурлын ачнр, Тавка Арш Багшин үлдл» — 'Внуки человека по имени Тавш Бурул, потомки человека по имени Тавка Араш Багш'. Но, судя по названию рода, главой *яванахилов* был человек по имени Яван — так звучит имя Иван на калмыцком языке [Басангова 2011: 182–184]. В текстах родовых дразнилок важным представляется и указание на территорию расселения рода,

к примеру, представители рода *бага хурул* живут у озера Сарпа (*Шорв*).

Представители арванов, составляющие род талтахинов, обменивались между собой шутивными дразнилками на найрах — гулянках, на свадьбах. Дразнилки, зафиксированные у талтахинов, носят дружелюбный, беззлобный характер, описывают положительные качества той или иной родовой группы. Название арвана *болдуд* произошло от слова *болд* — 'сталь', тем самым подчеркивается крепость объединения родственников, судя по шутивому тексту дразнилки, их бабушкой было железо, дедушкой — сталь. В тексте другой дразнилки о *донгошудах* из рода *талтахин* обозначено, что у них было семь пестрых собак — «долан цоохр нохата доңшудахн», дразнилка же *альмадудов* подчеркивает их предприимчивость: «атхсан тэвдго альмдуд» — *альмадуды*, которые не отпускают то, что схватят. В текстах, посвященных роду *талтахин*, упоминаются сакральные лица, пользовавшиеся особым почетом и уважением, — это священнослужитель Тавкан Арша-багши, джангарчи Окон Боков, борец Тосна Пюреев.

Таким образом, в текстах прозвищного характера отражены характерные черты того или иного рода, промыслы, занятия, отрицательные и положительные качества, воссоздающие фольклорную традицию этих мест. Дразнилки отразили их характерные черты — острословие, знание скороговорок, ум и красоту людей. В некоторых текстах дразнилок усилена насмешливая нота, ирония. Тексты дразнилок содержат дополнительные данные об этногенетических процессах и происхождении того или иного рода. Как видно из текстов дразнилок, калмыки отличались наблюдательностью, умением отличать особые признаки того или иного рода. Бытование дразнилок в стихотворной форме свидетельствует о поэтическом таланте народа. Дразнилки относятся к малым фольклорным жанрам, несмотря на их краткость, несут определенную информацию о родах калмыков, дают этнопсихологическую характеристику того или иного рода.

Литература и источники

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
Алексеева П., Борманжинов А. Об этническом составе донских калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 40 с.

- Балыков С. Девичья честь. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 284 с.
Басангова Т. Г. Полевой дневник автора. 2000 г.
Басангова Т. Г. Прозвищный фольклор калмыков // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2007. С. 98–105.

- Басангова Т. Г. Жанр «уран» в фольклорной традиции калмыков // Взаимодействие народов и культур на юге России: история и современность. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 342–346.
- Басангова Т. Г. Имена и фамилии обережного характера у калмыков // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Материалы науч. сессии, посвящ. 60-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Л. В. Шулуновой. Улан-Удэ: БГУ, 2011. С. 182–184.
- Басангова Т. Г. Фольклорная экспедиция, посвященная 100-летию со дня записи героического эпоса калмыков // Новые исследования Тувы. № 4, 2011. [электронный ресурс] // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_12/4205-basangova2.html (дата обращения: 15.04.2013).
- Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Борлыкова Б. Х. Калмыцкая музыкальная терминология. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 176 с.
- Доржин Б. Мини отк. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1968. 180 х.
- Душан У. Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе // Василий Церенов «Эркетени. Земля и люди». Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 117–118.
- Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.

Sources and References

- Avlyayev G. O. [The Origin of the Kalmyk People]. Elista: Kalm. Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Alekseeva P., Bormanzhinov A. [On Ethnic Composition of the Don Kalmyks]. Elista: Dzhangar, 1999. 40 p. (In Russ.)
- Balykov S. [The Girl's Honor]. Elista: Dzhangar, 1993. 284 p. (In Russ.)
- Basangova T. G. [The Author's Field Diary]. 2000. (In Russ.)
- Basangova T. G. [Nickname Folklore of Kalmyks]. In: [Problems of Ethnogenesis and Ethnic Culture of Turkic-Mongolian Peoples]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2007. Pp. 98–105. (In Russ.)
- Basangova T. G. [The Genre "uran" in Folklore Tradition of Kalmyks]. In: [Interaction of Peoples and Cultures in the South of Russia: History and Modernity]. Rostov-on-Don: Southern Scient. Center of the RAS Publ., 2008. Pp. 342–346. (In Russ.)
- Basangova T. G. [Names and Surnames of Warding Character among Kalmyks]. In: [Actual Problems of Humanitarian Research]. Conf. proc. devoted to the 60th anniversary of the birth of Prof. L. V. Shulunova. Ulan-Ude: Buryat State University, 2011. Pp. 182–184. (In Russ.)
- Basangova T. G. [Folklore Expedition Dedicated to the 100th Anniversary of the Recording of the Heroic Epos of Kalmyks]. *New Research of Tuva*. 2011. No. 4. An Internet resource: http://www.tuva.asia/journal/issue_12/4205-basangova2.html (accessed: April 15, 2013). (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. [Rite Poetry of Kalmyks]. Elista: Kalm. Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Borlykova B. Kh. [Kalmyk Music Terminology]. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2012. 176 p. (In Russ.)
- Dorzhin B. [My Kindred]. Elista: Kalm. Book Publ., 1968. 180 p. (In Kalm.)
- Dushan U. [Historical and Ethnographic Notes about Erketenev ulus]. In: Tserenov V. [Erketeni. Land and People]. Elista: Dzhangar, 1997. Pp. 117–118. (In Russ.)
- Khabunova E. E. [Kalmyk Wedding Ritual Poetry]. Elista: Kalm. Book Publ., 1998. 224 p. (In Russ.)

УДК 82.0:821.161.1:39-027.542
ББК Ш5(2=Р)7-4СерафимовичА+Ш5(2=Калм)-34

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «СВОЙ» — «ЧУЖОЙ»
В РАССКАЗЕ А. СЕРАФИМОВИЧА «СТЕПНЫЕ ЛЮДИ»

Р. М. Ханинова

Рецепция и репрезентация другого языка, культуры, вероисповедания, быта и обычаев отражает национальную идентичность «свой» — «чужой». Отличительную особенность русской литературы С. И. Кормилов видел в том, что она «чрезвычайно гуманна, исполнена сочувствия к страдающему человеку, никогда не поэтизирует насилие (“гений и злодейство” для нее — “две вещи несовместные”), в том числе на войне» [Кормилов 2007: 14]. Л. П. Егорова, выделяя традицию и инновации имагологии, подчеркивает: «В XX веке изменились сами пути приобщения художника к инациональному миру, что не могло не сказаться на его художественной репрезентации, к нему теперь вели не только участь ссыльных “государственных преступников” (хотя и в первой половине XIX в. бывали исключения — путешествия Пушкина в Арзрум и на Урал), но и свободно выбранная дорога путешественника, исследователя. И это относилось не только к кавказским маршрутам, но и к художественному открытию других национальных регионов. Возросла и познавательная ценность художественных произведений в плане описания быта, нравов, поэтического творчества инородцев» [Егорова 2007: 33].

В этом аспекте примечателен рассказ А. С. Серафимовича «Степные люди» (1902). Поводом к его созданию послужили воспоминания матери писателя. «Она еще молодой жила в степи, ей там и рассказывали про этот случай. Она так ярко его передала, что я тут же сел и стал писать», — вспоминал автор [Акимов 2005: 621].

Рассказ состоит из четырех частей. Экспозицией к главному событию стала первая часть — с описанием эпизоотии в Предкавказье, когда были выставлены ветеринарные кордоны. На посту у Соленого Колодца нес службу казак Иван Чижилов с двумя това-

рищами. *«Изредка вдали зачернеет кибитка, с калмыками-табунщиками, да пройдет косяк степных лошадей»* (курсив всюду наш. — Р. Х.) [Серафимович 1985: 110]. В центральной, третьей части Иван Чижилов встречает в степи старуху-калмычку, далее описана его борьба за жизнь после ее нападения.

В экспозиции заявлены ключевые образы: пост Солёный Колодец, кибитка, калмыки-табунщики, лошади. Поэтика заглавия включает в понятие «степные люди» жителей края — независимо от их национальной принадлежности. В контексте определения «степные» изначально семантика не только географического, природного, нецивилизованного, но и дикости, воинственности, учитывая хронотоп повествования — начало XX века, насильственное приобщение кочевого народа к оседлой жизни. Множественное число «люди» обусловило типизацию происходящего и выражение авторского сочувствия Ивану Чижилову и безымянной калмычке, за которыми стоят их семьи.

Чижилов молится перед дальней дорогой, прося благополучного возвращения после службы в родную станицу. Третья часть рассказа открывается масштабной панорамой степи, враждебной одинокому путнику. Пейзажные детали (пространство, небо, земля, трава, ветер, смерчи), эпитеты (бесплодное, солонцеватое, огромное, горячее, мутное, истрескавшаяся, сухая, горький, жесткий, сухой, знойный, черные), сравнение (пыль, как пожарище) подготавливают эпизод борьбы человека за жизнь при неожиданном для него покушении.

От немилосердия природы казак спасается воспоминаниями о семье, предвкусывая долгожданную встречу. Появление калмычки в степи показано автором через градацию: черная точка на горизонте, нель-

зя разобрать — человек, лошадь или бугор; приближающееся темное пятнышко; всадник, мчащийся прямо на Ивана. «Старая, в морщинах калмычка в синих штанах, с выбившимися из-под шапки жидкими седыми косичками...» [Серафимович 1985: 119]. Портрет калмычки передает ее пожилой возраст, который контрастирует с ее будущими действиями, несоразмерными, казалось бы, с ее физическими возможностями. В описании прически отсутствуют шиверлыки — матерчатые чехлы для двух кос замужней женщины; вид шапки не указан; верхняя часть одежды не упомянута. Для калмыцкой женщины верхняя одежда всегда имеет закрытый вид (нижняя нераспашная рубашка с крупным воротником и острыми концами, платье). Как поясняет Э. П. Бакаева, «штаны в качестве нижнего слоя одежды были обязательным элементом традиционного костюма как калмычек, так и ряда других тюрко-монгольских народов» [Бакаева 2008: 166]. Женские штаны *шалвр* имели сходство с мужскими, которые калмыки шили из нанки синего цвета или холста [Бакаева 2008: 83, 75].

В восприятии Чижикова неизменными остаются главные женские маркеры: морщинистое лицо, синие штаны, седые косички, босые ноги. Из всего этноописания старой калмычки особое внимание привлекают ее босые ноги с заскорузлыми подошвами. Но эта подробность противоречит национальным обычаям: взрослые калмычки не имели права обнажать ноги перед кем бы то ни было посторонним [Душан 1976: 16–17], «женщинам обычаи предписывали постоянное ношение обуви (босые ноги — верх неприличия), поэтому и летней формой обуви у женской половины общества являлись сапоги» [Бакаева 2008: 117].

Вначале встреча Ивана с калмычкой не предвещала недоброго. Когда, проскакивая мимо, она слегка задержала лошадь, ничего не подозревающий казак крикнул ей: «Эй, бачка, стой! Нет ли баклажки с водой? Смерть пить хочется!» [Серафимович 1985: 119]. Просьба подкрепляется экспрессивным выражением, на деле же оборачивается призыванием смерти: женщина хотела утопить его в степном колодце. Понятие воды здесь приобретает амбивалентный смысл мертвой воды, воды для неживых.

Все последующее развитие действия показано с точки зрения жертвы. «Калмычка на скаку перегнулась к нему, *странно*

взмахнула рукой; в ту же секунду в воздухе со свистом развернулся аркан, и, прежде чем успел опомниться казак, волосая петля мгновенно стянула его поперек, туго притянув к туловищу руки. Калмычка перекинула ногу через натянувшийся от подпруги аркан, *дико* гикнула, и лошадь понеслась карьером. Натянувшийся, как струна, аркан с размаху кинул казака о землю и поволок за бешено мчащейся по степи лошадей» [Серафимович 1985: 119–120].

Показавшаяся впереди котловина заставила наездницу остановить бег скакуна. Автор показывает восприятие происходящего его героем с позиции «свое» — «чужое». Иван не понимает незнакомый ему язык, он слышит чужую речь как «дикие слова» — эмоционально страшные, учитывая ситуацию. «Калмычка спрыгнула на землю, привязала конец повода к передней ноге лошади и, *бормоча и выкрикивая что-то*, подошла к неподвижно лежавшему казаку» [Серафимович 1985: 120]. Наконец, пленник слышит обращенную к нему по-русски угрозу: «— Будь ты проклят, волк лютый... издыхай, как собака, и пусть черви сожрут тебе все нутро» [Серафимович 1985: 120]. В калмыцком фольклоре существует жанр харала — проклятия. В словах старухи прозвучали проклятия общего характера, усугубленные пожеланием смерти. Чем же вызвано это призывание бедствий на голову незнакомца?

При этом калмычка поминала своих детей, свою кибитку, скотину, лошадей... Упоминала она и про железную дорогу, про больших начальников и лютых волков. В авторской речи дается пояснение тому, что происходит. «Ей было пятьдесят восемь лет, и она помнила те времена, когда калмыки *вольно кочевали* со своими кибитками по степям; а теперь их согнали в станицы, предлагают заниматься земледелием и забирают сыновей на службу» [Серафимович 1985: 121]. Помимо свободного образа жизни, с кочевкой было связано много обычаев и суеверий, среди которых существенным оказывается представление о том, что оставаться долго на одном месте нельзя, к людям привыкает местная нечистая сила и может причинить неисчислимые бедствия [Душан 1976: 13]. Грехом считалось у кочевников тревожить землю, распахиывая ее. «Нужно строить избы, справлять сыновей в полк, покупать шинели, мундиры, седла, пики, шашки, белье. Нужно было много

продавать, чтобы иметь на все деньги» [Серафимович 1985: 121].

Калмыки и продали лишний скот заезжему купцу, который вручил им шестьсот сорок девять рублей тридцать копеек новыми кредитками. Часть денег старуха спрятала в седельную подушку, а остальные раздала членам семьи для покупки необходимого. При первой же покупке выяснилось, что деньги фальшивые; когда мать наотрез отказалась возратить оставшуюся часть кредиток по требованию властей, арестовали всю семью. И только в тюрьме калмыки поняли, в каком скверном деле их обвиняют, какую скверную шутку сыграл с ними купец, которого они не знали и не могли указать. Старший сын старухи взял всю вину на себя, его сослали в Сибирь, двух братьев взяли в полк, младший спился и умер от чахотки. «И вот теперь старая калмычка припомнила все это, волоча за ноги одного из тех, которые пришли и забрали их землю, лишили вольной жизни, разорили, обманули, посадили в тюрьму, забрали детей куда-то далеко, а степь перерезали длинной насыпью, положили сверху железо, поставили столбики и пустили по ней телегу с дымом и огнем» [Серафимович 1985: 121].

Она потащила казака к краю узкой круглой дыры. Это был глубокий полуобвалившийся степной колодец. Подробное описание напряженного поединка дополняется криками и несобственно-прямой речью женщины. «Старуха, чувствуя, что вот-вот полетит туда, где гниют сброшенные ею раньше люди, закричала, и крик ее разнесся по всей степи. Она кричала и звала своих детей, звала старшего сына, которого угнали в Сибирь, звала двух других, которые далеко служили в полку, звала самого младшего, которого берегла как свой глаз и от которого остались одни мослы; она звала их и кричала им, как их родила, выкормила, воспитала. Но дети не слышали» [Серафимович 1985: 122]. В этом перечне важно отметить младшего сына: у монгольских народов именно он считался хранителем очага, и, следовательно, власть и новое время (в лице нечестного купца) лишили старуху самого сокровенного.

Когда калмычка последним усилием впиалась в руку казака, ему с большим трудом удалось отодрать от груди вторую старухину руку: «— Ты будешь девятая, будь ты проклята!..» [Серафимович 1985: 122]. В

народных представлениях проклятие может настичь проклинаящего человека. Так и не опомнившись после случившегося, казак, тем не менее, сознает, что нельзя забирать чужую лошадь. Роковым же для Ивана становится решение забрать себе седельную подушку и подпругу.

Лишь после этого Чижиков «подошел к колодцу, послушал, поглядел в черную пустоту — у него *шевелинулось тайное желание*, чтобы старуха подала голос и ее можно бы было вытащить; но там было все неподвижно и тихо» [Серафимович 1985: 123]. Несмотря на то, что казак, пройдя несколько верст, нашел свои вещи, он все же запихал в сумку подпругу и подушку старой калмычки. Но мысль о погибшей женщине не покидала его. Много он прошел, хотелось подалее уйти от «рокового места», потому и свернул от железной дороги: «Казалось ему, что первый, с кем он встретится, сейчас же скажет: „А зачем калмычку убил?“» [Серафимович 1985: 123]. Обратим внимание: уточнена национальность жертвы. По Серафимовичу, это и борьба между предубеждением в отношениях «свой»/«чужой». Муки совести обостряли страх Чижикова: «Боялся он — и кровь стыла у него при одной мысли об этом, — что сначала он услышит конский топот, подскочет к нему всадник, сдержит лошадь, станет он всматриваться, а это — старуха на лошади с выпятившимися глазами, с морщинистым лицом, в синих штанах» [Серафимович 1985: 124].

В рассказе А. Серафимовича число два играет значимую роль. На второй день встречается Чижикову калмычка, названы два колодца — на посту и в котловине, дважды видится казаку мертвая старуха, дважды произнесенные проклятия возвращаются к проклинаящим (брат Блинова умер, Чижиков получил каторгу), через два года обнаружены фальшивые деньги в седельной подушке. Дважды встречаются Ивану два калмыка в форменных казачьих фуражках, разыскивавшие ушедшую, по их словам, в хурул старуху. Вначале они мирно приветствуют его. В их удивлении («Вот чудно!.. Нет старухи. Всю степь изъездили, как *скрозь землю провалилась...*»), о чем они сами не подозревают, содержится указание на форму преступления. Поэтому Чижиков повторял, что ничего не знает. Вначале калмыки постояли еще немного, «похурукали» между собой [Серафимович 1985: 124], поскакали назад, позже они отъехали, оста-

новились шагах в десяти и стали о чем-то жарко говорить между собою, показывая плетями на Ивана. Вновь автором показана реакция Чижикова на угрозу со стороны: ему невнятна чужая речь, он воспринимает ее звуки на слух (похурукали, стали о чем-то жарко говорить), следит за жестами всадников (показывали плетями). Им же непонятна агрессия путника. «Не лезьте ко мне, а то перепорю обоих ... и лошадей! — И Иван с побледневшим и искаженным от злобы лицом замахнулся пикой» [Серафимович 1985: 125]. Чижиковская угроза «перепороть лошадей» объясняется тем, что под одним из калмыков была старухина лошадь, которую узнал путник. При первой встрече Иван боялся, что те залезут к нему в сумку и найдут подпругу с подушкой, при второй — он сразу занял оборонительную позицию.

Хронотоп четвертой части стягивает в один смысловой узел предыдущее повествование. Иван согрешил, нарушив библейские заповеди «не убий» и «не укради». Он случайно нашел в седельной подушке калмычки клад. Вскрывшийся при покупке товаров на окружной ярмарке обман привел Чижикова, не признавшегося, откуда у него фальшивые деньги, на судебную скамью. И лишь когда старшина присяжных после совещания стал читать приговор Ивану Михайлову Чижикову, «Ивану с изумительной ясностью представилось, как калмычка кричала и звала своих сыновей, как мелькнули и скрылись в темной дыре ее босые ноги» [Серафимович 1985: 127].

Неожиданное признание подсудимого — кульминация рассказа: обернувшись к председателю, с искривленным бледным лицом, по которому текли слезы, он проговорил вздрагивающим, прерывающимся голосом: «Мне бы ее, вашскблагородие, старуху-то, мне бы ее выдернуть оттеда, выдернуть бы оттеда... а я ее... а я ее стихнул... Покорно благодарю... правильно!...» [Серафимович 1985: 127]. Христианское покаяние героя (осенение крестом, поклон, признание) вызвано осознанием своей вины. Тогда как ранее нежелание задержанного казака указать источник фальшивых денег опиралось на сокрытие им содеянного преступления.

Не возвратив властям фальшивые деньги, старуха оставила их себе. По верованиям калмыков, ни в коем случае не допускалось седлать лошадь без «кевца» — подушки на седле. Без подушки лошадь седлали только тогда, когда жертвовали ее хурулу на помин души ее хозяина [Душан 1976: 65]. Подстерегая в степи одиноких путников, мать семейства словно бы попирала собою в седельной подушке то, что сгубило ее детей, укрепляясь в мстительной ненависти к иноземцам.

Таким образом, национальная идентичность «свой» — «чужой» в рассказе А. Серафимовича выражена в конфликте (социальное и человеческое, государственное и персональное), в речи (русская/диалектная, инонациональная), типажах (русский казак и старая калмычка), предметах снаряжения коня (калмыцкая седельная подушка) и одежды (синие штаны старухи).

Литература

- Акимов В. М. Примечания // Серафимович А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1985. С. 616–628.
- Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 189 с.
- Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 7–88.

- Егорова Л. П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиция) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 31–39.
- Кормилов С. И. Своеобразие русской литературы и проблема ее национальной идентичности // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 8–21.
- Серафимович А. Степные люди // Серафимович А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1985. С. 110–127.

References

- Akimov V. M. [Commentary]. In: Serafimovich A. [Works]. In 2 vol. Vol. 1. Leningrad: Khud. lit., 1985. Pp. 616–628. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. [Clothes in Kalmyk Culture: Traditions and Symbols]. Elista: Gerel, 2008. 189 p. (In Russ.)
- Dushan U. [Customs and Rites of Pre-revolutionary Kalmykia]. In: [Ethnographic Collection]. Iss. 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1976. Pp. 7–88. (In Russ.)

- Egorova L. P. [Literary Aspects of Imagology (Innovations and Tradition)]. *Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences*. 2007. No. 1–2. Pp. 31–39. (In Russ.)
- Kormilov S. I. [Originality of the Russian Literature and Problem of its National Identity]. *Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences*. 2007. No. 1–2. Pp. 8–21. (In Russ.)
- Serafimovich A. [Steppe People]. In: Serafimovich A. [Works]. In 2 vol. Vol. 1. Leningrad: Khud. lit., 1985. Pp. 110–127. (In Russ.)

УДК 82.0:82-95

ББК Ш5(2=Р)7-4Исбах А.+ТЗ(2Рос.Калм)6-8

ОБРАЗ КАЛМЫЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ-КАВАЛЕРИСТА В ПРОЗЕ А. ИСБАХА

Д. А. Иванова, Р. М. Ханинова

Среди русских писателей XX в., воплотивших в своем творчестве калмыцкую тему, есть те, которые были знакомы со степным краем и ее народом, и те, которые были лишены подобного знакомства.

«Четверть века тому назад я был в Калмыкии на олимпиаде. До сих пор забыть не могу. Славный у вас народ», — вспоминал Александр Абрамович Исбах (1904–1977) [Балакаев 1964: 3]. Его встреча в середине 1930 гг. с первой калмыцкой женщиной-кавалеристом, Марией Доржиновной Шапшуковой (1901–1978) отображена в очерке «Две женщины», в рассказе «Нарма Шапшукова» и в повести «Калмычка».

Целью нашей статьи является исследование художественного образа М. Д. Шапшуковой как примера создания советского героического жития в прозе А. Исбаха.

Все три произведения московского писателя объединены начальным хронотопом — республиканской олимпиадой в середине 1930-х гг. Коллективный сборник «Девушки Калмыкии» (1935), подготовленный к съезду женской молодежи Калмыкии, отвечал всем требованиям времени: здравицы Сталину, Советской власти, демонстрация достижений народного хозяйства, портреты участников гражданской войны и передовиков труда. Такими героинями предстают в очерке А. Исбаха «Две женщины» (1935) кавалерист Нарма Шапшукова и председатель Черноземельского сельсовета Булгун Дертеева [Исбах 1935: 22–24]. Члена президиума облисполкома Шапшукову, приветствующую многотысячных участников праздника, переполняют чувства: «Ее народ сегодня торжествует. Под открытым степным небом цветет искусство ее народа, самого забитого и угнетенного в прошлом. И вот новая молодежь, такие, как эта Булгун Дертеева, правят народом — новая крепкая молодежь советской Калмыкии».

Это для нее, для Булгун Дертеевой, для ее счастья вскочила Нарма в седло семнадцатилетней девочкой. <...> Она первой из

женщин-калмычек пошла к Семену Михайловичу Буденному и с ним, в его полках, на коне прошла всю войну, билась за красных, билась за новую Калмыкию, билась за Сталинград, на лучшем заводе которого выросла Булгун Дертеева» [Исбах 1935: 23–24]. Орденосец Шапшукова не в силах скрыть слезы: «Мы понимаем волнение Нармы. Мы успокаиваем ее. Молодая Булгун Дертеева ласково пожимает ее руку. И они стоят рядом, эти две женщины, символ новой возрожденной Калмыкии», — с пафосом подытоживает автор [Исбах 1935: 24].

В рассказе Исбаха «Нарма Шапшукова» (1937) героиня названа собственным именем, в повести «Калмычка» (1963) — вымышленным, по названию станицы, где родилась: Батлакова — Батлаевская. Нами установлено, что в Национальном архиве Республики Калмыкия хранится партийное дело коммуниста Н. Д. Шапшуковой. Мария Доржиновна Маркина (Шапшукова — фамилия по мужу) родилась в бедняцкой семье в 1901 г. в станице Батлаевская Сальского округа Области Войска Донского. В регистрационном бланке место рождения: «д. Батлаевская, Калмыцкий р-н Ростовской области», социальное происхождение: «крестьянка» [НА РК. Ф. 966. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 2].

Согласно канону советского жития, герой с детства претерпевает трудности и лишения. Маркина осталась сиротой еще в раннем детстве, после смерти отца мать вышла замуж вторично, оставив детей. В рассказе и повести А. Исбаха мать умерла, когда девушка выросла. Был у Марии слепой старший брат, Очир. В рассказе «Нарму и ее брата Очира — беспомощного, слепого от рождения — приютили родственники. Но родные были для Нармы и слепого Очира чужими, злыми людьми <...> скупы и неприветливы» [Исбах 1937: 141–142]. В повести же о брате героини ничего не сказано. «С десяти лет Нарма помогала матери. <...> Целый день проводила она во дворе

хозяина, нянчила его детей, обмывала их, помогала матери на скотном дворе» [Исбах 1963: 60] — таково тяжелое и безрадостное детство героини повести.

В советском житии для героя важна встреча, которая меняет его жизненный путь. В рассказе Исбаха девушка «встретилась с красногвардейцем Максимом Шапшуковым. Вместе с ним она ушла на фронт» [Исбах 1937: 143], воевала на Южном фронте в 1-м Донском кавалерийском казачьем полку, в Красной Армии, с февраля 1918 по апрель 1921 гг. [НА РК Ф. 966. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 22].

Замужняя калмычка, по обычаю, получила новое имя, отсюда, видимо, имя Нарма, что означает «созвездие, звезда изобилия» [Монраев 2012: 177]. Автор, не зная точного имени Шапшуковой, полагал, что Мария — ее второе имя, как и написал в рассказе: «Ее звали Маней, Марусей, и это второе имя стало ей близким и родным. Никто из партизан не знал безвестную калмычку Нарму Маркину, но Марусю Шапшукову знали во всех буденновских отрядах Первой Конной — и под Царицыном, и в Ставрополе» [Исбах 1937: 143].

Важный момент в жизни героини иначе описан в повести. На митинге, где выступал Василий Долутаев (исторический прототип — Василий Хомутников, командир красного отряда, председатель ЦИКа Калмыцкой АССР), призывая поднять восстание против богачей, девушка предотвратила его убийство: сын зайсанга Манджиева целился в Долутаева из ружья, а она, заметив это, ударила преступника по руке. Так семнадцатилетняя Нарма Батлакова стала бойцом Красной Армии.

Для жанра советского жития характерны подвиги героя. В своем рассказе А. Исбах хронологически «сдвинул» события: как известно, Шапшукова спасла в горячке боя командира эскадрона Осадченко и помощника командира полка Стаценко. В повести эти подвиги не упомянуты, подробности же о них находим в рассказе. Ничего не говорится в повести о муже. В рассказе же подчеркнуто: «Нарма неизменно сопровождала мужа — командира 2-го эскадрона калмыцкого революционного кавалерийского полка — в боях, конных атаках всегда была вместе с ним во главе эскадрона. Героический полк во главе со своими испытанными командирами-большевиками показывал изумительную отвагу в борьбе с

врагами советов. И рядовой боец — Нарма — никогда не страшилась трудной походной боевой жизни» (курсив всюду наш. — Д. И., Р. Х.) [Исбах 1937: 143–144].

Житие обычно подчеркивает не личное, а общее в герое. Описание внешнего облика Нармы в рассказе дано скупое, без индивидуальных черт: «Гибкая и быстрая, в мужской военной одежде она походила на бойкого мальчишку» [Исбах 1937: 143–144].

Героический характер в советском житии проверяется болезнью и ранами человека, потерявшего здоровье в борьбе за новую жизнь. В рассказе А. Исбаха контузия отразилась на здоровье бойца: «Она вышла из госпиталя — *слабая и худая*» [Исбах 1937: 144], что показано глазами Хомутникова, изредка с участием следившего за своей воспитанницей: «*Эта рано постаревшая больная женщина была так мало похожа на боевую, отважную девушку-буденновку*» [Исбах 1937: 145].

В первой главе повести Нарма дана в восприятии ее приемной дочери, Булгун: «Ее *маленькая* мама в старинном красочном национальном костюме, который она надевала только по большим праздникам.

На груди — лучились серебро и эмаль ордена. Первого боевого ордена, врученного в республике женщине» [Исбах 1963: 57]. Буквально повторена авторская фраза из рассказа о контуженном бойце: «Она вышла из госпиталя — *слабая и худая*» [Исбах 1963: 62]. В повести Долутаев тоже констатирует изменения в облике соратницы при встрече после войны: «Как она изменилась, Нарма... Он едва-едва узнал ее. <...> Долутаев изредка с *жалостью* следил за своей старой воспитанницей. Эта, так *рано постаревшая, больная женщина мало похожа на боевую, отважную девушку-буденновку*» [Исбах 1963: 63].

В советском житии герой по справедливости вознаграждается за муки и страдания, за подвиги. В исбаховской повести Долутаева и Батлакову в 1935 г. вызвали в Кремль, где Нарме вручили орден Красной Звезды. И во время республиканской олимпиады она «вспоминает Кремлевский зал и Калинина, и картину, на которой мчится она с обнаженным клинком... И слезы катятся, катятся по *худым, смуглым ее щекам*...» [Исбах 1963: 65]. Последний портретный штрих — встреча в 1957 г. в Элисте московского художника Андрея Марченко с Нармой Батлаковой, приемной матерью его

возлюбленной: «*Старая седая женщина не сразу узнала его*» [Исбах 1963: 71].

В повести легендарная героиня гражданской войны показана и с помощью экфрасиса. В повести на картине Марченко «Заря» «на первом плане женщина на коне. Молодая, стройная, но не очень красивая и совсем не похожая на ту героиню, что скачет на картине в Кремле. Усталое, доброе лицо. Названная мать Булгун — Нарма Батлакова» [Исбах 1963: 69].

Булгун первая сказала Андрею о картине, где запечатлена ее мать: «Она знаменитая женщина, и один известный художник даже изобразил ее на большой картине. Не видел ли он ее? Она висит в Москве, в Кремле» [Исбах 1963: 59]. Описание же этого изображения передано самой героине: «В одном из залов Кремля Нарма увидела большую картину. Спазмы сжали ее горло. Конные калмыки мчались на врагов. Впереди отряда рядом с Долутаевым скакала Нарма» [Исбах 1963: 63]. Писатель никак не идентифицирует картину — ни названием, ни ее автором-художником.

Прославление женщины-калмычки из народа, защищавшей Советскую власть, вписывается в общий контекст героики гражданской войны: женщины-бойцы с разными судьбами стали героинями прозы Б. Лавренева и А. Н. Толстого [Ханинова 2009: 220–223], А. Веселого и А. Соболя [Ханинова 2009: 27–35]. В рассказе А. Исбаха «*слава о Марусе Шапшуковой, отважной партизанке, гремела по всей степи. С шашкой наголо мчалась она в самые горячие схватки, а в дни короткого отдыха со всеми бойцами звонко пела незабываемые боевые песни*». Когда в Кремле вручали награду, «ее узнал командарм Буденный, узнал лихую наездницу, скакавшую *впереди отряда*» [Исбах 1937: 144].

Детей у Шапшуковых не было, после гражданской войны супруги расстались. В повести же Нарма удочерила девочку. Когда та «подросла, мать рассказала ей о *всей нелегкой своей и романтической жизни*» [Исбах 1963: 60]. Мотив приемного ребенка необходим автору для того, чтобы явить нереализованное из-за болезни, вызванной контузией, материнское счастье Нармы Батлаковой, а также показать героическую преемственность поколений на примере одной семьи. «Это для нее, для Булгун, вскочила Нарма в седло семнадцатилетней девочкой. Для нее оставила свой улус и первая из жен-

щин-калмычек пошла к Семену Буденному...» [Исбах 1963: 65].

В повести Нарма Батлакова доблестно сражалась за Родину и во время Великой Отечественной войны, о чем узнал московский художник, увидев старые ленты военной кинохроники [Исбах 1963: 71]. Шапшукова же не была участницей этой войны: как указано в ее регистрационном бланке члена КПСС, по состоянию здоровья [НА РК Ф. 966. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 3], «в период оккупации жила она на одной из отдаленных чабанских точек, числилась в бригаде арбичкой» [Джамбинов 1994: 5]. В конце декабря 1943 г. вместе со всем калмыцким народом она была выслана в Сибирь.

В прозе А. Исбаха трудовая деятельность Шапшуковой не показана (скотовод, женорганизатор, уборщица, чернорабочая, колхозница), все внимание сфокусировано на личности первой калмыцкой женщины-кавалериста в гражданскую войну. Повесть под заглавием «Калмычка» воплотила собирательный женский образ: это мать и дочь Батлаковы, защищавшие Родину в боях. Для автора важно было поддержать реабилитацию репрессированного в годы сталинского террора калмыцкого народа. Этот мотив в повести связан прежде всего с погибшей Булгун, с ее письмом Андрею перед последним боем, где она выразила свое отношение к геноциду калмыков.

Романтизированный образ первой «буденновки» создан также в рассказе К. Ерымовского «Нарма Шапшукова» [Ерымовский 1937], на текст которого в основном опирался А. Исбах в своем рассказе. Эпизодически представлен образ этой калмычки (без упоминания о ее муже-командире) и в романе А. П. Листовского «Конармия» [Листовский 1975: 279, 287, 290–291]. В случае с Марией Доржиновной Шапшуковой основная канва ее героического жития в годы гражданской войны совпадает с биографией и с ее художественным модусом в русской прозе.

Художественный образ и его исторический прототип позволяют выявить некоторую, реализованную в действительности, «модель человека» определенной эпохи и культуры, которая в прозе А. Исбаха, «проявляется как реальность человека “здесь и сейчас”, то есть в определенной исторической и культурной среде» [Фокин, Малыгина 2010: 132].

Литература и источники

- Балакаев А. Г. [Предисловие] // Исбах А. А. Калмычка: повесть. Элиста: Калмгосиздат, 1964. С. 3–4.
- Джамбинов Я. С. Неизвестные страницы биографии Нармы Шапшуковой // Элистинские новости. 1994. 20–26 августа. С. 5.
- Ерымковский К. И. Нарма Шапшукова // Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917–1920 гг. М.: История граждан. войны, 1937. С. 6–11.
- Исбах А. А. Нарма Шапшукова // Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917–1920 гг. М.: История граждан. войны, 1937. С. 140–146.
- Исбах А. А. Калмычка // Теегин герл. 1963. № 3. С. 57–72.
- Листовский А. П. Конармия: роман. Изд. 3-е. М.: Молод. гвардия, 1975. 640 с.
- Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Издат. Дом «Герел», 2012. 255 с.

Sources and References

- Balakayev A. G. [Foreword]. In: Isbakh A. A. [A Kalmyk Woman]. Novel. Elista: Kalmgosizdat, 1964. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Dzhambinov Ya. S. [Unknown Pages of Biography of Narma Shapshukova]. *Elista News*. 1994. August 20–26. Pp. 5. (In Russ.)
- Erymovsky K. I. [Narma Shapshukova]. In: [A Woman in the Civil War: Episodes of the Struggle in the North Caucasus in 1917–1920]. Moscow: History of Civil War, 1937. Pp. 6–11. (In Russ.)
- Fokin A. A., Malygina I. Yu. [Anthropological Poetics of the North Caucasus Literature: to Problem Statement]. *Bulletin of Stavropol University*. 2010. No. 71. Pp. 130–135. (In Russ.)
- Isbakh A. A. [A Kalmyk Woman]. *Teegin Gerl*. 1963. No. 3. Pp. 57–72. (In Russ.)
- Isbakh A. A. [Narma Shapshukova]. In: [A Woman in the Civil War: Episodes of the Struggle in the North Caucasus in 1917–1920]. Moscow: History of Civil War, 1937. Pp. 140–146. (In Russ.)

Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив». НА РК. Ф. 966. Оп. 2. Д. 16.

Фокин А. А., Малыгина И. Ю. Антропологическая поэтика литератур Северного Кавказа: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского университета. 2010. № 71. С. 130–135.

Ханинова Р. М. «Революционный трансвестизм» в повестях Б. Лавренева «Сорок первый» и А. Толстого «Гадюка» // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. Ч. 2. С. 27–35.

Ханинова Р. М. Рассказы Андрея Соболя «Княжна» и Артема Веселого «Дикое сердце» в аспекте народной песни о Степане Разине // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2009. С. 220–223.

Khaninova R. M. [“Revolutionary Transvestism” in the Novels of B. Lavrenev “Forty-First” and A. Tolstoy “The Viper”]. In: [Literary Text and Text in Mass Communication]. Conf. proc. Smolensk: Smolensk State University Publ., 2009. Part 2. Pp. 27–35. (In Russ.)

Khaninova R. M. [Short Stories by Andrey Sobol “The Princess” and by Artem Veselyi “The Wild Heart” in the Aspect of the Folk Song about Stepan Razin]. In: [VI Surguchev Readings: Culture of Southern Russia, Space without Borders]. Conf. proc. Stavropol: Stavropol State University Publ., 2009. Pp. 220–223. (In Russ.)

Listovsky A. P. [Kavalry Army]. Novel. 3rd ed. Moscow: Molodaya gvardia, 1975. 640 p. (In Russ.)

Monraev M. U. [Kalmyk Personal Names (Semantics)]. 3rd ed. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Russ.)

[The National Archive of Republic of Kalmykia]. Fund 966. Invent. 2. Case 16. (In Russ.)

УДК 75.03
ББК 85.1

ДЖАНГАРИАДА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ ЖИВОПИСИ Г. О. РОКЧИНСКОГО

С. Г. Батырева

Искусство, являясь сферой культуры художественной, несет миссию «самосознания культуры», поскольку проецирует преломление объективной реальности в творчестве. Здесь формируется художественный язык, генетический «пароль» искусства, концентрирующий образную память предков. В движении времени сохраняется духовный опыт поколений, передаваемый художественной традицией. Самовыражение творческой личности, таким образом, связано с исторической памятью общества, осуществляющей преемственность развития культуры. Творчество, сфокусированное в призме традиционного мироощущения этноса, становится со временем его культурным наследием.

Фольклорная составляющая творческого процесса, реконструируемая в настоящей работе, позволяет выявить органичное соединение лирического как выраженного самосознания личности и эпического — как манифестации общественного сознания. В отведенный для творчества небольшой век художник Г. О. Рокчинский (1923–1993) сумел, «шагая эпохами», создать живопись национального масштаба. В образной характеристике его полотен, принадлежащей известному джангароведу А. Ш. Кичикову, отмечается: «под силу это только „мастеру «уруну“, стоящему у начала миротворения» [Кичиков 2004: 7].

Действительно, произведения Г. О. Рокчинского рождались в процессе приобщения к истокам художественной традиции, ее глубинного осмысления в живописи, создающей новую реальность. Фольклорное начало — особая область дарования автора, которая выражается в постоянных поисках художественной формы и кристаллизуется в его наследии.

Круг поисков формовыражения, обозначенный в создании известных полотен

«Мать-земля родная» и «Джангарчи Ээлян Овла» 1960-х годов, будет неполным, если не учитывать перспективу периода девяностых, — периода, подытоживающего все, что художником создано. Поиски художника закономерно связаны с судьбой эпического наследия в калмыцкой культуре.

На выставке Калмыцкой ассоциации художников «Джунгария» (отделившейся от официального творческого Союза), открытой в юбилейные дни, центральными в экспозиции стали произведения на эпическую тему народного художника России Г. Рокчинского. Одно из них — созданное в 1990 году, небольшое, но емкое по содержанию полотно под названием «Жаңһрин жиндмн», в котором интерпретация эпической темы органично связывает воедино творческие поиски живописца последних лет его жизни.

С возрастом усиливается физическое ощущение убыстряющегося бега времени: на склоне лет мироощущение побуждает автора к созданию мифопоэтического образа бегущей Белой лошади [Неклюдов 1992: 247] в многозначной ярусной композиции квадрата полотна. Статична в своей устойчивости форма черного космического пространства, рождающего точеный абрис грациозно выступающего животного. С ним связаны характерная для кочевого уклада жизни мобильность и изобразительная символика духовной культуры, обозначающая благородство помыслов, преданность и веру. Хаос космической бездны, порождающей время и пространство бытия человека, художник-демиург упорядочивает, уподобляясь предкам, в систему мироздания знаковыми фигурами традиционного восточного и калмыцкого календаря. В этом произведении автору с гениальной простотой удалось совместить пространство традиционной культуры с народным ощущением

времени. Белая лошадь — смысловой центр живописной композиции, созданной в год празднования 550-летия Джангариады.

Гиперболизированный и метафорический язык калмыцкого фольклора трансформирует «время-пространство» в мифологической условности единого целого, фантастически совмещая их в хронотопе. Отображая фольклорные средствами живописи, автор использует всеобъемлющий композиционный прием пластично «растягиваемой» по вертикали плоскости изображения в органичной взаимосвязи с эпическим повествованием. Традиционное мироощущение калмыков, обусловленное динамикой кочевой жизни, сформировало особый взгляд на Время и Пространство, неразделимые в двуединстве бытия. В этом специфика восприятия и, соответственно, изображения пространства в ярусной, беспредельно расширяющей линию горизонта плоскостной композиции, которая всеобъемно отвечает безграничной пространственно-временной характеристике эпического повествования.

Открытие символики традиционной культуры мы делаем вместе с художником, осмысляя зримый бег времени из-под копыт животного, символизирующего кочевое бытие народа. А впереди бежит резвый жеребенок, выбрасывающий вперед неокрепшие ноги и знаменующий собой начало года. За ними в космическую бездну уходят по нисходящей спирали змея и дракон, символические образы предыдущих лет. Художник мыслит и говорит с нами языком предков, выстроивших целостную систему исчисления Времени в космическом Пространстве. Вот он, Хронотоп мифопоэтического сознания, самобытно оживающего в живописи.

Красив в сложной тональной разработке черный фон композиции, важный для понимания традиционной культуры, не противопоставлявшей, а философски сопрягавшей цветовые оппозиции бытия в мироощущении кочевника. Черный и белый — родительские цвета в воспроизведении картины мира [Митиров 1981: 97]. Из черной бездны вырастают мировое Древо и Гора мироздания, несущая на белой вершине красный диск солнца. Центр сложной композиции, содержащей в верхнем ярусе изобразительный ряд, прочитывается как культурная идеограмма народа. В верхнем ярусе — хорошо знакомые каждому калмыку эпические образы могучего Джангара-богдо на престоле, красавицы-ханши Ага Шавдал,

мудреца Алтан Цеджи, храбреца Хонгора Алого Льва и дружины богатырей. В символике бумбулвы, ханской ставки, взаимосвязаны созданный тонким рисунком родовой бунчук со знаменем у юрты, буддийский храм и цветок белого лотоса. Тут же неподалеку — треножник очага, восходящего к древнему культу родового огня, связанного с Солнцем.

Посвященный прочитывает композицию как величественное благопожелание автора своему народу. Художник создает свой йорял в живописи, черпая из сокровищницы культурного наследия: золотом изящной каллиграфии ясного письма «тодо бичиг». В переводе со старокалмыцкого авторская надпись воспринимается как заветное послание мастера потомкам. Кратко оно выражено в названии символической композиции — «Жаңһрин жиндмн» (калм. «Сокровище Джангара»), аккумулировавшем в себе концепцию Времени и Пространства, характерную для традиционной культуры народа.

Мысль о гармонии Вселенной обретает здесь мощь космического выражения. Художником счастливо найден синтез пространственно-временной символики великого эпоса. Мифическая модель Времени в произведении «Жаңһрин жиндмн», выросшая из вертикальной дихотомии «начальное/эмпирическое время» в «Матери — земле родной», дополняется другой, образуя циклическую модель Времени, реализуемую в ритуальных повторениях событий, календарных обрядов, символов народного календаря. Понятие «расщепленного мира» связано с «подлинно квантовым подходом ко времени в народной традиции» [Арутюнов 2001: 11]. Семантика периодически повторяющихся календарных единиц обусловлена спиралеобразной концепцией времени.

Изобразительное повествование выстроено в архетипической структуре древних космогонических представлений [Аверинцев 1992], осененных знаком бессмертной Джангариады. Целостно, во взаимобусловленном единстве композиции возводит мироздание традиционной культуры художник-творец. Эпическое наследие народа обрело новую жизнь в живописной картине мира Г. О. Рокчинского, емкой по охвату и выражению культурного своеобразия.

Фольклорная тема «Жаңһрин жиндмн» была продолжена в строгой чистоте графич-

ческого формовыражения созданного художником проекта Государственного флага Республики Калмыкия — Хальмг Таңһч. Основной фон флага — желтый, а этот цвет означает у монгольских народов веру, святость и богатство, на нем выделяется красный диск Солнца, к которому символически восходит «улан зала» (калм. «красная кисть»), выражающий самоназвание народа — «улан залата хальмгуд». Изящно выписан на алом круге солнечного диска — «улан зала» белый силуэт бегущей лошади как имеющий буддийские истоки символ Учителя и бескорыстия помыслов человека. В сознании калмыка лошадь — неизменный и верный спутник на войне и в мирной жизни, своеобразный оберег-пожелание благоденствия «мөрн-эрднь». Сокровенный смысл композиции: «Да будет благословен народ, в чистоте помыслов и деяний стремящийся к благоденствию!»

Лаконично выразительна изобразительная символика в строгой собранности формы и цвета национального флага по сравнению со щедрой живописной интерпретацией темы в полотнах «Джангарчи Ээлян Овла» и «Жаңһрин жиндмн». Графический образ воспринимается как своеобразный знак калмыцкой традиции, восходящей к иератике древней квадратной письменности и орнаментальной культуре монгольских народов; «священные письмена» знамени органично дополняются в композиции надписями на санскрите, тибетском и старокалмыцком языках.

Развитие традиционной культуры во многом обусловлено сохранением архетипа сознания — инвариантной структуры, рожденной в мифологическом и воспроизводимой в переходном периодах, а затем и в современной культуре. Архетипические метаморфозы современности определяют как эпоху воссоздания мифологического сознания в искусстве постмифологической культуры [Щедрина 1987]. Художник в переосмыслении исторических и социальных изменений интуитивно нащупывает архаические коды мифологического сознания и творит новую мифологическую реальность [Григорьев 1987: 90, 99–103]. Творческое сознание автора, рождающее художественный образ, проецирует традиционное начало мировосприятия в этническую выразительность сюжета.

Главная тема искусства Г. Рокчинского объемлет и другие его произведения. Та-

ков, например, обобщенный образ эпического героя в картине «Баатр»: всадник в полном боевом вооружении дан в сложном развороте — он стреляет на скаку. Фигуры привставшего в стременах воина и его коня полны неукротимой динамики и напряжения. Вверху, как символ благородных помыслов богатыря, обороняющего родную землю, — белоснежная горная гряда Алтая, одухотворяемая в фольклоре тюрко-монгольских народов. Полотно вновь представляет многозначный символ — Родины, во имя которой совершаются подвиги богатырей, воспетых в калмыцком героическом эпосе «Джангар».

В процессе сотворения новой реальности художник и эпос — взаимодополняющие начала. В этом убеждаешься, всматриваясь в произведение, возможно, главное по емкости выражения истории и культуры народа в живописном наследии Г. Рокчинского. Полотно «Эрднин экин цагт...» не случайно озаглавлено величавыми начальными строками великого эпоса: «Это было в начале времен... В стародавний век золотой Вечности начинался Рассвет...». Мифопоэтическое сознание закономерно актуализирует мифологические представления о циклической смене эпох в монументальной картине Мира, традиционным зачином-прологом обобщающей повествование «Джангариады» Г. О. Рокчинского.

Эпос для художника — символ народа, в концентрированной форме выражающий его духовное величие в стремлении к счастью и благоденствию. В анализе творчества калмыцкого художника эпос предстает как целостная система взглядов на мир, точнее, система мирозидания. Не каждому автору дано подняться до уровня эпического мировоззрения. У калмыцкого живописца Г. Рокчинского оно составляет суть творчества. Его мифопоэтическая основа закономерно ориентирована на «Время мифическое — начальное (правремя), предшествующее историческому, время первопредков и первотворения — в мифах космогонических». — Е. М. Мелетинский определяет его как «время первопричин». В мифологическом мышлении «сведение причинно-следственного процесса к материальной метаморфозе в рамках индивидуального события — к его происхождению — закономерно. Мифические прасобытия являются «кирпичиками» мифической модели мира. Изменения в историческом времени во Времени мифиче-

ском проецируются в акте творения» [Мелетинский 1992: 252–253].

Многозначна и многопланова композиция полотна «Эрднин экин цагт...», вытянутая по горизонтали. Сюжетная линия в целом реализует найденное художником ранее, в произведениях, посвященных эпосу, но трактуется здесь в сложном, многозначном пространстве Времени исторического бытия этноса. Традиционная многоярусная композиция «свертывается-раскладывается» художником в реалистической перспективе пространства, что позволяет ему найти необходимый ракурс воспроизведения отдаленного времени. Особый смысл приобретает горизонтальная растянутость переднего желто-красного плана с изображением огромной каменной черепахи, древнемонгольских городов, костей животных. Философская тема бренности бытия предвещает изображение обетованной Бумбы, возносящейся крышей храма в белоснежные вершины Алтая, прародины калмыков. Над горизонтом выплывает в облаках светозарный образ Будды. Художник мыслит категориями Пространства и Времени, в эпической традиции калмыков обозначающими этапы истории этноса. В мифопоэтической картине мира в качестве знаков неразрывного единства Пространства и Времени выступают символы, связанные с образами мифологии [Бакаева 2003: 144].

В центре вытянутой по горизонтали композиции, «бегущей» табуном к водопою слева направо, высится горный утес как центр Мира, соединяющий вершиной Небо и Землю. В картине — это многозначный символ, трактуемый художником как основа мироздания. Из облаков, напоминающих очертаниями всадников, «пролилась» благодатным дождем дружина богатырей Джангара, призванная защищать Бумбайскую державу. Просторы эпической страны заняли горизонталь ярусного пространства, прочитываемого в исторической взаимосвязи Прошлого, Настоящего и Будущего народа. Символическая повествовательность «Джангарчи» сменяется здесь философским обобщением автора: все бrenно в мире, только народу и его культуре суждена вечная жизнь.

«Эрднин экин цагт» — это сложный метафорический образ, суммировавший размышления художника об исторической судьбе народа и его культурного наследия. Рамки собственно эпической темы широко

раздвигаются, обретая живописное отображение триединого понятия «народ — история — культура» и являя редкий пример истинно эпического обобщения образа Родины, обогащенного национальным своеобразием формовыражения в изобразительном искусстве.

Творчество личности как самобытное явление художественной культуры реализуется в обращении к знаковой изобразительной системе калмыцкого народного искусства. Приобщение живописи Г. Рокчинского к культурному наследию, спонтанное, идущее из генетической народной памяти, определяет и последовательные поиски живописцем архетипа художественной формы. Органичное «стяжение исторического времени» в творческой деятельности автора сопряжено с ускоренными темпами развития изобразительного искусства Калмыкии во второй половине XX века. Обращение к плоскостной системе изображения обусловило воспроизведение художником образной памяти предков, измеряемой параметрами времени и пространства. Объяснение данного феномена можно найти в своеобразной «теории относительности», сохраняемой этническим кодом культуры в искусстве [Батырева 2004: 11].

Широк образный диапазон автора, охватывающий многообразие художественной традиции во взаимосвязях Пространства-Времени. Эпос, величайшее ее достижение, знаменует вершину духовных помыслов калмыцкого художника. Его многозначная живопись уходит корнями к древнему мифопоэтическому архетипу восприятия-отображения предков, закономерно прорастающему в целостное эпическое мировоззрение. Космические масштабы национальной картины мира, созданной художником, соизмеримы с параметрами традиционной культуры.

В осмыслении эпического наследия народа автором пройден путь обретения себя в творчестве. Тематические направления фольклорной проблематики творчества Г. О. Рокчинского взаимосвязаны и выражают закономерность эстетической эволюции художника и свершений человеческой личности. В осмыслении эпического наследия народа создатель Джангариады в живописи прошел путь обретения себя в творчестве. Сделанное А. Леруа-Гураном важное наблюдение об архетипическом стремлении моделировать большое пространство в ма-

лом [Leroi-Gourhan 1965] можно с полным правом отнести к «этническому пространству культуры», входящему в «культурное пространство» этноса [Тишков 2003: 18–

20]. Пространство и время народной культуры наполняет собою цикл Джангариады Гаря Рокчинского, народного художника России.

Литература

- Аверинцев С. С. Архетипы / Энциклопедия «Мифы народов мира». Т. 1. М., 1992. С. 112.
- Арутюнов С. А. Этнография и время / IV конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик. 20–23 сентября 2001 г. Тезисы докладов. М., 2001. С. 3–11.
- Бакаева Э. П. Пространство в культуре калмыков: некоторые константы / V конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М., 2003. С. 133.
- Батырева С. Г. Образная память предков. Живопись Г. Рокчинского во времени и пространстве калмыцкой традиционной культуры. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 104 с., ил.
- Григорьев Н. В. Соотношение мифа и искусства в культуре / Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С. 90–103.
- Кичиков А. Ш. Образная память народа как знак культуры / Живопись как знак культуры: О творческом наследии народного худож-

ника России Гарри Рокчинского. Элиста: КИГИ РАН, 2004. С. 208–210.

- Мелетинский Е. М. Время мифическое / Энциклопедия Мифы народов мира. 1992. Т. 1. С. 1705.
- Митилов А. Г. О цветовой семантике орнамента монгольских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. Элиста: КИОН, 1981. С. 95–100.
- Неклюдов С. Ю. Ойрат-калмыцкая мифология / Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1992. С. 247–248.
- Тишков В. А. Культурный смысл пространства / V конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М., 2003. С. 16–24.
- Щедрина Г. К. Искусство как этнокультурное явление / Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С. 41–47.
- Leroi-Gourhan A. *Legesteetlaparole*. V. 2 *La memoire et les rythmes*. Paris: Editions Albin Michel, 1965. 285 p.

References

- Averintsev S. S. [Archetypes]. In: [Encyclopedia "Myths of the Peoples of the World"]. Vol. 1. Moscow, 1992. P. 112. (In Russ.)
- Arutyunov S. A. [Ethnography and Time]. In: [IV Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists]. Conf. proc. (Nalchik; September 20–23, 2001). Moscow, 2001. Pp. 3–11. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. [Space in Kalmyk Culture: some Constants]. In: [V Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Conf. proc. (Omsk; June 9–12, 2003). Moscow, 2003. P. 133. (In Russ.)
- Batyreva S. G. [Figurative Memory of Ancestors. Painting by G. Rokchinsky in Time and Space of Kalmyk Traditional Culture]. Elista: Dzhangar, 2004. 104 p., ill. (In Russ.)
- Grigoriev N. V. [Ratio of Myth and Art in Culture]. In: [Art in the System of Culture]. Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 90–103. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. [Figurative Memory of a Nation as a Sign of Culture]. In: [Painting as a Sign of Culture: On the Creative Heritage of the People's Artist of Russia Garry Rokchinsky]. Elista: Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS, 2004. Pp. 208–210. (In Russ.)
- Leroi-Gourhan A. [Gestures and Words]. Vol. 2: [Memory and Rhythms]. Paris: Albin Michel, 1965. 285 p. (In French)
- Meletinsky E. M. [Mythical Time]. In: [Encyclopedia of Myths of the Peoples of the World]. 1992. Vol. 1. Pp. 1705. (In Russ.)
- Mitirov A. G. [Concerning Color Semantics of Ornament of the Mongolian Nations]. In: [Ethnography and Folklore of the Mongolian Nations]. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences, 1981. Pp. 95–100. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. [Oirat-Kalmyk Mythology]. In: [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow, 1992. Pp. 247–248. (In Russ.)
- Tishkov V. A. [Cultural Sense of Space]. In: [V Congress of Ethnographers and Anthropologists of Russia]. Conf. proc. (Omsk; June 9–12, 2003). Moscow, 2003. Pp. 16–24. (In Russ.)
- Shchedrina G. K. [Art as Ethnocultural Phenomenon]. In: [Art in Culture System]. Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 41–47. (In Russ.)

УДК 53
ББК 74. 262. 22

СТАНОВЛЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ ПАРАДИГМЫ В ОБУЧЕНИИ ФИЗИКЕ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ УКРАИНЫ: ОПЫТ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Н. В. Головки

Тенденции развития современного образовательного пространства предусматривают качественное изменение приоритетных целей и задач, которые решает современная общеобразовательная школа. Для системы школьного физического образования Украины так же, как и для образовательных систем других государств, актуальными являются поиски механизмов усовершенствования учебного процесса по физике, согласно новым требованиям, которые выдвигаются обществом. Дидактические системы, ориентированные на обеспечение выпускника общеобразовательной школы определенной суммой знаний, умений и навыков, не могут обеспечить формирование надлежащего уровня овладения учеником способами практической деятельности, которые определяют успешную социализацию молодого человека, достижение целей дальнейшей учебно-познавательной и профессиональной деятельности. Одним из условий развития профессиональной мобильности и навыков творческой практической деятельности являются сформированные в средней школе компетенции, которые отражают государственные требования к общему образованию. Действенным механизмом согласования общественных и личностных интересов в процессе обучения может стать компетентностная парадигма развития школьного образования по предмету физика. Ее становление и реализация в образовательной системе Украины соотносится с основными этапами развития общеобразовательной школы, дидактики физики как педагогической науки и представляет научный интерес в качестве предмета историко-дидактического исследования.

Актуальность обозначенной проблемы подкрепляется большим значением, уделяемым ее решению в научных исследованиях

отечественных и зарубежных ученых. Особый интерес представляют разработки по вопросам реализации компетентностного подхода в обучении физике ведущих методистов Беларуси, Молдовы, России, Украины. Образовательные системы этих стран, выделившиеся из общесоюзной образовательной отрасли в начале 1990-х гг., с одной стороны, имеют много общих направлений развития и реализуют общеевропейские модели среднего образования. С другой стороны, в них имеются отличительные особенности, представляющие возможность более объективно оценивать результативность образовательных процессов.

Работы современных исследователей дидактики физики освещают, в частности, вопросы реализации компетентностного подхода в процессе стандартизации содержания обучения, разработки и внедрения стандартов школьного физического образования [Общая методология 2004; Головки 2012], развития образовательных компетенций в контексте модернизации currículo по физике [Физика. Астрономия 2010], построения методических систем формирования предметных компетенций в процессе обучения физике учеников средней школы [Благодаренко 2011].

Результаты теоретических исследований компетентностного обучения физике, его практическая реализация в нормативных документах, регламентирующих структуру и содержание школьного курса физики, актуализируют целесообразность изучения поставленной проблемы как с точки зрения обобщения опыта отечественной общеобразовательной школы и выявления особенностей, характерных для различных образовательных систем, так и с целью поиска путей дальнейшего усовершенствования теории и практики обучения физике.

Данная статья ставит целью проанализировать историко-дидактические особенности становления компетентного подхода в обучении физике учеников средней общеобразовательной школы Украины, обосновать источники и факторы развития этого процесса, его соответствие современным тенденциям трансформации системы школьного физического образования.

Предпосылки реализации компетентного обучения физике возникли во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. и были обусловлены поисками механизмов усовершенствования школьного физического образования, согласно новым социокультурным требованиям, ставившимся обществом. В этот период развития советской школы основными задачами изучения физики в школе было определено развитие познавательных способностей, творческой активности учащихся, формирование общих теоретических и практических навыков умственного и физического труда. Поскольку концептуальные подходы к формированию содержания школьного курса физики не были изменены, ведущая роль в обеспечении достижения этих целей отводилась учебникам физики, которые через методический аппарат должны были выполнять функцию управления учебно-познавательной деятельностью [О конкурсе... 1986]. Вместе с тем решение этих вопросов средствами усовершенствованных методических систем не было достигнуто.

Теоретические основы реформы школьного физического образования на принципах личностно ориентированного и компетентного обучения были заложены в работах ученых, которые касались проблем дифференциации основного принципа построения профильной школы, укрупнения дидактических единиц и необходимого инструмента определения содержательного минимума школьного курса физики и стандартизации [Эрдниев 1996].

Объективные условия для постановки проблемы внедрения компетентного подхода в школьную практику на государственном уровне сформировались с выделением образовательных систем стран постсоветского пространства. Вариативность выбора моделей образования давала возможность поиска новых путей развития образовательной отрасли. Этот процесс усиливался происходившей в 1990-е гг. широкомасштабной трансформацией системы

образования развитых стран в условиях глобализации.

Новая образовательная стратегия делает акцент на развивающей школе, которая обеспечивает условия для развития способности и устойчивой потребности в образовании, личностно и практически ориентированном обучении, результатом которого является формирование жизненно важных компетенций.

Развитие в теории и практике обучения физике в украинской общеобразовательной школе идеи компетентностной направленности учебного процесса как педагогической парадигмы тесно связано с разработкой принципов конструирования обязательного минимума содержания физического образования, гарантированного государством. Таким гарантом является нормативный документ, определяющий государственные требования к образованности ученика. Ведущей тенденцией трансформации системы обучения физике в общеобразовательной школе становится стандартизация. В середине 1990-х гг. выделяются два важных ее направления: ориентирование на стандарт школьного физического образования, определяющий требования к уровню общеобразовательной подготовки учеников и выпускников основной и старшей школы по физике, а также школьный курс физики, ориентированный на общие и ключевые педагогические цели.

Реализация первого направления проводилась в образовательных системах Беларуси, России, Украины, что и определило общность концептуальных подходов, ориентированных, особенно на начальном этапе, на стандартизацию содержания школьного физического образования [Образовательный стандарт; 2004a]. Молдова, как и ряд европейских стран, в 1996 г. начала переход от традиционных аналитических программ к подготовке школьного курса физики (учебного плана, программ, ориентированных на образовательные цели).

Процесс создания стандартов школьного образования по физике оказался, как и предполагалось, длительным. Он требовал концентрации и координации усилий научно-педагогической общественности. Активное участие в научном обосновании и выработке механизмов конструирования стандарта принимали известные украинские дидакты А. И. Бугаев, С. У. Гончаренко, Е. В. Коршак, А. И. Ляшенко, М. Т. Мартынюк, Н. И. Шут и др.

Неотъемлемой частью процесса стандартизации явилась разработка концепции школьного физического образования, учебных программ переходного периода. Дифференцированные учебные программы для средней общеобразовательной школы, принятые в 1996 г., стали важным шагом к созданию стандарта образовательной области «Естествознание» и реализации компетентностного подхода в обучении физике. В этих программах реализованы глубокая дифференциация и уровневый подход в организации обучения физике. Они не только содержат перечень элементов учебного материала, но и последовательно решают задачи изучения, определяющие уровневые требования к учебным достижениям учеников.

Первым нормативным документом, который ввел в понятийное поле отечественной дидактики физики дефиницию «компетенция», стало Положение «О внедрении 12-балльной шкалы оценивания учебных достижений учеников в системе общего среднего образования», разработанное Министерством образования и науки совместно с Академией педагогических наук Украины и внедренное в сентябре 2000 г. На основе компетентностного подхода были разработаны критерии определения четырех уровней учебных достижений: начального, среднего, достаточного, высокого. Достаточно четко был определен состав учебных достижений учеников общеобразовательной школы по физике как составных учебных компетенций. Разработанная система требований была положена в основу учебных программ по физике для общеобразовательных учебных заведений (2001 г.) и развита в программах для старшей школы (2004 г.).

Таким образом, в начале 2000-х гг. в системе школьного физического образования складываются объективные предпосылки для целенаправленной реализации компетентностного обучения. Однако при достаточно детально разработанной системе требований к уровням усвоения учебного материала нерешенной оставалась проблема определения содержательного минимума по предмету физика, образования, ориентированного на формирование компетенций.

Более чем десятилетние исследования проблемы стандартизации завершились утверждением в 2004 г. Государственного стандарта базового и полного общего среднего образования, который определил как

общие требования к образованности учеников и выпускников основной и старшей школы, так и основные содержательные линии, базовые требования к овладению содержанием образовательной области «Естествознание», компонентом которой является школьный курс физики.

В стандарте закладывалась идея реализации компетентностного подхода в образовании через его содержание, ориентированное на создание условий для формирования социальной, коммуникативной, компьютерной и других видов компетентности учеников.

Стандарт физического образования Украины первого поколения, так же как и первые проекты образовательного стандарта России, явился важным шагом в реализации компетентностного подхода. Их анализ дает возможность сделать вывод об общности концептуальных подходов построения содержания школьного физического образования. В стандартах четко определены подходы к требованиям относительно усвоения содержания, рационального соотношения объема требований и минимума содержания. Заложены механизмы проверяемости уровня их достижения. Требования систематизированы в соответствии с усложняющимися видами деятельности. В образовательном стандарте Российской Федерации они объединены в три рубрики: «Знать/понимать», «Уметь», «Применять полученные знания и умения» [Образовательный стандарт 2004; 2004а]. В стандарте образования Украины использованы рубрики «Представления», «Знания», «Умения» [Державний стандарт 2011]. Первые варианты стандартов достаточно полно отражали накопленный опыт нормирования содержания физического образования и намечали основные пути его дальнейшего развития.

Реализация стандартов физического образования в контексте компетентностного подхода актуализировала ряд проблем, от решения которых зависит достижение целей обучения физике учеников общеобразовательной школы. Требования включали три основных компонента: набор осваиваемых компонентов содержания обучения, уровень их усвоения, качественные характеристики их усвоения. Они содержали достаточно развернутую характеристику минимального и достаточного для достижения образовательных целей уровня подготовки учащихся по физике. В стандартах тщатель-

но разработаны особенности нормирования такой важной стороны содержания обучения физике, как формирование знаний и умений. Вместе с тем не были заложены механизмы нормирования развития и воспитания как важнейших функций учебно-воспитательного процесса. Достаточно сложно оказалось выразить содержательные линии стандарта в предметно-деятельностной форме.

Компетентностный подход был представлен недостаточно полно. Если в предметах образовательной отрасли «Язык и литература» он реализован путем выделения соответствующих компетенций, в частности, коммуникативной и литературной, то в физике, как и других предметах образовательной отрасли «Естествознание» — путем введения требований, ориентированных на применение полученных знаний и умений в практической деятельности и повседневной жизни. Общеучебные умения и обобщенные способы деятельности как основа формирования компетентности ученика общеобразовательной школы были представлены безотносительно к содержанию учебных предметов. В требования по физике включены общеучебные умения, формирование которых должно осуществляться в предметном содержании школьного курса физики. Также оставались без четкого определения понятия компетентности, общей и ключевых, предметной компетенции по физике. Закрепленный в стандарте ориентир на формирование компетентности выпускника общеобразовательной школы не имел четкого механизма реализации в процессе обучения физике.

Эти противоречия должна была устранить учебная программа по физике, которая должна была конкретизировать механизмы достижения учебных целей. В программе 2005–2006 учебного года усиление компетентностного подхода реализовано через конкретизацию требований к уровню овладения содержанием школьного курса физики в соответствии с усложняющимися видами деятельности. Они представлены в категориях «Знать/понимать», «Уметь», «Применять полученные знания и умения».

Следующим шагом в контексте решения обозначенной проблемы явилась разработка и внедрение стандартов школьного физического образования второго поколения. В российской дидактике компетентность определяется как готовность (способность)

ученика использовать усвоенные знания, учебные умения, навыки и способы деятельности в жизни для решения практических и теоретических задач. Разработан перечень ключевых образовательных компетенций на основе главных целей общего образования, структурного представления опыта личности, основных видов деятельности ученика, которые позволяют ему овладеть социальным опытом, получать навыки практической деятельности. Он включает ценностно-смысловую, общекультурную, учебно-познавательную, информационную, социально-трудовую, личностную (самосовершенствование) компетенции [Денищева, Глазков 2008: 19].

Выделены предметные компетенции, включающие специфические способности, необходимые для выполнения действий в конкретной предметной области. Предметная компетенция по физике рассматривается в контексте формирования в процессе обучения физике умений и навыков, необходимых для решения практических задач, с которыми ученики сталкиваются в повседневной жизни.

Важной особенностью новой редакции Государственного стандарта базового и полного общего среднего образования Украины (утвержден в 2011 г.) стало определение личностно ориентированного, компетентностного и деятельностного подходов как основных принципов общего среднего образования, необходимость их реализации в образовательных областях и отображение в результативных составных содержания образования.

Компетентностный подход рассматривается как нацеленность учебно-воспитательного процесса на достижение результатов, которыми являются иерархически подчиненные ключевая, общепредметная и предметная (отраслевая) компетентности.

Ключевая компетентность — это специально структурированный комплекс характеристик (качеств) личности, который дает ей возможность эффективно действовать в разных сферах и принадлежит к общеотраслевому содержанию образовательных стандартов. Ключевая компетенция определяет уровень знаний, умений, навыков, отношений, которые можно использовать в сфере деятельности человека. Компетентность рассматривается как приобретенная в процессе обучения интегрированная способность ученика, которая состоит из знаний,

умений, опыта, ценностей, и отношений, которые могут целостно реализовываться на практике. Компетентность отображает общественно признанный уровень знаний, умений, навыков в определенной области деятельности человека.

Предметная (отраслевая) компетентность определена как приобретенный учениками в процессе обучения опыт специфической деятельности, связанной с усвоением, пониманием и использованием новых знаний. Предметная компетентность рассматривается как совокупность знаний, умений и характерных особенностей в рамках содержания конкретного предмета, необходимых для выполнения учениками определенных действий с целью решения учебных проблем, задач, ситуаций [Державний стандарт 2011].

В отечественном образовательном стандарте научная компетентность, с учетом важного значения, которое отводится образовательной отрасли «Естествознание», трансформирована в естественнонаучную. Стандарт определяет основной целью этой образовательной отрасли формирование естественнонаучной компетентности как базовой и соответствующих предметных компетентностей как обязательных составляющих общей культуры личности и развития ее творческого потенциала.

В стандарте не выделена предметная компетентность по физике. Она является компонентом естественнонаучной компетентности ученика общеобразовательной школы. Стандарт физического образования не конкретизирует содержательную часть соответствующей предметной компетентности. Поскольку предметная компетентность по физике еще полностью не определена и дидактические исследования в этом направлении продолжаются, то в теории и практике обучения физике основное внимание обращено на формирование естественнонаучной компетентности.

Реформирование содержания обучения физике является важнейшим условием трансформации системы школьного физического образования. Стандартизация содержания отражает европейские тенденции развития современного образования. Вместе с тем, отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что в большинстве образовательных систем, в частности, европейских стран, стандарты на сегодня не являются определяющими системоо-

бразующими факторами организации образовательного процесса. Роль стандартов сводится к установлению уровня, которого должны достигать ученики общеобразовательной школы. Более важное значение имеют механизмы обеспечения его достижения, которые реализуются через систему требований, критериев, ориентиров.

Эти механизмы отражаются в нормативных и учебных материалах. Во многих европейских странах стандарты физического образования являются элементом целостного курикулума, который одновременно является учебным планом, программой и рекомендациями учителю по их выполнению [Общая методология 2005: 12–15].

На постсоветском образовательном пространстве курикулярная реформа школьного физического образования довольно успешно реализована в Республике Молдова. С середины 1990-х гг. (в этот период аналогичные образовательные процессы отмечались, в частности, в России и Украине) Молдова начала переход от традиционных аналитических учебных программ к школьному курикулуму, ориентированному на общие и ключевые общеобразовательные цели. Их формирование обеспечивалось дидактическим процессом, ориентированным на формирование знаний, способностей и поведенческих моделей [Физика. Астрономия 2010: 5].

Такой подход, при котором нормируются цели школьного физического образования, выраженные в общих и предметных компетентностях, имеет значительные возможности относительно реализации компетентностно-ориентированного обучения физике в средней общеобразовательной школе.

Таким образом, исторически сложившиеся особенности построения и функционирования среднего общего образования в Украине, как и других странах на постсоветском образовательном пространстве, обуславливают целесообразность использования стандартов школьного физического образования в качестве основного нормообразующего документа, определяющего направленность учебного процесса по физике. Вместе с тем, доминирующая роль стандарта в нормировании содержания обучения физике наблюдается и в новой учебной программе базового курса физики для 7-х–9-х классов общеобразовательной школы, утвержденной в 2012 г. Исходным является

положение стандарта, которое определяет учебную программу как нормативный документ, конкретизирующий для каждого класса результаты обучения, соответственно той или иной образовательной отрасли, детализирует содержание, рекомендации, соответственно определению и оцениванию результатов обучения [Державний стандарт 2011].

Общеобразовательные цели обучения физике, конкретизированные в учебной программе по физике, ориентированы на формирование предметной компетентности ученика на базе физических знаний, научного мировоззрения и соответствующего стиля мышления, развития экспериментальных умений и исследовательских навыков, творческих способностей и креативного мышления.

Составляющими предметной компетентности по физике выделены умение объяснять физические явления и процессы, овладение методами научного познания, использование полученных знаний в повседневной практической деятельности, понимание основ современного производства, техники и технологий. При этом единственным механизмом реализации компетентностного подхода рассматривается стандартизация содержания обучения физике, его ориентация на овладение учеником научными фактами и фундаментальными идеями, осознание им сущности физических понятий и законов, принципов и теорий.

В школьной практике достижение целей компетентностного обучения физике не удовлетворяется в полном объеме механизмами нормирования содержания и требований к уровням его усвоения. Поэтому в новой учебной программе по физике одним из

эффективных средств формирования предметной и ключевой компетентности учеников в процессе обучения физике предложены учебные проекты.

Этот принципиально новый вид учебно-познавательной деятельности, новая форма школьной работы по физике определяется, по сути, стремлением расширить влияние учебной программы как основного документа, конкретизирующего требования стандарта физического образования, вывести из содержательных аспектов на процессы развития и воспитания в процессе обучения физике как обязательное условие формирования компетентности выпускника общеобразовательной школы.

В условиях преобладания подходов стандартизации содержания как определяющего фактора организации учебного процесса по физике внедрение компетентностного подхода сопряжено со значительными трудностями. Их преодоление рассматривается в плоскости реформирования содержания обучения физике с акцентом на преодоление предметной изолированности, что позволит обеспечить формирование межпредметных компетентностей как основы ключевых компетентностей.

Значительный положительный результат дает разработка и внедрение в учебный процесс по физике методов проектного обучения, которые используют дидактические элементы, значимые для конкретного ученика, с одной стороны, и ориентированные на цели, выдвигаемые обществом, — с другой, а также учитывают индивидуальные особенности учеников и обеспечивают формирование познавательных навыков и ценностей как компонент ключевых компетентностей.

Литература

- Благодаренко Л. Ю. Теоретико-методичні засади навчання фізики в основній школі. Киев: НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011. 427 с.
- Головко М. В. Дидактические основы построения государственного стандарта общего среднего образования // Особистість в єдиному освітньому просторі. Збірник наукових тез. Т. 1 / наук. редактори В. В. Пашков, В. В. Савін, А. І. Павленко. Запоріжжя: ТОВ «Фінвей», 2012. С. 123–128.
- Денищева Л. О., Глазков Ю. А., Краснянская К. А. Проверка компетентности выпускников средней школы при оценке образовательных достижений по математике // Математика в школе. 2008. № 6. С. 19–30.
- Державний стандарт базової і повної загальної середньої освіти. Киев, 2011. [электронный ресурс] // URL: <http://www.guonkh.gov.ua/content/documents/22/2144/Attaches/Derzh standart.doc>.
- Образовательный стандарт основного общего образования по физике. М., 2004. [электронный ресурс] // URL: http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp?ob_no=14392.
- Образовательный стандарт среднего (полного) общего образования по естествознанию М., 2004а. [электронный ресурс] // URL: http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp?ob_no=14427.

Общая методология, концептуальные основы, функции и структура государственных образовательных стандартов второго поколения : Сб. научных трудов / Л. Н. Боголюбов, А. А. Журин, Т. В. Иванова, М. В. Рыжаков, И. А. Сасова; Под ред. М. В. Рыжакова. М.: ГНУ ИСМО РАО, 2005. 128 с.

О конкурсе на создание школьных учебников // Учительская газета. 1986. № 14. С. 4.

Физика. Астрономия. Методический гид лице-ев с русским языком обучения / И. Боттрос, В. Боканча, В. Чувага [и др.]; ред.: Е. Боканча. Киев: Cartier, 2010 (Ф.Е.-Р. «Tipogr. Centr.»). 112 p.

Эрдниев П. М. Обучение математике в школе: укрупнение дидактических единиц: Книга для учителя / П. М. Эрдниев, Б. П. Эрдниев. М.: «Столетие», 1996. 320 с.

References

Blagodarenko L. Yu. [Theoretical and Methodological Principles of Teaching Physics in Primary School]. Kiev: National Pedagog. University, 2011. 427 p. (In Ukr.)

[Concerning the Contest for the Creation of School Textbooks]. *Uchitelskaya gazeta*. 1986. No. 14. P. 4. (In Russ.)

Denishcheva L. O., Glazkov Yu. A., Krasnyanskaya K. A. [Testing the Competence of Secondary School Graduates in the Evaluation of Educational Achievements in Mathematics]. *Mathematics at School*. 2008. No. 6. Pp. 19–30. (In Russ.)

[Educational Standard of Basic General Education in Physics]. Moscow, 2004. An Internet resource: http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp?ob_no=14392. (In Russ.)

[Educational Standard of Secondary (Full) General Education in Natural Science]. Moscow, 2004a. An Internet resource: http://www.school.edu.ru/dok_edu.asp?ob_no=14427. (In Russ.)

Erdniev P. M. [Teaching Mathematics at School:

the Enlargement of Didactic Units]. Moscow: Stoletie, 1996. 320 p. (In Russ.)

[General Methodology, Conceptual Bases, Functions and Structure of Second Generation State Educational Standards]. M. V. Ryzhakov (ed.). Moscow: Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, 2005. 128 p. (In Russ.)

Golovko M. V. [Didactic Basis for the Construction of the State Standard of General Secondary Education]. In: [Personality in a Single Educational Space]. Vol. 1. V. V. Pashkov, V. V. Savin, A. I. Pavlenko (ed.). Zaporizhzhia: Finvey, 2012. Pp. 123–128. (In Russ.)

[Physics. Astronomy. Methodical Guide for the Lyceums with the Russian Language of Education]. E. Bokancha (ed.). Kiev: Cartier, 2010. 112 p. (In Russ.)

[State Standard of Primary and Secondary Education]. Kiev, 2011. An Internet resource: <http://www.guonkh.gov.ua/content/documents/22/2144/Attaches/Derzh.standart.doc>. (In Ukr.)

УДК 347.167.2.
ББК 67.400.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ*

Е. А. Гунаев

В ряду индивидуальных и коллективных прав отдельную группу образуют права, связанные с сохранением права на этническую идентичность (право на самобытность, сохранение этнической культуры, языка, традиций). Данные права особенно важны в период глобализации, когда происходит стандартизация, унификация культурного пространства, что актуализирует вопросы сохранения различных этнических культур. Первичным уровнем права на этническую идентичность выступает этническая идентификация (определение национальной, этнокультурной принадлежности). Рассмотрим правовые аспекты этнической идентификации как в России в целом, так и в республиках – субъектах РФ.

Термин «этническая идентификация» как процесс осознания индивидом своей принадлежности к этнической группе применяется в этнологии, социологии, психологии, однако в юридической области знания представлены такие понятия, как «право определять и указывать свою национальную принадлежность», «право национальной принадлежности» в ряду иных национально-культурных и национальных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина (запрет пропаганды национального превосходства или национальной неполноценности, а также дискриминации по национальному признаку, право на доступ к культурным ценностям и др.). Данные права относятся исследователями к третьему поколению прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, которые формировались со второй половины XX в. параллельно с процессом создания системы международных стандартов в области правового положения личности и дальнейше-

го развития уже существующих категорий прав, свобод и обязанностей [Конституционное 2007: 140]. В связи с необходимостью сохранения этнических культур, особенно малочисленных этнических общностей, реализация указанных прав приобретает все большее значение.

В ряде международно-правовых актов (Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г., Африканской хартии прав человека и народов 1982 г., Декларация о хартии народов и регионов (Брновская программа) 2003 г. и др.) сформулировано право на самобытность, которое положено в основу защиты коренных народов [Подробнее: Напсо 2009; 2011]. М. Б. Напсо, отмечая сходство права коренных народов на самобытность и права на этническую (национальную) идентичность, выдвигает идею о признании права на этническую (национальную) идентичность как правового механизма по защите этнонациональных интересов, основу которых «составляет стремление сохранить себя как этническую группу, обладающую специфической культурой, и воспроизводить себя как отдельную социальную общность» [Напсо 2011: 20–21].

Согласно М. Б. Напсо, социальными условиями, обеспечивающими реализацию этнонациональных интересов, следует считать как соответствующее право человека (право на этническую идентификацию), так и право народа на этническую идентичность и иные права народов. Реализация индивидуальных культурных прав не позволяет сохранить уникальность самой культуры. Для этого, отмечает М. Б. Напсо, необходима защита самих этнических групп как носителей самобытных культур, что требует соответствующих прав народов. Только это, счита-

* Статья выполнена в рамках проекта «Этнокультурная политика в мультиэтничном регионе: конструирование этничности» Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

ет М. Б. Напсо, «обеспечит реальное многообразие стилей жизни и придаст истинный смысл свободе выбора индивида в вопросе самоидентификации» [Напсо 2011: 21].

Разделяя позицию М. Б. Напсо, полагаем, что основой права на идентичность выступает право на этническую идентификацию, которое реализуется в двух формах: индивидуальной (самоидентификация) и коллективной (право идентифицировать себя как определенное этническое сообщество). Этническая самоидентификация в конституциях «обычно сформулирована как право человека на сохранение своей национальной принадлежности, недопустимость принуждения к определению и указанию национальной принадлежности (или право свободно определять свою национальность, недопустимость оказания какого-либо давления на эти решения и любого давления, направленного на лишение национальности)» [Напсо 2011: 22].

Впервые свобода этнической самоидентификации как правовая норма появилась в России в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. В статье 16 Декларации провозглашалось: «Каждый вправе свободно определять свою национальную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности» [Постановление 1991]. Непосредственно в тексте Конституции РФ 1978 г. данная норма устанавливается при внесении изменений в апреле 1992 г. (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ 1978 г. в ред. 21.04.1992 г.) [Закон 1992]. При данной реформе раздел II Конституции «Государство и личность» сохранил лишь свое название, содержание же его было полностью заменено. Глава 5 «Права и свободы человека и гражданина» имела в своей основе указанную Декларацию от 22 ноября 1991 г. [Авакьян 2005: 248].

В Конституции РФ 1993 г. названная норма закреплена в части 1 статьи 26: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» [Конституция 1993]. В результате определение национальной принадлежности осуществляется на основании этнической самоидентификации, т.е. с учетом субъективного фактора, самоопределения человека в решении этого вопроса [Кон-

ституция 2003: 248]. Необходимо отметить, что понятие «национальная (этническая) принадлежность» различается, например, в США, Европе и России. В целом в странах Запада термин «nationality» означает гражданство, собственно этническая принадлежность (национальность) определяется как «ethnicity» [Соколовский-А]. В США при определении этнической, этнокультурной принадлежности, в частности, при проведении переписи населения, опросов, используется понятие «раса». При этом Бюро переписей США особо отмечает, что «данные о расовом составе общества основываются на мнении самих граждан и носят социополитический характер. Поэтому они не могут рассматриваться как биологические или антропологические признаки (тем более что категории рас включают в себя как расовую, так и национальную самоидентификацию)» [Лебедева; см. также: Анкетирование 2010].

Т. А. Васильева отмечает, что в конвенциях Совета Европы и рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы вопросы, связанные с определением национальной принадлежности, рассматриваются в рамках защиты национальных меньшинств. Поэтому данное право трактуется более узко, чем в Конституции РФ: им наделяются лишь представители определенных этнических групп. В соответствии с Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г., которая вступила для России в силу с 1 декабря 1998 г., любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободного выбора — рассматриваться или не рассматриваться как таковое (п. 1 ст. 3). Согласно Пояснительному докладу к Рамочной конвенции, данный пункт не включает в себя право индивида произвольно выбирать свою принадлежность к национальному меньшинству, поскольку субъективный выбор индивида неразрывно связан с объективными критериями, касающимися идентичности этого лица (п. 35) [Конституция 2003: 247].

В России сохраняется традиция определения именно этнической принадлежности. Это объясняется тем, что «...сохраняются существенные этнические различия и компактное расселение целого ряда российских национальностей» [Тишков 2010]. Этническая принадлежность определяется, в частности, при проведении переписей населения, к началу которых разрабатываются

перечни национальностей и языков. «История составления списков этнических групп (народов или национальностей) имеет давнюю историю и восходит к деятельности Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС) в 1920-е гг., одной из задач которой было определить, какие группы и под каким названием проживают на территории страны. Перед переписью 1959 г. Институт этнографии АН СССР составил “Список народов СССР”, который наряду с основными (наиболее признанными) наименованиями перечислял возможные варианты ответов в ходе опроса. Эта практика сохранялась в советских переписях 1970, 1979 и 1989 гг.» [Тишков 2010].

При проведении всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. также были разработаны алфавитные перечни национальностей и языков в качестве инструментария для кодирования ответов в ходе переписи населения. Данный инструментарий разработан с участием ученых Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН). Все ответы граждан в ходе переписи были распределены согласно указанным перечням, за исключением экзотических ответов, которые были отнесены в графу «другие». Как отмечает директор ИЭА РАН В. А. Тишков, «...скрытых ассимиляционных или предпочтительных по отношению к определенным национальностям мотивов за этим переписным механизмом не существует» [Тишков 2010]. Согласно В. А. Тишкову, «...то, что делают все эти годы академическая этнология и статистические органы, все-таки более всего соответствует отечественной практике, хотя, конечно, нуждается в совершенствовании» [Тишков 2010].

Как видим, перепись населения «наиболее очевидным и легитимным способом именно «создает народ» для государства» [Тишков 2010]. Следовательно, государство вправе на основе объективных критериев определить этническую принадлежность человека с учетом принципа самоидентификации [См. также: Соколовский-В; Степанов] А. С. Пиголкин полагает, что «необходимо усовершенствовать порядок определения личностью своей национальности, имея в виду расширение права человека самостоятельно решать этот вопрос» [Комментарий 2002: 186]. С. А. Авакьян, напротив, утверждает, что такой подход не имеет перспективы. Если предлагается выбор че-

ловеком любой национальности, к которой он хочет себя причислить, это может привести к неожиданным последствиям для государства. Как отмечает С. А. Авакьян, национальная принадлежность людей в определенных ситуациях имеет правовое значение для политики России и других стран, например, в аспекте поддержки соотечественников за рубежом [Авакьян 2005: 594].

Другой аспект – отражение этнического фактора в государственном и территориальном устройстве страны. Республики, автономная область, автономные округа имеют собственные наименования, которые даны по этнониму народов, самоопределившихся в данных субъектах Российской Федерации. В 1990-е гг. ряд республик приняли двойные наименования, состоящие из прежнего и нового – национального или исторического. Например: республики Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Калмыкия – Хальмг Тангч (с 1994 г. – Республика Калмыкия).

Политико-правовые вопросы могут возникнуть, если вместо исторически принятого и устоявшегося наименования республики, совпадающего с этнонимом народа в русском языке, будет предложено изменить этноним полностью и, соответственно, наименование республики или иного «национального» субъекта РФ. Как отметил в своем Постановлении от 28 ноября 1995 г. Конституционный суд РФ, наименование субъекта Российской Федерации не должно, в том числе, игнорировать исторические и этнические традиции. В соответствии со статьей 71 Конституции РФ, наименование географических объектов относится к исключительному ведению Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом от 18 декабря 1997 г. «О наименованиях географических объектов» (ред. от 10.07.2012), к географическим объектам отнесены, среди прочих, — республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа [Гунаев 2010].

Еще одна сфера реализации права на самоидентификацию – участие граждан в деятельности национально-культурных автономий. При этом, согласно законодательству, «принадлежность лица к определенной национальности не может служить основанием для ограничения участия или неучастия тех или иных лиц в общественных объединениях граждан, относящих

себя к определенной этнической общности, зарегистрированных в качестве национально-культурной автономии (ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии»)» [Конституция 2003: 248]. Как отмечает Т. Я. Хабриева, национально-культурная автономия — это область добровольного волеизъявления граждан независимо от каких-либо документальных подтверждений национальной принадлежности. Следовательно, в уставах национально-культурных автономий не должно быть положений о том, что субъектом права на участие в деятельности указанных объединений являются граждане определенной национальности. «И хотя в основе участия лица в национально-культурной автономии лежит его добровольное желание, эта та ситуация, — считает Т. Я. Хабриева, — когда формализация может навредить» [Хабриева 2003: 52].

В России 47 этнических общностей имеют статус коренных малочисленных народов, в соответствии с Единым перечнем, утверждаемым Правительством РФ [Постановление Правительства РФ 2000]. В данный перечень включены этнические общности Севера, Сибири и Дальнего Востока, насчитывающие менее 50 тысяч человек. Также специальными Постановлениями Правительств Республики Дагестан [Постановление Госсовета Республики Дагестан 2000] и Российской Федерации [Постановление Правительства РФ 2001] установлены особенности определения коренных малочисленных народов в данном субъекте Федерации. Отдельные ученые критически оценивают количественный критерий определения коренных малочисленных народов в РФ [См. напр.: Карапетян 2001: 245–246]. Не вдаваясь в данный вопрос, отметим, что это есть еще один пример этнической идентификации этносов со стороны государства.

На законодательном уровне в Российской Федерации признано существование народов, в отношении которых в XX в. в годы сталинизма осуществлялась политика репрессий по признаку национальной принадлежности, связанная с насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований (ст. 2 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов») [Конституция 2003: 248].

В субъектах Российской Федерации, в особенности в республиках, принимаются нормативные акты, способствующие этнической самоидентификации граждан. Разработаны специальные положения о вкладыше к паспорту гражданина РФ с возможностью указания национальной принадлежности (Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Саха (Якутия), Татарстан) [См. напр.: Постановление Правительства Республики Саха (Якутия): 2000].

Одним из аспектов самоидентификации личности является право на имя [Андрианова 2011]. В отдельных республиках (Бурятия, Саха (Якутия), Татарстан, Тыва) приняты законы о праве граждан на присвоение фамилии, имени и отчества, в соответствии с национальными обычаями, при регистрации рождения ребенка [См. напр.: Закон Республики Бурятия: 1999].

Таким образом, основой права на этническую идентичность выступает право на этническую идентификацию, которое реализуется как в индивидуальной, так и в коллективной формах. В свою очередь, государство в лице органов власти в целях установления основ национальной политики, в том числе для защиты прав этнических общностей, вправе идентифицировать этническую принадлежность граждан, коллективных общностей с учетом демократического принципа свободы самоидентификации.

Источники

Закон Республики Бурятия «О праве граждан на присвоение фамилии, имени и отчества в соответствии с бурятскими национальными обычаями при регистрации рождения ребенка» от 22 июня 1999 г. № 207-II (ред. от 05.07.2004) // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Региональное законодательство».

Закон Российской Федерации «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного За-

кона) Российской Федерации» от 21 апреля 1992 г. № 2708-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 20. Ст. 1084.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ) // Росс. газета. 2009. 21 января.

Постановление Верховного Совета РСФСР «О Декларации прав и свобод человека и граж-

данина» от 22 ноября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

Постановление Госсовета Республики Дагестан «О коренных малочисленных народах Республики Дагестан» от 18 октября 2000 г. № 191 // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Региональное законодательство».

Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) «Об утверждении Положения о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности» от 10 июня 2000 г. № 319 // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Региональное законодательство».

Постановление Правительства Российской Федерации «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24 марта 2000 г. № 255 (ред. от 02.09.2010) // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Версия Проф».

Постановление Правительства Российской Федерации «О Постановлении Государственного Совета Республики Дагестан от 18 октября 2000 г. № 191» от 28 марта 2001 № 236 // СПС «Консультант Плюс». Информ. банк «Версия Проф».

Литература

Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс. В 2 т. Т. 1. М.: Юрист, 2005. 719 с.

Андрианова В. В. Национальная и культурная самоидентификация как составляющие права на индивидуальность // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 22–25.

Анкетирование населения США по месту жительства // http://www.census.gov/acs/www/Downloads_language_brochures_ACSQandA_RUS10 (дата обращения: 04.04.13)

Гунаев Е. А. Официальное наименование Республики Калмыкия: исторические и политико-правовые аспекты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 20–26.

Sources

[The Constitution of the Russian Federation. December 12, 1993 (in edition of Laws on Amendments to the Constitution of the Russian Federation. December 30, 2008, No. 6-FKZ and No. 7-FKZ)]. *Rossiskaya gazeta*. 2009. January 21. (In Russ.)

[The Decision of the Government of the Russian Federation “About the Decision of State Council of Republic Dagestan”. October 18, 2000. No. 191. March 28, 2001. No. 236. Legal Reference System “Consultant Plus”. Inform. bank “Prof version”. (In Russ.)

[The Decision of the Government of the Russian Federation “On Unified List of Indigenous Peoples of the Russian Federation”. March 24, 2000. No. 255 (ed. 02.09.2010). Legal Reference System “Consultant Plus”. Inform. bank “Prof version”. (In Russ.)

[The Decree of the Government of the Republic of Sakha (Yakutia) “On Approval of the Regulations on the insert to the passport of a citizen of the Russian Federation with information on national identity” from June 10, 2000]. No. 319. Legal Reference System “Consultant Plus”. Inform. bank “Regional legislation”. (In Russ.)

[The Law of the Republic of Buryatia “On the Right of Citizens to be Given a Surname, First Name and Patronymic in accordance with Buryat National Customs when Registering the Birth of a Child”. June 22, 1999. No. 207-II (ed. 05.07.2004)]. In: Legal Reference System “Consultant Plus”. Inform. bank “Regional legislation”. (In Russ.)

[The Law of the Russian Federation “On Changes and Amendments to the Constitution (Basic Law) of the Russian Federation”]. April 21. 1992. No. 2708-I. Bulletin of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1992. No. 20. Art. 1084. (In Russ.)

[The Resolution of the RSFSR Supreme Soviet “On Declaration of Rights and Freedoms of Man and Citizen”]. November 22, 1991. Bulletin of the Congress of People’s Deputies of the RSFSR and the RSFSR Supreme Soviet. 1991. No. 52. Art. 1865. (In Russ.)

[The Resolution of the State Council of the Republic of Dagestan “On Indigenous Peoples of the Republic of Dagestan”. October 18, 2000. No. 191]. Legal Reference System “Consultant Plus”. Inform. bank “Regional legislation”. (In Russ.)

References

Andrianova V. V. [National and Cultural Self-identification as Components of the Right to Individuality]. *Constitutional and Municipal Law*. 2011. No. 11. Pp. 22–25. (In Russ.)

Караетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. М.: Изд-во Норма, 2001. 352 с.

Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Юрист, 2002. 1007 с.

Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий. 3-е изд. / Под ред. Б. Н. Топорнина. М.: Юрист, 2003. 831 с.

Лебедева Л., Гарбузов В. США: демографический портрет на переломе веков // Человек и труд. 2002. № 2. / <http://chelt.ru/2002/9-02/lebedeva-9.html> (дата обращения: 10.04.13).

Нансо М.Б. Европейский взгляд на проблему защиты этнонациональных интересов и национальной идентичности: к вопросу о продвижении коллективных прав этнических общностей // Современное право. 2009. № 6. С. 122–126.

Нансо М.Б. Право на этническую идентичность: правовые и социально-философские аспекты признания в современных условиях // Государство и право. 2011. № 8. С. 20–25.

Соколовский-А — *Соколовский С. В.* Российская перепись по-английски? // Публикации. Валерий Тишков – личный сайт // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/publikacii4.html (дата обращения: 12.04.13).

Соколовский-В — *Соколовский С. В.* Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы // http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html (дата обращения: 12.04.13).

Степанов В. В. Закон, национальность и перепись // Публикации. Валерий Тишков – личный сайт // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/publikacii4.html (дата обращения: 12.04.13).

Тишков В. Скамейка записных. Как и почему меняется национальный состав страны // Опубликовано на Интернет-портале «Российской Газеты» 6 октября 2010 г. / <http://www.rg.ru/2010/10/06/perepis.html> (дата обращения: 08.04.13).

Хабриева Т. Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2003. 256 с.

Avakyan S. A. [Constitutional Law of Russia]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow: Yurist, 2005. 719 p. (In Russ.)

[The Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Yurist, 2002. 1007 p. (In Russ.)

[The Constitution of the Russian Federation: Scientific and Practical Commentary]. 3rd ed. B. N. Topornin (ed.). Moscow: Yurist, 2003. 831 p. (In Russ.)

Gunaev E. A. [The Official Name of the Republic of Kalmykia: Historical and Political-legal Aspects]. *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2010. No. 2. Pp. 20–26. (In Russ.)

Karapetyan L. M. [The Federal Structure of the Russian State]. Moscow: Norma, 2001. 352 p. (In Russ.)

Khabrieva T. Ya. [National Cultural Autonomy in the Russian Federation]. Moscow: Yustitsinform, 2003. 256 p. (In Russ.)

Lebedeva L., Garbuzov V. [The USA: a Demographic Portrait at the Turn of the Century]. *Man and Labor*. 2002. No. 2. An Internet resource: <http://chelt.ru/2002/9-02/lebedeva-9.html> (accessed: April 10, 2013). (In Russ.)

Napso M. B. [European View on the Problem of Protection of Ethno-national Interests and National Identity: Concerning Promotion of Collective Rights of Ethnic Communities]. *Modern Law*. 2009. No. 6. Pp. 122–126. (In Russ.)

Napso M. B. [Right to Ethnic Identity: Legal and Socio-Philosophical Aspects of Recognition in Modern Conditions]. *State and Law*. 2011. No. 8. Pp. 20–25. (In Russ.)

Questionnaire of the U.S. Population by Place of Residence]. An Internet resource: http://www.census.gov/acs/www/Downloads_language_brochures_ACSQandA_RUS10 (accessed: April 4, 2013). (In Russ.)

Sokolovskiy S. V. [Ethnic Identity in Censuses: Classification Principles and Approaches]. An Internet resource: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_028.html (accessed: April 12, 2013). (In Russ.)

Sokolovsky S. V. [Russian Census in English?]. Publications. Valery Tishkov, a personal website. An Internet resource: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/publikacii4.html (accessed: April 12, 2013). (In Russ.)

Stepanov V.V. [Law, Nationality and Census]. Publications. Valery Tishkov, a personal website. An Internet resource: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/nauchnaya_/publikacii4.html (accessed: April 12, 2013). (In Russ.)

Tishkov V. [Bench of Substitutes. How and why the National Composition of the Country Changes]. *Rossiyskaya Gazeta*. October 6, 2010. An Internet resource: <http://www.rg.ru/2010/10/06/perepis.html> (accessed: April 8, 2013). (In Russ.)

УДК 657
ББК 65.052.8

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ И В МИРЕ

А. В. Азыдова

Контроль является неотъемлемой частью деятельности хозяйствующих субъектов. Постановка внутреннего контроля является важной задачей любой организации, поскольку позволяет повысить эффективность ее деятельности в целом. В настоящее время многие организации страдают от неэффективного использования ресурсов — (материальных, трудовых, финансовых и других), от недостаточного количества информации для принятия правильных решений, от преднамеренного и непреднамеренного искажения финансовой отчетности, от незаконного присвоения активов, мошеннических действий со стороны персонала. Создание эффективной системы внутреннего контроля позволяет избежать этих и многих других проблем организации.

Создание эффективной системы внутреннего контроля необходимо начинать с разработки документов, регулирующих внутренний контроль в организации. В настоящее время существует большое количество международных и российских нормативных документов по внутреннему контролю. Однако при этом отсутствует единая методика создания документов для конкретных организаций, учитывающая отраслевые особенности их деятельности, что обуславливает необходимость создания такой методики самими предприятиями. На основе имеющегося российского и мирового опыта, а также на основе практического материала, полученного автором статьи при аудите крупных российских и международных компаний, ниже предложена методика создания документов по системе внутреннего контроля для сетевых ресторанов в рамках бизнес-циклов («Выручка», «Закупки», «Казначейство», «Заработная плата»).

Понятие внутреннего контроля. Контроль выполняет важную функцию в каж-

дом предприятии. Попробуем разобраться с понятием «контроль».

В экономической литературе контроль определяется как любые действия менеджмента, совета и других сторон, направленные на улучшение процесса управления риском и повышение вероятности достижения поставленных целей и выполнения задач. Менеджмент осуществляет планирование, организацию и руководство действиями, обеспечивающими достоверную уверенность в том, что задачи организации будут выполнены [Горемыкина, Осипенко 2007: 153]. Внутренний контроль определяется как процесс, осуществляемый Советом директоров, исполнительными органами и сотрудниками организации, направленный на получение достаточной уверенности в достижении целей организации в следующих областях: 1) эффективность хозяйственной деятельности; 2) получение надежной и своевременной информации о хозяйственной деятельности; 3) соблюдение применимого законодательства [Аудиторский словарь 2003: 68].

Определение понятия «система внутреннего контроля» содержится в отечественных и зарубежных нормативных документах, в частности, в международных стандартах аудита МСА 315 «Идентификация и оценка существенных искажений на основе знания субъекта и его среды», МСА 330 «Действия аудитора в ответ на оцененные риски».

В соответствии с МСА 315 «Идентификация и оценка существенных искажений на основе знания субъекта и его среды», система внутреннего контроля представляет собой процессы, разработанные, внедренные и осуществляемые лицами, наделенными руководящими полномочиями, и прочим персоналом, с целью обеспечения разумной уверенности в достижении целей субъекта в контексте надежной финансо-

вой отчетности, эффективности и производительности операций, а также соблюдения законодательства и нормативных актов [International standard on auditing 315. Identifying and assessing the risks of material misstatement through understanding the entity and its environment].

Рассмотрим основные нормативные документы, регулирующие внутренний контроль в России и в мире.

Нормативное регулирование системы внутреннего контроля в мире. В настоящее время во всем мире существует большое количество нормативных документов и стандартов осуществления внутреннего контроля. Рассмотрим нормативную базу по внутреннему контролю на примере США, поскольку нормативные документы именно этой страны повлияли на становление нормативной базы по внутреннему контролю в мире.

В США основными стандартами, которые определяют понятие, ключевые характеристики и сущность внутреннего контроля, являются стандарты AICPA (American Institute of Certified Public Accountants – Американский институт присяжных бухгалтеров), которые впервые ввели понятие внутреннего контроля для финансовых аудиторов. В настоящее время указанная организация устанавливает профессиональные требования для присяжных бухгалтеров, проводит исследования и публикует материалы на темы бухгалтерского учета, аудита, консультационных услуг для администрации и налогов. AICPA имеет полномочия устанавливать стандарты и правила в четырех главных областях: стандарты аудита (Auditing standards); стандарты составления отчетности (сводов) и обзорных проверок; другие услуги по засвидетельствованию; Кодекс профессиональной этики.

Следующим важным нормативным документом является «Закон об иностранной коррупции» (FCPA — Foreign Corrupt Practices Act) — федеральный закон, принятый Конгрессом США в 1977 году (с последующими изменениями), основная направленность которого заключается в противодействии иностранной коррупции, дачам взяток и т. д. Закон устанавливает запрет на дачу взяток эмитентами, местными предприятиями и определенными другими лицами как в США, так и иностранным государственным должностным лицам. Закон обязывает эмитентов США должным

образом вести бухгалтерский учет и отчетность и осуществлять эффективный бухгалтерский контроль. В данном законе впервые законодательно закреплено требование об ответственности руководства за постановку системы внутреннего контроля [Серебрякова 2012: 78].

В США проведен ряд исследований, в результате которых составлены отчеты об адекватности внутреннего контроля в организациях. В частности, была создана национальная комиссия по борьбе с недостоверной финансовой отчетностью, названная по имени ее первого председателя, Джеймса С. Тредвея (James C. Treadway), Комиссией Тредвея. Она была создана при участии и на средства пяти профессиональных саморегулируемых организаций:

- Американского института присяжных бухгалтеров – AICPA (American Institute of Certified Public Accountants);
- Американской Ассоциации по учету и отчетности – AAA (American Accounting Association);
- Института финансовых управляющих – FEI (Financial Executives Institute);
- Института внутренних аудиторов – ИА (Institute of Internal Auditors);
- Института специалистов управленческого учета – IMA (Institute of Management Accountants).

В 1987 году этими организациями был выпущен отчет, который предписывал перечисленным организациям разработать общие для всех основные понятия внутреннего контроля. В результате рабочая группа под покровительством Комитета спонсорских организаций Комиссии Тредвея (Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, COSO) провела анализ существовавшей на тот момент литературы по внутреннему контролю. В 1992 году была выпущена «Интегрированная концепция внутреннего контроля» (Internal Control — Integrated Framework). Впоследствии этот документ принято было называть по наименованию комитета-организатора — концепцией COSO [Жминько; Швырева 2008: 72].

Согласно модели COSO, внутренний контроль – это процесс, осуществляемый высшим органом предприятия, определяющим его политику, управленческим персоналом высшего уровня и другими сотрудниками. Данный процесс призван обеспечить достижение таких целей, как:

- целесообразность и финансовая эффективность деятельности;
- достоверность финансовой отчетности;
- соблюдение применяемого законодательства и требований регулирующих органов.

Компонентами системы внутреннего контроля являются: контрольная среда; оценка рисков; контрольные процедуры; информация и коммуникации; мониторинг.

20 июля 2002 года был принят закон Сарбенса-Оксли (Sarbanes-Oxley Act), который ужесточил требования по внутреннему контролю и повлиял на деятельность внутренних аудиторов. В результате была создана общественная организация PCAOB (Public Company Accounting Oversight Board — Американский Совет по надзору за учетом в публичных компаниях), которой были переданы функции создания аудиторских стандартов от AICPA (American Institute of Certified Public Accountants), административные обязанности возложены на Совет директоров и менеджмент организации по постановке системы внутреннего контроля.

Данные нормативные документы и исследования стали основой для разработки и создания системы внутреннего контроля в организациях. Постановка системы внутреннего контроля во многих компаниях получила обязательный характер. Необходимость внутреннего контроля стала осознаваться управленческим персоналом организации, а также рядовыми сотрудниками, что повлекло разработку внутренних документов по внутреннему контролю в организации.

Нормативное регулирование внутреннего контроля в Российской Федерации. В Российской Федерации основным регулирующим органом по вопросу внутреннего контроля является Министерство финансов Российской Федерации. Согласно статье 15 Федерального закона «Об аудиторской деятельности», утвержденного 30.12.2008 г. №307-ФЗ, функции государственного регулирования аудиторской деятельности осуществляет уполномоченный федеральный орган [ФЗ «Об аудиторской деятельности» 2008]. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации», уполномоченным федеральным органом является Министерство финансов РФ [Постановление Правительства РФ «О Министерстве

финансов Российской Федерации» 2004]. Кроме того, согласно статье 16 указанного закона, в целях обеспечения общественных интересов в ходе осуществления аудиторской деятельности при Министерстве финансов Российской Федерации создается совет по аудиторской деятельности.

Нормативное регулирование внутреннего контроля в Российской Федерации осуществляется на законодательном уровне, нормативном уровне и уровне организации.

Законодательный уровень представлен законами, кодексами т. п. Во-первых, важное значение имеет Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ, в котором закреплена обязанность организации организовывать и осуществлять внутренний контроль ведения бухгалтерского учета и составления отчетности (для отчетности, подлежащей обязательному аудиту) (ст. 19) [Федеральный закон «О бухгалтерском учете» 2011].

Во-вторых, регулирующий характер носят Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ (глава 12 «Контроль за финансово-хозяйственной деятельностью общества») и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.12.1998 г. № 14-ФЗ (ст. 47 Закона), которые закрепляют обязательное существование внутреннего контроля в российских организациях в виде определенных контрольных органов [ФЗ «Об акционерных обществах» 1995; ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» 1998].

В-третьих, следует отметить Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ. Государству необходимо защищать права инвесторов, поэтому формируется специальный орган по надзору за сферой ценных бумаг и бирж. Он устанавливает требования к компаниям, размещающим акции. Одним из этих требований является соответствие Кодексу корпоративного поведения. В частности, в п. 11 статьи 42 данного закона указано, что Федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, контролирует порядок проведения операций с денежными средствами или иным имуществом, совершаемых профессиональными участниками рынка ценных бумаг [ФЗ «О рынке ценных бумаг» 1996].

В-четвертых, выделим Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ, в статье 4 которого указано, что к основным мерам, направленным на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, относятся в том числе: обязательные процедуры внутреннего контроля; обязательный контроль; запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма; иные меры, принимаемые в соответствии с федеральными законами [ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов...» 2011].

В настоящее время государство уделяет значительное внимание противодействию легализации преступных доходов и финансирования терроризма, поэтому в дополнение к существующему федеральному закону было издано несколько постановлений и распоряжений Правительства РФ, которые детализировали необходимые шаги по осуществлению внутреннего контроля в компании.

На нормативном уровне регулирования вопросов внутреннего контроля основным и наиболее важным документом являются Федеральные стандарты аудиторской деятельности, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 23.09.2002 г. № 696 (в редакции от 22 декабря 2011 г.), которые определяют понятие, основные принципы и характеристики внутреннего контроля. В частности, в Правиле (стандарте) № 8 «Понимание деятельности аудируемого лица, среды, в которой она осуществляется, и оценка рисков существенного искажения аудируемой финансовой (бухгалтерской) отчетности» дается определение внутреннего контроля, а также приводятся основные компоненты системы внутреннего контроля [Федеральные стандарты аудиторской деятельности 2002]. Важное значение также имеют нормативные документы Центрального банка, который работает с банковским сектором и принимает документы, адресованные банковским группам и кредитным организациям.

Таким образом, нормативная база по внутреннему контролю в России и в мире

находится на стадии становления и разработки. Несмотря на большое количество нормативных документов по внутреннему контролю, отсутствуют единые методики создания документов по внутреннему контролю на уровне конкретной организации с учетом отраслевых особенностей. Руководствуясь документами, существующими на законодательном и нормативном уровне, компании необходимо разработать внутрифирменные документы по внутреннему контролю, которые относятся к документам на уровне организации.

Разработка документов по внутреннему контролю должна начинаться с рассмотрения особенностей, присущих сфере деятельности компании, существующей организационной структуры и наличия разделения обязанностей. Документы могут разрабатываться для каждого бизнес-цикла. Мы выделяем следующие бизнес-циклы: «Закупки», «Выручка», «Заработная плата», «Казначейство». Организация может выделить и другие бизнес-циклы в зависимости от присущих ей особенностей и потребностей в детализации соответствующих бизнес-процессов. Разработку документов по внутреннему контролю в рамках бизнес-циклов мы рассматриваем применительно к сетевым ресторанам.

В отношении бизнес-цикла «Закупки» могут быть разработаны следующие документы: процедура по учету товарно-материальных ценностей, процедура по порядку проведения инвентаризации, процедура по порядку работы с поставщиками товаров, работ, услуг, процедура по порядку проведения тендеров.

В процедуре по учету товарно-материальных ценностей могут рассматриваться следующие вопросы:

1. Порядок приемки товаров на склад (в частности, пересчет товара по количеству и его проверка по качеству, создание снимков принятого товара, необходимость записи на камеру приемки товара), порядок внесения данных о товаре в складскую программу учета (порядок учета поступившего товара и наличия контроля на данном этапе), порядок оформления первичных документов, порядок передачи сведений о поступившем товаре в бухгалтерию, порядок учета поступившего товара работниками бухгалтерии.

2. Порядок учета товара работниками бухгалтерии (внесение информации о по-

ступившем товаре в бухгалтерскую программу, в частности, информации о номенклатуре, количестве и других характеристиках товара, проверка корректности переноса данных о товаре из складской программы учета в бухгалтерскую программу); порядок учета выбывшего товара.

3. Порядок проведения инвентаризации (периодичность проведения инвентаризации, ответственные лица).

4. Документальное оформление поступления, выбытия, перемещения товарно-материальных ценностей.

В рамках процедуры по проведению тендеров могут быть освещены следующие вопросы:

1. Составление резюме каждого поставщика.
2. Разделение обязанностей между сотрудниками, ответственными за проведение тендера.
3. Составление документации по проведению тендера.
4. Порядок и сроки проведения тендера.

В рамках бизнес-цикла «Выручка» могут быть разработаны следующие документы: процедура по учету выручки, маркетинговая политика, процедура по порядку ценообразования в организации.

В рамках процедуры по учету выручки рассматриваются следующие этапы:

1. Процедура по внесению данных о выручке в автоматизированную программу (например, программно-аппаратный комплекс автоматизации ресторанов «Iiko»).
2. Процедура по переносу данных из автоматизированной программы (например, программно-аппаратного комплекса автоматизации ресторанов «Iiko») в бухгалтерскую программу.
3. Контроль за порядком ценообразования.
4. Формирование отчетов и их анализ.
5. Документальное оформление поступившей выручки от продажи товаров, работ, услуг.

В рамках бизнес-цикла «Заработная плата» организация может ввести следующие

документы: процедура по учету заработной платы, положение об оплате труда и премировании и другие.

В рамках процедуры по учету заработной платы рассматриваются следующие вопросы:

1. Контроль за корректностью расчета заработной платы, страховых взносов, премий и других начислений в кадровой программе.
2. Контроль за корректностью переноса данных из кадровой программы в бухгалтерскую программу (в случае, если учет ведется в разных программах).
3. Документальное оформление.

В рамках бизнес-цикла «Казначейство» могут быть разработаны следующие процедуры: процедура по порядку работы с денежными документами, процедура по порядку осуществления платежей, процедура по контролю за просроченной дебиторской задолженностью.

Набор внутрифирменных документов по внутреннему контролю в организации должен разрабатываться ответственными сотрудниками и доводиться до сведения работников организации, отвечающих за тот или иной этап учета.

Таким образом, нормативная база по внутреннему контролю находится на стадии становления и разработки. Нормативные документы и исследования по данному вопросу дают инструкции менеджменту, руководителям, а также сотрудникам организации по внутреннему контролю в организации. Ведущими международными и региональными организациями продолжают исследования в области внутреннего контроля. На сегодняшний день все большим количеством компаний осознается необходимость внутреннего контроля в организации. Предложенная автором данной статьи методика создания документов, регулирующих внутренний контроль, может быть использована компаниями ресторанного бизнеса в целях создания эффективно функционирующей системы внутреннего контроля.

Литература

- Бычкова С. М., Рейхман М. В., Соколов В. Я. и др. Аудиторский словарь. М.: Финансы и статистика, 2003. 192 с.
- Горемыкина Т. К., Осипенкова О. Ю. Международные стандарты аудита. М.: МГИУ, 2007. 200 с.
- Жминько С. И., Швырева М. Ф., Сафонова М. Ф. Внутренний аудит. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 316 с.
- Серебрякова Т. Ю. Теория и методология сквозного внутреннего контроля. М.: ИНФРА-М, 2012. 328 с.
- Федеральный закон «Об аудиторской деятельности», утвержденный 30.12.2008 г. № 307-ФЗ [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.12.1998 г. № 14-ФЗ [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, получен-

- ных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- Об утверждении федеральных правил (стандартов) аудиторской деятельности [электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2002 г. № 696: ред. от 22 декабря 2011 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 329 «О Министерстве финансов» [электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 18.05.2013).
- International standard on auditing 315. Identifying and assessing the risks of material misstatement through understanding the entity and its environment. Effective for audits of financial statements for periods beginning on or after December 15, 2009 [электронный ресурс] // Официальный сайт International Federation of Accountants (IFAC). URL: <http://www.ifac.org/sites/default/files/downloads/a017-2010-iaasb-handbook-isa-315/>. (дата обращения: 18.05.2013).
- Millichamp A., Taylor J. Auditing – Cambridge: Cengage Learning EMEA, 2008. 500 p.

References

- Bychkova S. M., Reichman M. V., Sokolov V. Ya., et al. [The Audit Dictionary]. Moscow: Finance and Statistics, 2003. 192 p. (In Russ.)
- [The Federal Law “About Combating Legalization (Laundering) of Illegally-gained Income and Terrorism Financing”. 07.08.2001. No. 115-FZ]. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- [The Federal Law “On Accounting”]. 06.12.2011. No. 402-FZ. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- [The Federal Law “On Audit Activity”] approved on 30.12.2008. No. 307-FZ. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- [The Federal Law “On Joint Stock Companies”]. 26.12.1995. No. 208-FZ. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- [The Federal Law “On Limited Liability Companies”]. 08.12.1998. No. 14-FZ. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- [The Federal Law “On Securities Market”]. 22.04.1996. No. 39-FZ. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- Goremykina T. K., Osipenkova O. Yu. [International Standards on Auditing]. Moscow: Moscow State Industrial University, 2007. 200 p. (In Russ.)
- International Standard on Auditing 315. Identifying and Assessing the Risks of Material Misstatement through Understanding the Entity and its Environment. Effective for audits of financial statements for periods beginning on or after December 15, 2009. In: The Official website of the International Federation of Accountants (IFAC). An Internet resource: <http://www.ifac.org/sites/default/files/downloads/a017-2010-iaasb-handbook-isa-315/>. (accessed: May 18, 2013). (In Eng.)
- Millichamp A., Taylor J. Auditing - Cambridge: Cengage Learning EMEA, 2008. 500 p. (In Eng.)
- [On Approval of Federal Rules (Standards) of Audit Activities. Resolution of the Government of the Russian Federation]. September 23, 2002. No. 696. of December 22, 2011. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- [The Resolution of the Government of the Russian Federation. 30.06.2004. No. 329. “On the Ministry of Finance”]. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/> (accessed: May 18, 2013). (In Russ.)
- Serebryakova T. Yu. [Theory and Methodology of Pass through Internal Control]. Moscow: INFRA-M, 2012. 328 p. (In Russ.)
- Zhminko S. I., Shvyreva M. F., Safonova M. F. [Internal Audit]. Rostov-on-Don: Feniks, 2008. 316 p. (In Russ.)

УДК 338.24-045.73(470.47)
ББК 65.050.22(2Рос-Калм)

КОНВЕРГЕНЦИЯ УРОВНЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ЛИЧНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Э. В. Емгушева

На современном этапе исследований человеческого потенциала особое место занимает оценка качества социальной жизни и существующих экономических условий для формирования и реализации потенций человека в трудовой или иной общественно-признаваемой деятельности. При наличии соответствующих условий человеческий потенциал выступает источником дохода для своего носителя, экономического роста и социального прогресса — для общества.

Одним из главных показателей успеха для человека является экономическая безопасность личности, она же служит критерием благосостояния и стабильности в обществе, поскольку экономическая безопасность личности основывается на уверенности человека в защищенности его экономических интересов.

Такое состояние экономического сознания, в котором субъект воспринимает существующее качество жизни как адекватное и надежное, поскольку оно создает реальные возможности для удовлетворения

его экономических потребностей, является основанием для уверенности в будущем, составляет сущность личной экономической безопасности.

Однако существует и прямая или косвенная возможность нанести ущерб конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства [Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года]. Для отдельно взятого человека угроза личной экономической безопасности, представляющая совокупность условий и факторов, создающих опасность для жизненно важных интересов личности [Курепина, Емгушева 2012б], способна причинить экономический вред.

Воздействие негативных показателей на экономическую безопасность личности и их влияние на ее развитие отражено на рисунке 1.

Рис.1. Влияние деструктивных факторов на экономическую безопасность личности

Одним из факторов, деструктивно влияющих на состояние человеческого развития, является неравномерность социально-экономического развития регионов.

Эксперты Рейтингового агентства «РИА-Рейтинг» на основе агрегирования ключевых показателей регионального развития построили рейтинг позиций того или иного региона на экономической карте России [Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2011 года]. Территориальная неравномерность экономического развития во многом определяется обеспеченностью природными ресурсами, исторически сложившейся инфраструктурой, климатическими условиями, менталитетом населения и другими факторами объективного характера, присутствующими в российских регионах.

Верхушку рейтинга, а именно первые шесть строчек заняли Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский АО, Тюменская область, Московская область и Ямало-Ненецкий АО — так называемая «большая шестерка» экономической географии современной России. На эти регионы приходится почти половина отечественного ВВП, они являются основными донорами федерального бюджета, здесь формируется большая часть потребительского спроса и отсюда исходит основной

экспортный поток страны. В этих же регионах работают или базируются большинство крупнейших корпораций страны, в том числе все основные российские монополии.

Стабильность противоположного рода характерна для нижней части рейтинга, где сосредоточены почти все республики Северного Кавказа. К ним же примкнули небольшие национальные республики Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Эти регионы демонстрируют худшие результаты практически по всем показателям — как экономическим, так и социальным.

Дифференциация уровня экономического развития оказала влияние на уровень социального положения населения, проживающего в данных регионах и в целом по стране. Неравенство доходов оказалось той ценой, которую обществу пришлось заплатить за ускорение повышения его благосостояния. Россия не достигла того уровня, при котором происходит сглаживание социальных различий, нормальное для многих европейских стран. Значительная часть наших сограждан живет за чертой бедности, количество регионов, в которых доля населения, имеющая доходы ниже прожиточного минимума, превышает пороговое значение, составляет 81 или более 90 % (табл. 1).

Таблица 1. Регионы с наиболее высоким и наименее низким уровнем бедности

Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Наименование региона
2005 год	
Более 30%	Республики Адыгея, Ингушетия, Калмыкия, Тыва, Алтай, Бурятия, Марий Эл, Мордовия, области Ивановская, Амурская, Курганская
До 10%	Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Ненецкий АО
2010 год	
Более 30%	Республика Калмыкия, Республика Тыва
До 10%	Области Белгородская, Московская, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО, Республики Дагестан, Татарстан, г. Санкт-Петербург

Как следует из таблицы, в группе регионов с долей бедного населения более 30 % в 2010 г. остались две республики: Калмыкия и Тыва, тогда как в 2005 г. к данной группе относилось одиннадцать субъектов. Выросло и число благополучных регионов,

в которых доля бедного населения составляет менее 10 % — с 3 % до 8 %.

Региональный аспект бедности обусловлен различиями в экономическом потенциале территорий, преобладанием в отдельных субъектах Федерации нерента-

бельных предприятий, депрессивных секторов экономики, слабой адаптацией населения к новому типу экономических отношений, неудовлетворительной структурой занятости, отсутствием программ адресной социальной защиты населения [Курепина, Емгушева 2012a]. За последнее десятилетие усилились различия между субъектами Российской Федерации по размеру финансирования социальных расходов из федерального бюджета и бюджетов других уровней, что ведет к увеличению территориальных диспропорций в обеспечении населения социальными пособиями, услугами образования, здравоохранения, культуры и искусства. В результате увеличились различия в обеспеченности регионов объектами социальной инфраструктуры.

Достижение финансовой самостоятельности регионов возможно только путем создания реальных инструментов, стимулирующих субъекты РФ к пополнению своих доходов. Здесь можно выделить два экономических рычага.

Во-первых, необходимо предоставить самим регионам право устанавливать региональные налоги или регулировать ставки действующих налогов, поступающих в территориальные бюджеты. Это право, закрепленное в Бюджетном кодексе, на практике не реализуется. Во-вторых, необходимо поставить объемы межбюджетных трансфертов в бюджет субъекта РФ в зависимость от роста или снижения бюджетной потребности данного региона [Ниналалова 2010]

Таким образом, осуществляя бюджетно-налоговую политику в пределах своих полномочий, региональные власти могут оказывать поддержку тем направлениям и видам хозяйственной деятельности, осуществление которых позволяет решать проблемы социально-экономического и финансового развития субъекта Федерации. В свою очередь, развитость региональной инфраструктуры и достойный уровень жизни населения на местах обеспечат возможность личностного, профессионального, социального роста ин-

дивида, более того, послужат условием привлечения в регион инвестиционных и иных ресурсов, создающих благоприятную среду для развития человеческого потенциала.

Долгосрочную сбалансированность и самостоятельность бюджетов всех уровней бюджетной системы необходимо обеспечивать прежде всего налоговыми методами, а не на основе оказания финансовой помощи бюджетам нижестоящих уровней посредством выделения из федерального бюджета дотаций, субвенций, субсидий и других форм передачи финансовых средств. То есть необходимо проводить такую политику, которая бы позволила пополнить доходную часть бюджета, подтверждением чему являются финансовые итоги 2012 г. в Республике Калмыкия.

По данным ежемесячного отчета Министерства финансов Республики Калмыкия «Об исполнении консолидированного бюджета Республики Калмыкия на 1 января 2013 г.», доходы получены в размере 11961,0 млн руб., что составляет 126,6 % к уровню соответствующего периода 2012 г.

Наибольший удельный вес в структуре собственных доходов консолидированного бюджета занимают: налог на доходы физических лиц — 59,3 %, налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ — 10,6 %, налоги на имущество — 8,6 %, налог на прибыль организаций — 8,2 %.

Увеличение поступлений по налогу на доходы физических лиц в 2,8 раза по отношению к аналогичному периоду 2011 г. обусловлено увеличением заработной платы работникам бюджетной сферы на региональном и федеральном уровне и поступлением разового платежа от крупнейшего налогоплательщика.

Кроме налоговых доходов, значительный удельный вес в структуре доходов бюджета республики занимают безвозмездные поступления, или финансовая помощь. Рассмотрим влияние финансовой помощи на доходную часть республиканского бюджета (табл. 2).

Таблица 2. Состав и структура безвозмездных поступлений республиканского бюджета в 2008-2010 гг.

Вид дохода	2008 г.		2009 г.		2010 г.	
	Тыс. руб.	Уд. вес, %	Тыс. руб.	Уд. вес, %	Тыс. руб.	Уд. вес, %
Дотации	2 263 997,9	39,91	2 396 350,0	36,78	2 030 059,2	43,65
Субвенции	358 286,7	6,32	553 591,3	8,50	665 312,5	14,31
Взаимные расчеты/иные трансферты	305 937,8	5,38	110 485,5	1,69	72 876,1	1,57
Субсидии	2 589 161,0	45,64	3 439 503,0	52,79	1 400 944,8	30,12
Федеральная адресная инвестиционная программа	—	—	—	—	—	—
Прочие	77 767,6	1,37	15 848,8	0,24	—	—
Поступления от госкорпораций	78 313,5	1,38	141,8	0,00	481 275,9	10,35
Всего	5 673 464,5	100	6 515 920,4	100	4 650 468,5	100

Как видно из таблицы, состав безвозмездных поступлений за 3 года претерпел изменения. Так, с 2008 года выделяют поступления от государственных корпораций: в первую очередь — от Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства на обеспечение мероприятий по капитальному ремонту многоквартирных домов и по переселению граждан из аварийного жилищного фонда. Различаются и прочие безвозмездные поступления и иные межбюджетные трансферты. Так, за январь-декабрь 2012 г. получены безвозмездные перечисления в размере 5591,7 млн руб., что на 0,2 % больше аналогичного периода 2011 г. Доля безвозмездных поступлений из

федерального бюджета в структуре доходов консолидированного бюджета Республики Калмыкия по состоянию на 1 января 2013 г. составила 46,7 %, уменьшившись по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. на 12,4 п.п.

Проведенное рассмотрение позволяет сделать вывод о том, что решение проблемы зависимости депрессивных регионов от федерального бюджета связано прежде всего с наращиванием экономического потенциала региона, развитием промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг, а также совершенствованием межбюджетных отношений и существующей модели налогового федерализма.

Литература

Курепина Н. Л., Емгушева Э. В. Некоторые аспекты обеспечения региональной экономической безопасности // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2012. № 1(37), март. С. 99–102.
Курепина Н. Л., Емгушева Э. В. Проблемы обеспечения экономической безопасности личности в Республике Калмыкия // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2012. № 1(49). С. 177–180.

Ниналалова Ф. И. Формирование эффективной модели бюджетного федерализма в России // Финансы и кредит. 2010. № 46. С. 29.
Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2011 года [электронный ресурс] // URL: <http://www.riarating.ru/> (дата обращения: 15.01.2013).
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена указом Президента РФ от 12.05.2009. № 537 // Справочно-правовая система Гарант.

References

Kurepina N. L., Emgusheva E. V. [Some Aspects of the Regional Economic Security Provision]. *Bulletin of the Rostov State Economic University*. 2012. No. 1(37), March. Pp. 99–102. (In Russ.)
Kurepina N. L., Emgusheva E. V. [Problems of Maintenance of the Economic Security of a Person in Republic of Kalmykia]. *Economics. Entrepreneurship. Environment*. 2012. No. 1(49). Pp. 177–180. (In Russ.)

[The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020. Approved by the decree of the President of the Russian Federation]. 12.05.2009. No. 537. Legal Reference System Garant. (In Russ.)
Ninalalova F. I. [Formation of Effective Model of Budgetary Federalism in Russia]. *Finance and Credit*. 2010. No. 46. P. 29. (In Russ.)
[Rating of Socio-economic Status of the Subjects of the Russian Federation. Results of 2011]. An Internet resource: <http://www.riarating.ru/> (accessed: January 15, 2013). (In Russ.)

УДК 332
ББК 65

МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕННОСТИ ИНФОРМАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ С УЧЕТОМ УСЛОВИЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

А. И. Бородин, В. В. Конорев

В настоящее время с помощью экономико-математических моделей и современных вычислительных средств решается целый ряд задач управления региональной экономикой. Эффективность применения экономических информационных систем (ЭИС) для управления экономическими объектами (предприятиями, банками, торговыми организациями, государственными учреждениями и т. д.) зависит от широты охвата и интегрированности на их основе функции управления, от способов оперативно подготавливать управленческие решения и адаптироваться к изменениям внешней среды и информационных потребностей.

Для начала XXI века характерно развитие телекоммуникационных средств типа Интернет, Интранет, которое привело к созданию гибких локальных и глобальных вычислительных сетей, предопределивших возможность разработки и внедрения корпоративных ЭИС (КЭИС). Развитие методов интеллектуального анализа данных на основе применения концепций информационных хранилищ, экспертных систем, систем моделирования бизнес-процессов, реализованных в контуре общей информационной системы, способствует усилению обоснованности принимаемых управленческих решений.

Таким образом, современные информационные системы, в том числе и маркетинговые информационные системы (МИС), обеспечивают оперативность коммуникации и интеграцию участников бизнес-процессов, повышают качество принимаемых решений на всех уровнях управления.

При решении ряда задач управления экономикой территориального образования — региона некоторые из них не поддаются формализации из-за наличия трудноизмеримых качественных факторов и «человеческого фактора», оказывающего существенное влияние на качество решений. Необходимость учета этих факторов становится

особенно актуальной при решении задач прогнозирования и перспективного научно-технического развития региона и региональных промышленных связанно-диверсифицированных систем (СДС), т. е. там, где наиболее часто может использоваться научная и технико-экономическая информация.

Удельный вес таких задач в практике регионального управления особенно возрос в последнее время, что вызвало их разработку и использование в подобного рода задачах методов нестрогой формализации. Наибольшее распространение получили логико-вероятностные методы экспертных оценок и байесовский подход к управлению, разработанные С. А. Оптнером [Оптнер 2000]. Особенностью этих методов является то, что использование информации в процессе принятия решения связывается с уменьшением некоторой априорной неопределенности. При этом неопределенность понимается иначе, чем, например, в статистической теории информации.

Статистическая неопределенность характеризуется тем, что позволяет абстрагироваться от субъективного элемента в вероятном описании. Такая неопределенность возникает в статистических ансамблях, а также в различных играх. В ряде случаев статистической неопределенности свойственна равновозможность исходов (неизвестно, какой стороной упадет монета, какой билет выиграет в лотерее и т. д.), в других она определяется через объективно измеряемую величину — частоту, характеризующую данный массовый объект. Несмотря на наличие субъективного элемента, его влияние здесь незначительно, и им можно пренебречь. В этих случаях неопределенность создается поведением самого объекта, а субъект выступает лишь как «наблюдатель». Неопределенность этого вида изучается теорией вероятностей, отдельные представители которой, например, С. Шлер и С. Меллор считают, что никакой дру-

гой вид неопределенности не существует и не может изучаться никакой другой наукой [Бородин 2012: 117–122].

Однако в человеческой деятельности, в том числе в управлении, встречается неопределенность другого типа, при которой существенную роль играет деятельность самого субъекта и для описания которой привлекается понятие субъективной вероятности. Такая трактовка расширяет диапазон понятия вероятности и имеет целый ряд сторонников, которые полагают, что вероятность является «пакетным понятием» и «выбор той или иной концепции из этого пакета зависит от вида неопределенности и целей, которые мы стремимся достигнуть в границах данной неопределенности ситуации». При этом субъективная концепция используется в процессе принятия решений, предполагающих активную деятельность субъекта и когда сам ход событий в той или иной мере зависит от принятого решения [Липаев, Филимонов 1997: 72]. Как видно из этого замечания, большинство управленческих решений может рассматриваться с позиции субъективной интерпретации вероятности.

Субъективная вероятность есть степень разумной уверенности или просто степень веры субъекта в то, что данное событие произойдет, или что данное высказывание истинно, или что данная гипотеза подтвердится. Мерой субъективной вероятности является число, заключенное между 0 и 1, которое выражает степень уверенности человека в истинности некоторого события (утверждения). Эта мера обладает следующими свойствами:

- она является условной (условная вероятность), поскольку основана на априорной информации о данном событии;
- сумма оценок взаимоисключающих событий должна быть равна 1.

В основе субъективного подхода лежит апостериорная переоценка исходных вероятностей, приписываемых первоначально рассматриваемым гипотезам. Субъект, принимающий решение, после первоначальной оценки гипотез получает некоторую информацию, меняющую эту оценку, а исчисление вероятностей осуществляется по формуле Байеса. Возникает вопрос о том, нет ли произвола в назначении исходных вероятностей и не является ли субъективная вероятность понятием субъективистским в дурном смысле.

Базой для исходного распределения вероятностей служит индивидуальный и социальный опыт лица, принимающего решение (ЛПР), и, в дополнение к этому, субъективная концепция фактически учитывает его намерения и ожидания в условиях неопределенности. Теория субъективной вероятности является логической теорией, поскольку она допускает отнюдь не любые комбинации степеней уверенности. Одним из ограничений выступает здесь условие когерентности, требующее, чтобы отношения между степенями уверенности удовлетворяли отношениям, определяемым исчислением вероятностей. В противном случае субъект рискует потерпеть неудачу при любом исходе, а его некогерентное поведение будет указывать на необходимость изменения некоторых степеней уверенности субъекта.

Таким образом, действительные степени уверенности реального субъекта превращаются в рациональные степени уверенности идеализированного субъекта. Степень уверенности в субъективной теории определяется через ставочное (выборочное) поведение субъекта, т. е. связывается с деятельностью субъекта и состоит в его склонности сделать некоторый выбор (ставку). Понятие когерентного поведения накладывает на поведение субъекта ограничительное условие, согласно которому допускаются не все ставки (или выбор любой альтернативы), а только те, которые связаны между собой так, что гарантируют от полного проигрыша. Более строгое ограничение, как считает В. А. Лефевр, заключается в том, что субъект не может иметь чистый выигрыш при всех возможных исходах, т. е. вероятность не принимает значений 1 и 0, за исключением принципиально невозможных случаев [Бородин 2012].

Другим важным понятием субъективной логики является понятие эквивалентных событий. С помощью понятия эквивалентных событий удалось связать субъективную вероятность с аппаратом теории вероятности, а именно с байесовским подходом, применение которого для изучения информационного аспекта принятия решений представляется весьма перспективным. Следует подчеркнуть, что введение эквивалентных событий накладывает на поведение ЛПР главное ограничение — требует от него разумной уверенности. Это означает, что человек, принимающий решение, должен

основывать степень уверенности на определенной информации, с получением которой степень уверенности разных лиц совпадает, что особенно важно при принятии управленческих решений на уровне региона, на корпоративном уровне. Таким образом, начальная информируемость формирует исходные степени уверенности у различных субъектов, которые по мере увеличения знания начинают совпадать, что является показателем объективности научного знания.

Ценность информации, получаемой в процессе подготовки решений и влияющей на изменение степени уверенности субъекта в истинности какого-либо события, оценивается с помощью теоремы Байеса, что формально можно представить следующим образом.

Допустим, что ЛППР оценивает истинность гипотезы D_i с вероятностью $P(D_i)$. Затем он получает некоторые сведения S , в результате чего степень его уверенности меняется и характеризуется вероятностью $P(D_i/S)$. Если попытаться оценить эту вероятность, то необходимо учитывать вероятность получения сведений S для случая, когда гипотеза D_i истинна, т. е. вычислить вероятность $P(S/D_i)$, характеризующую гипотезу D_i с точки зрения ее правдоподобия. Конечное (апостериорное) значение вероятности реализации гипотезы определяется по формуле Байеса как:

$$P(D_i/S) = \frac{P(S/D_i) \cdot (P(D_i))}{\sum_{i=1}^n P(S/D_i) \cdot (P(D_i))}, \quad (1)$$

где n — количество гипотез.

Формула Байеса свидетельствует о том, что конечная вероятность гипотезы $P(D_i/S)$ пропорциональна ее начальной вероятности, $P(D_i)$, помноженной на ее правдоподобие $P(S/D_i)$; рассматривая использование указанной теории Байеса в диагностике, считают, что термин вероятности $P(D/S)$ используется в том случае, если при одном и том же событии D имеют дело с вероятностями различных комплексов данных (симптомов) $S_1, S_2, \dots, S_i$. В то же время термин «правдоподобие» $P(S/D)$ применяется для обозначения того случая, когда интересуются вероятностью $S_i, S_1, \dots$ при различных событиях (альтернативах) $D_1, D_2, \dots, D_i$. Если имеются два события D_1 и D_2 и один и тот же комплекс данных S , то может возник-

нуть вопрос о том, какое из событий имеет большую степень правдоподобия. Для события D_1 имеем:

$$P(D_1/S) = \frac{P(S/D_1) \cdot (P(D_1))}{P(S)}, \quad (2)$$

Аналогично для события D_2 имеем:

$$P(D_2/S) = \frac{P(S/D_2) \cdot (P(D_2))}{P(S)}. \quad (3)$$

Разделив первое уравнение (2) на второе (3), получим:

$$\frac{P(D_1/S)}{P(D_2/S)} = \frac{P(S/D_1)}{P(S/D_2)} \cdot \frac{(P(D_1))}{(P(D_2))}. \quad (4)$$

Выражение называется отношением правдоподобия и играет важную роль в байесовском подходе к принятию решений. Отношение характеризует начальное значение относительных шансов. Связь между шансами и вероятностями может быть выражена следующим образом. Шансы $W(D)$ в пользу гипотезы D связаны с вероятностью $P(D)$ и вероятностью противоположной гипотезы $P(D) = [1 - P(D)]$ условием $W(D) [1 - P(D)] = P(D)$. Преобразовывая, имеем $W(D) = P(D) / [1 - P(D)]$ или $P(D) = W(D) / [1 + W(D)]$. Когда шансы равны 1 (1:1 — обычное пари), то соответствующая вероятность равна 0,5. При шансах 9 (9:1), соответствующая вероятность равна 0,9. Таким образом, конечное значение шансов двух гипотез при получении комплекса данных, относящихся к этим гипотезам, зависит от отношения правдоподобия гипотез.

Если данные S рассматривать как дополнительную информацию, относящуюся к первоначальным гипотезам, то ценность информации для субъекта, осуществляющего выбор, определяется изменением конечных шансов относительно начальных. В общем случае, при субъективной интерпретации формулы Байеса ценность информации для данного субъекта зависит и от того, какую полезность приписывают от реализации той или иной гипотезы, что связано с количественной оценкой результатов реализации альтернатив. Основные результаты теории полезности будут рассмотрены ниже, а здесь приводится только простой пример, иллюстрирующий влияние полезностной оценки на уровне кластера промышленного комплекса региона.

Поскольку подготовка и принятие решений сопряжены с процессами получения и переработки информации, существенное значение имеет влияние этой информации на поведение человека, стремящегося к достижению поставленной цели. Целеустремленное состояние субъекта связывается с наличием хотя бы одного результата его действий, а также наличием не менее двух способов, приводящих к этому результату с различной эффективностью. Более того, считается, что обмен информацией, изменяющей поведение субъекта, между ним и «передатчиком» возможен лишь тогда, когда субъект находится в целеустремленном состоянии. Таким образом, целеустремленное состояние является необходимой предпосылкой процесса принятия решений человеком. Для того, чтобы получаемая информация изменяла поведение субъекта, он должен пребывать в состоянии индетерминизма, противоположном по смыслу состоянию детерминизма, когда сделан окончательный выбор.

Допустим, что перед лицом, принимающим решение, стоит задача выбора одного из n путей достижения некоторой цели, и ЛПР пребывает в состоянии индетерминизма, т. е. не отдает предпочтения ни одному из существующих путей (способов действий). Можно предположить, что вероятность выбора i -того пути $P_i = 1$, т. е. выбор путей равновероятен. Допустим теперь, что под воздействием получаемой информации ЛПР выбирает некоторый путь K , тогда вероятность выбора этого пути $p_k = 1$, а оставшиеся $(n-1)$ считаются неприемлемыми, и вероятность их выбора равна 0. Состояние ЛПР, предшествующее акту выбора, может быть измерено мерой Z , определяемой как:

$$Z = \sum_{i=1}^n \left| P_i - \frac{1}{n} \right|. \quad (5)$$

Максимальное значение этой меры

$$Z_{\max} = \sum_{i=1}^n \left| P_i - \frac{1}{n} \right| = \left(1 - \frac{1}{n} \right) + (n-1) \cdot \frac{1}{n} = 2 - \frac{2}{n}, \quad (6)$$

где P_i — вероятность выбора i -того пути.

Эта мера для состояния индетерминизма Z_i при условии равновероятного выбора всегда равна 0, поскольку

$$Z_i = \sum_{i=1}^n \left| P_i - \frac{1}{n} \right| = 0, \quad (7)$$

$$\text{при } P_i = \frac{1}{n}.$$

Таким образом, состояние субъекта меняется от полной неопределенности до полностью определенного состояния, что может отождествляться некоторым интервалом, включающим конечное число весьма малых отрезков. Поскольку информация меняет положение субъекта, переводя его из одного состояния в другое, за меру ее ценности принимается отношение меры детерминизма в некоторой точке этого интервала к максимально возможному отклонению от состояния индетерминизма:

$$V_i = (n-1) \cdot \frac{\sum_{i=1}^n \left| P_i - \frac{1}{n} \right|}{2 - \frac{2}{n}} = \frac{n}{2} \cdot \sum_{i=1}^n \left| P_i - \frac{1}{n} \right| \quad (8)$$

По этой формуле, при $n = 1$ вероятность $P_i = 1$ и ценность информации $U(I) = 0$. В этом случае информация не оказывает влияния на выбор пути, поскольку путь единственный и выбирать не нужно. При $P_i = 1$ ценность информации также равна 0, и состояние ЛПР характеризуется отсутствием информации. Последнее положение, по нашему мнению, нуждается в уточнении.

Равновероятность выбора n путей достижения целей, в общем случае, объясняется не столько отсутствием информации у ЛПР, сколько невозможностью определения наиболее предпочтительного пути. Уже сам факт осознания субъектом цели и путей, которые могут привести к ней, свидетельствует о наличии у него информации. Тогда имеет смысл рассматривать два вида информации: априорную (запасенную в памяти ЛПР) и получаемую извне (после постановки цели и априорного анализа путей ее достижения). Априорная информированность позволяет ЛПР ранжировать имеющиеся у него альтернативы (пути достижения цели) по некоторой шкале предпочтений. Когда эти предпочтения не выражены, а получаемая информация не оказывает никакого влияния на распределение предпочтений, следует говорить о нулевой информации вообще.

В задачах принятия решений у ЛПР обычно нет полной уверенности в том, что один из n путей приводит к достижению цели, тогда имеет смысл говорить о вероятности достижения цели, определяемой как:

$$P_z = \sum_{i=1}^n P_i \cdot \rho_i, \quad (9)$$

где ρ_i — вероятность выбора i -го пути; P_i — вероятность достижения цели на пути i .

Зависимость P_i от ρ_i представляет собой неубывающую функцию, лежащую в пределах $0 \div 1$, в качестве аппроксимации которой, в соответствии с подходом, изложенным И. М. Коганом, принимают удобную для расчетов функцию $P_i^z = \rho_i^z$ при $z > 0$ [1].

Получаемая информация должна позволить выявить тот путь, при котором значение ρ_i максимально, и тем самым осуществить выбор этого пути.

В большинстве задач принятия решений за счет априорной информированности начальное значение вероятности достижения цели $P_{z0} > 0$, и если получаемая информация увеличивает это значение до $P_{z1} < 1$, то ее ценность $V(I) = P_{z1} - P_{z0}$. Допустим, что получаемая информация содержит сведения только об одном j -м пути достижения цели, увеличивая вероятность ρ для этого пути до ($P_j > \rho_j$), а для любого из оставшихся $(n-1)$ путей вероятность $\rho_i = \frac{1}{n}$ остается неизменной. Тогда за счет получаемой информации вероятность

$$P_{z0} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \rho_i \quad \text{изменяется до } P_{zj}$$

$$P_{zj} = P_i \rho_j + \frac{1 - \rho_j}{n-1} \left[\sum_{i=1}^{j-1} \rho_i + \sum_{i=j+1}^n \rho_i \right] \quad (10)$$

Ценность получаемой информации определяется так:

$$V(I) = P_{zj} - P_{z0} = P_j \rho_j + \frac{1 - P_j}{n-1} \left[\sum_{i=1}^{j-1} \rho_i + \sum_{i=j+1}^n \rho_i \right] - \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \rho_i \quad (11)$$

В том случае, когда получаемая информация увеличивает вероятность ρ_i до макси-

мума, путь j может оказаться наиболее предпочтительным, и вероятность его выбора $P_j = 1$. Тогда ценность информации

$$V(I) = \rho_{j \max} - \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \rho_i \quad (12)$$

Следует подчеркнуть, что во всех задачах принятия решений $\rho_{i \max} \neq 1$, т. к. в противном случае вероятность достижения цели равна 1, т. е. цель достигнута, а значит, проблема решена и никакого решения не требуется.

В задачах принятия решений с однозначно выраженной целью мерой ценности информации является степень приближения к 1 вероятности достижения цели на том из путей, вероятность выбора которого наибольшая.

Определяя принятие решения как выбор способа достижения поставленной цели, необходимо подчеркнуть принципиальную разницу между актом выбора и процессом достижения цели, поскольку выбор одного из путей еще не гарантирует достижения цели и не устраняет полностью проблему. Естественно считать, что информация, способствующая выбору одного из путей, включает сведения о том, что вероятность достижения цели на этом пути наибольшая. Однако на выбор пути оказывают существенное влияние другие факторы, в том числе субъективного характера, а исчерпывающая информация об эффективности выбранного пути может быть получена лишь после того, как этот путь пройден, т. е. цель достигнута.

В большинстве управленческих решений акт выбора фиксируется в виде утвержденных планов, распоряжений, служебных записок и других документов. При этом определяются общие направления проводимых работ, вероятность успешного завершения которых всегда отлична от 1. Наибольшая неопределенность свойственна научно-исследовательским работам фундаментального и поискового характера, наименьшая — работам, обеспечивающим выпуск готовой продукции, мероприятиям по повышению производительности труда и др. При этом вероятность выбора направлений проведения этих работ в момент утверждения планов всегда равна 1. Отсюда вытекает принципиальное различие требований к информационному обеспечению процессов подготовки управленческих решений и информационного обеспечения их

реализации, которое можно сформулировать следующим образом:

— Информационная подготовка управленческого решения должна способствовать выбору такого пути, на котором вероятность достижения цели, с учетом условий реализации, наибольшая.

— Подготовка заканчивается актом выбора ($P_i = 1$) и должна быть увязана с ним во времени. Информация, поступающая к ЛПР после принятия решения, практически им не используется, т. к. другое решение может приниматься после значительного интервала времени, а это значительно снижает эффективность использования информации.

Таким образом, информационное обеспечение управленческих решений должно способствовать выбору наиболее успешного пути достижения цели, поставленной перед организационной системой, с учетом возможностей и условий реализации. Отсюда вытекают и другие требования к информированию органов управления: высокая степень обобщения информации, высокая степень ее достоверности, наличие выводов и рекомендаций. Необходимы более детальные сведения о путях (способах) реализации, причем анализ информации и проверку ее на достоверность осуществляет сам персонал, реализующий принятое решение.

В рамках прагматической ценности информации теоретико-методологический подход является вполне приемлемым не только с позиций статической интерпретации понятия вероятности, но и с точки зрения субъективной логики. Прежде чем показать это, отметим, что к теоретико-вероятностному подходу наиболее близок так называемый «алгоритмический подход», который был предложен М. М. Бонгардом [Бородин 2012]. Он основан на методе проб и ошибок. В соответствии с этим подходом, информация, способствующая решению задачи, уменьшает степень ее «трудности», которая несет функцию числа проб. В качестве «мер трудности» М. М. Бонгард использует логарифм среднего числа проб. Если задача, которую предстоит решить, имеет распределение ответов $p_1, p_2, \dots, p_i \dots p_n$, а решающий алгоритм исходит из гипотезы, что это распределение имеет вид $q_1, q_2, \dots, q_i \dots q_n$, то неопределенность задачи выражается как:

$$N(A) = - \sum_{i=1}^n p_i \log q_i \quad (13)$$

Минимальное значение неопределенности достигается при $p_i = q_i, i = 1, 2, \dots, n$. При этом неопределенность равна энтропии распределения вероятностей $p_1, p_2, \dots, p_i \dots p_n$, т. е. если p_i известно, то пробы лучше всего делать с теми же вероятностями $q_i = p_i$. Информация, поступившая по каналу связи, считается ценной, если она уменьшает неопределенность задачи, т. е. формально приближает q_i к p_i .

Ценность такой информации

$$I_n = N_0 - N_1, \quad (14)$$

где N_0 и N_1 — неопределенность задачи соответственно до и после получения информации.

Статистическая концепция определения ценности информации требует проведения достаточно большого числа опытов, исходы которых носят хотя и случайный, но стационарный характер. Это дает возможность связать классическую теорию информации с теорией статистических решений, если вероятностные характеристики сопоставить с функцией штрафов или функцией убытков. При этом ценность информации можно определять, в рамках шенноновской теории информации, со штрафами путем минимизации средних штрафов при фиксированном количестве информации или минимизации средних убытков при ее неограниченном количестве. По сравнению с функцией штрафов функция убытков является функцией более общего вида:

$$\rho(x, z, u, V, I), \quad (15)$$

где x — истинное значение случайной величины; z — значение этой величины, наблюдаемое СПР, которой он приписывает на основании наблюдений оценку u ; V — функция штрафов $V = c(x, u)$; I — убытки, обусловленные использованием недостоверной информации.

Функция убытков в несколько измененном виде используется и в теоретико-игровом подходе к принятию решений, который представляется весьма перспективным для формализации управленческих решений и будет рассмотрен в дальнейшем.

Прагматическая теория ценности информации соотносит любые сведения, получаемые субъектом, с их полезностью для достижения некоторой цели. Эта цель

в ряде задач управления может задаваться множеством альтернативных подцелей, нуждающихся в упорядочении. В этих случаях каждой из подцелей присваивается некоторый весовой коэффициент (в теории игр — платеж), характеризующий ее значимость для достижения поставленной цели. Информация, используемая при назначении «весов», может менять значимость для ЛПР отдельных подцелей и, тем самым, менять вероятность выбора γ_j . Ценность такой информации определяется с позиций достижения глобальной цели, при этом информация, уменьшающая γ_j , может исключить из рассмотрения определенные подцели, а значит, ее ценность $V(I) > 0$.

Теория игр предлагает ЛПР ряд критериев выбора стратегии, которые гарантируют ему в данной игре определенное значение выигрыша или проигрыша. Так, максимальный критерий соответствует поведению осторожного игрока, гарантируя ему максимум минимального выигрыша. Поведению ЛПР, склонного к большому риску, соответствует максимальный критерий, требующий выбора той стратегии, где выигрыш наибольший, при этом все выигрыши, предшествующие наибольшему, во внимание не принимаются. Помимо этих, крайне противоположных ЛПР критериев, существуют критерии Гурвица, Сэвиджа и Байеса-Лапласа, из которых рассмотрим последний, поскольку он используется в дальнейших выводах.

Критерий Байеса-Лапласа (Байесовский критерий) рекомендуется использовать тогда, когда у ЛПР отсутствует информация о вероятностях наступления состояний природы. Этим вероятностям приписывается одинаковое значение $1/n$, где n — возмож-

ное количество состояний природы. ЛПР выбирает ту стратегию, где сумма произведений вероятностей выплат имеет наибольшее значение.

Допустим, игра задана в виде платежной матрицы:

$$\begin{array}{c|ccc} & S_1 & S_2 & S_3 \\ \hline d_1 & 100 & 2 & 1 \\ d_2 & 99 & 98 & 0 \end{array} \quad (16)$$

Тогда, в соответствии с байесовским критерием для стратегии d_1 , эта сумма определяется как:

$$h_1 = \frac{1}{3} \cdot 100 + \frac{1}{3} \cdot 2 + \frac{1}{3} \cdot 1 = 34 \frac{1}{3},$$

для d_2 —

$$h_2 = \frac{1}{3} \cdot 99 + \frac{1}{3} \cdot 98 + \frac{1}{3} \cdot 0 = 65 \frac{2}{3},$$

И, таким образом, выбирается стратегия d_2 , в то время как по максимальному критерию следует выбрать стратегию d_1 , гарантирующую минимальный выигрыш.

Неоднозначность результатов использования различных критериев соответствует характеру поведения различных людей в конфликтных ситуациях (осторожность, склонность к риску и др.) и не умаляет достоинств теоретико-игрового подхода, который может быть использован и для формальной оценки информации, поступающей к ЛПР. Этот подход оказывается весьма плодотворным для формализации информационной подготовки решений.

Ценность информации, содержащейся в задании q относительно задания p , определяется по формуле:

$$V(I) = \min_y \int_x X(x,y)p(x) dx - \int_v \left[\min_y \int_x X(x,y)p(x/v) dx \right] dv \quad .. (17)$$

С формальной точки зрения, ценной считается информация, которая уменьшает начальную неопределенность задачи, позволяя путем проведения вспомогательного опыта получить наиболее точные представления о действительных состояниях природы. Если предположить, что этими состояниями могут быть условия реализации управленческого решения, тогда проведение вспомогательного эксперимента q можно отождествить, например, с процессом получения информации о зарубежном

опыте, а пространство V с условиями реализации аналогичных решений, принимаемых зарубежными конкурентами. В этом случае задача принятия решения сводится к выбору некоторого действия y из набора возможных Y по результатам получения информации q о зарубежном опыте V . Чем полнее эта информация может свидетельствовать о том, что должно быть сделано (т. е. каковы условия реализации y) для получения тех или иных результатов, оцениваемых $\int$, тем она ценнее.

Используя основное допущение статистического подхода о вероятности выбора и предполагая, что множества x, y, v конечны, можно определить количество информации о задании q , содержащейся в задании p , как:

$$I = \sum_i p_i \ln \frac{1}{p_i} - \sum_k q_k \sum p(i/k) \ln \frac{1}{p(i/k)}, \quad (18)$$

где $p_k \in p, q_k \in q, p(i/k) = p(x/v)$.

Формальные построения при дальнейшей разработке могут послужить основной методологической концепцией теоретического обоснования информационной деятельности в интересах на уровне СДС и региональных органов управления. Одним из перспективных направлений в этой области является теоретико-игровая интерпретация задач управления.

Литература

- Бородин А. И. Прогнозирование социально-экономического потенциала региона // Вестник КИГИ РАН. 2012. № 1. С. 117–122.
- Вендров А. М. Проектирование программного обеспечения в экономических информационных системах: учебник. М.: Финансы и статистика, 2000. 392 с.

- Липаев В. В., Филинов Е. Н. Мобильность программ и данных в открытых информационных системах. М.: Научн. кн., 1997. 184 с.
- Оптнер С. А. Проектирование программного обеспечения экономических информационных систем: учебник. М.: Финансы и статистика, 2000. 136 с.

References

- Borodin A. I. [Prediction of Socio-economic Potential of the Region]. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2012. No. 1. Pp. 117–122. (In Russ.)
- Lipaev V. V., Filinov E. N. [Mobility of Programs and Data in Open Information Systems]. Mos-

- cow: Nauchaya kniga, 1997. 184 p. (In Russ.)
- Optner S. A. [Software Design of Economic Information Systems]. Moscow: Finance and Statistics, 2000. 136 p. (In Russ.)
- Vendrov A. M. [Software Design in Economic Information Systems]. Moscow: Finance and Statistics, 2000. 392 p. (In Russ.)

УДК 631.112.8: 33/ 36
ББК 65.04

К ВОПРОСУ О СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ

Ю. С. Богзыков

В настоящее время одной из острых проблем является проблема повышения экономической активности сельского населения и стимулирования развития малых и средних форм хозяйствования на селе. Серьезной причиной, сдерживающей данный процесс, является недостаточная кредитная обеспеченность сельских территорий. Сельскохозяйственная кредитная потребительская кооперация становится практическим ответом мелкого сельскохозяйственного товаропроизводителя на возрастающую потребность в финансовых услугах.

В настоящее время кредитная кооперация получила развитие во многих регионах Юга России. Изучение теоретических аспектов формирования региональных систем сельскохозяйственной кредитной кооперации, анализ и оценка объективных условий ее функционирования, разработка практических предложений по ее совершенствованию и соответствию реальной действительности являются актуальными проблемами и имеют большое практическое значение.

Целью данной статьи является оценка развития кредитной кооперации и определение моделей региональных систем сельскохозяйственной кредитной кооперации на Юге России.

Сельскохозяйственная кредитная потребительская кооперация (СКПК) представлена в 78 регионах Российской Федерации, в более чем 1000 сельских поселениях. По данным Минсельхоза России, на 1 января 2011 г. насчитывалось 1757 кредитных сельскохозяйственных потребительских кооперативов. Но далеко не все они функционировали: в 2010 г. не работало 552 (31,4%) кредитных кооператива, т. е. практически каждый третий кооператив. Максимальное количество стабильно работающих кредитных кооперативов расположено в Волгоградской, Тюменской, Оренбургской областях, Республиках Бурятия, Татарстан, Калмыкия, Мордовия, Чувашской Республике, Краснодарском,

Забайкальском и Красноярском краях. Так, в Республике Саха (Якутия) из 214 постоянно функционирующих сельскохозяйственных потребительских кооперативов 165 (77%) приходится на СКПК [Агропромышленный комплекс 2011: 236].

Достаточно высокими темпами растет членская база сельскохозяйственных кредитных кооперативов. Если на 01.10.2007 в России действовало более 1390 СКПК с членской базой 143 600 пайщиков, то в настоящее время членская база сельской кредитной кооперации составляет около 200 тыс. пайщиков, активы превышают 10 млрд рублей. Среднегодовой темп прироста членской базы сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов за последние годы составил 50%. Даже при таком сравнительно быстром росте численности сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов и их членской базы потенциал для их развития остается огромным. По данным Фонда развития сельской кредитной кооперации (ФРСКК), неудовлетворенный спрос на займы членов кооперативов колеблется от 50 до 75 % [Фонд развития...].

Наибольшая концентрация СКПК приходится на Приволжский и Южный Федеральные округа, где их общая доля составляет 49% (25% и 24% соответственно) от общего числа сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов России, далее следуют Сибирский — 18%, Центральный — 14%, Дальневосточный — 10%, Северо-Западный — 5%, Уральский — 4% [Агропромышленный комплекс 2011: 237].

Доминирующую часть в структуре сельскохозяйственной кредитной потребительской кооперации и структуре пользователей услугами СКПК занимают личные подсобные хозяйства (69,37 и 62,79%) и крестьянско-фермерские хозяйства (13,79 и 4,39%), что свидетельствует о социально-экономической направленности деятельности сель-

скохозяйственных кредитных потребительских кооперативов, в основе которой лежит

удовлетворение потребностей малых форм хозяйствования в АПК.

Таблица 1

Численность сельскохозяйственных потребительских кредитных кооперативов по федеральным округам, ед.

	2006	2007	2008	2009	2010
Российская Федерация	473	1253	1623	1793	1757
Центральный Федеральный округ	46	177	265	257	245
Северо-Западный Федеральный округ	30	57	67	65	87
Южный Федеральный округ	148	297	372	409	421
Приволжский Федеральный округ	104	316	372	440	439
Уральский Федеральный округ	26	49	60	73	70
Сибирский Федеральный округ	97	230	270	285	316
Дальневосточный Федеральный округ	22	133	217	264	175

В некоторых субъектах Российской Федерации объемы кредитования, предоставляемые кредитными кооперативами малым формам хозяйствования (МФХ), сопоставимы с банковскими (например, в Тюменской области в 2010 г. кредитными кооперативами МФХ было предоставлено 489 млн руб. займов, коммерческими банками — 344 млн руб.). Значительны объемы займов, предоставляемых малым формам кредитными кооперативами Астраханской, Волгоградской, Кемеровской, Самарской, Саратовской областей, Краснодарского края (более 100 млн руб. в год). [Агропромышленный комплекс 2011: 237] Среди сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов доступ к заемным средствам получили 506 кооперативов (50 % от работающих) на сумму 1 485 млн руб. Невзирая на кризис, кредитные кооперативы не сократили масштабы своей деятельности в рамках Госпрограммы. Среди активных участников Госпрограммы сельскохозяйственные потребительские кооперативы Белгородской, Кировской, Курской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Смоленской областей, Краснодарского края, Республик Калмыкия, Бурятия, Северная Осетия-Алания, Карачаево-Черкесской, Удмуртской, Чувашской республик.

К настоящему моменту в России сформировалась трехуровневая система сельскохозяйственной кредитной кооперации. В 34 субъектах Российской Федерации кредитными кооперативами первого уровня созданы региональные кооперативы второго уровня.

Для более детального изучения рассмотрим состояние и проблемы развития сельскохозяйственной кредитной кооперации на Юге России — в регионах Южного и Северо-Кавказского Федеральных округов.

В настоящее время сельскохозяйственная кредитная кооперация стала неотъемлемым элементом кредитно-финансовой системы агропромышленного комплекса данных федеральных округов. Особенно бурное развитие кредитная кооперация получила в 2001–2007 гг. Сейчас число зарегистрированных сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов в регионах Южного Федерального округа насчитывает 409 единиц, что составляет 31, 3% от общей численности в Российской Федерации. Лидерами в ЮФО по числу кредитных кооперативов являются Волгоградская, Астраханская и Ростовская области.

Сельскохозяйственная кредитная кооперация начинает оказывать существенное влияние на общее социально-экономическое развитие региона, которое во многом зависит от возможности получения в нужное время предприятиями и организациями кредитов на доступных и выгодных условиях. При этом особую потребность в ссудах испытывают мелкие и средние сельскохозяйственные товаропроизводители. В структуре кредитования реального сектора экономики на их долю приходится не более 10 % полученных ресурсов. Кредитная кооперация позволяет привлекать и использовать внутренние финансовые ресурсы, включая средства населения, чтобы кредитовать малый и средний бизнес, в том числе

крестьянские (фермерские) хозяйства, предприятия АПК, отдельные социальные группы граждан на производственные и потребительские цели, а также для приобретения жилья (ипотечное кредитование).

Толчком для развития сельской кредитной кооперации стала программа «Кредитная кооперация "Юг России"», разработанная в 2001 г. с участием органов исполнительной власти и ассоциаций кредитных потребительских кооперативов субъектов Федерации Южного федерального округа. Она предполагала:

- информационное обеспечение кредитных кооперативов;
- организацию постоянно действующих учебно-консультационных центров в Волгоградской, Ростовской, Астраханской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, осуществляющих подготовку специалистов для кредитных потребительских кооперативов;
- разработку и внедрение стандартов финансовой устойчивости кредитной кооперации, что возложено на ассоциацию кредитных потребительских кооперативов, Волгоградский областной сельскохозяйственный кредитный потребительский кооператив (СКПК) «Содружество» и Ростовский областной СКПК «Донской фермер»;
- формирование фонда гарантий и поддержки кредитной кооперации.

В последующем эта программа получила дальнейшее развитие и продолжение в ходе реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», рассчитанного на 2005–2008 гг. и Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.

Модели региональных систем сельскохозяйственной кредитной кооперации. Анализ показывает, что развитие сельскохозяйственной кредитной кооперации в регионах Юга России характеризуется в основном тремя моделями региональных систем.

Первая модель кредитной кооперации представлена кредитными потребительскими кооперативами граждан, действующими на уровне сельского поселения. Две другие основаны на сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативах. Но если во второй модели данные кооперативы формируются на районном уровне и имеют

сеть представительств в сельских поселениях, то в третьей модели кредитные кооперативы действуют на областном уровне и представлены сетью филиалов в районных центрах.

Первая модель не получила широкого распространения в Южном Федеральном округе (в России ее ярким примером является Белгородская область). Вторая модель характерна для кредитной кооперации Волгоградской, Астраханской областей и других регионов. Третья модель получила развитие в Ростовской области. Каждая из представленных моделей региональных систем сельской кредитной кооперации имеет свои преимущества и недостатки, поэтому может быть реализована только с учетом конкретных особенностей того или иного региона. Однако в условиях Южного Федерального округа наибольшая эффективность и динамика присущи второй модели, что подтверждается результатами развития кредитной кооперации в Волгоградской и Астраханской областях.

На данном этапе сложились три подхода к развитию сельской кредитной кооперации — территориальный, отраслевой и комплексный.

При территориальном подходе за основу берется население — люди, проживающие на определенной территории, с их финансовыми потребностями в сохранении денежных средств или в их привлечении для производственных, потребительских и иных целей.

В основе отраслевого подхода находится сельскохозяйственный товаропроизводитель с его финансовыми потребностями в кредитных ресурсах, связанными с хозяйственной деятельностью.

Комплексный подход базируется на интересах сельских жителей, которые сочетаются с общенациональными приоритетами независимо от их профессиональной деятельности и направлены на повышение их уровня жизни.

В целом анализ развития сельскохозяйственной кредитной кооперации в Южном и Северо-Кавказском Федеральных округах позволяет выявить следующее.

1. В последние годы сформировалась четкая положительная динамика развития данной системы. Растет численность сельскохозяйственных кредитных кооперативов, увеличиваются объемы финансовых ресурсов кредитных кооперативов. Поло-

жительным моментом является развитие двухуровневой системы в регионах, что позволяет эффективнее использовать имеющиеся в их распоряжении финансовые ресурсы.

2. Основными факторами развития сельскохозяйственной кредитной кооперации являются наличие потребности отдельных социальных групп граждан и сельхозтоваропроизводителей в небольших кредитах и сложность их получения в банках, а также наличие организационного и интеллектуального потенциала определенных слоев общества, направленного на развитие кредитной кооперации.

3. Все еще значительной остается неравномерность развития сельскохозяйственной кредитной кооперации по регионам.

4. Во многом рост численности СКПК на данном этапе связан с увеличением государственной помощи со стороны федерального бюджета, региональных властей и с осуществлением в России ряда международных проектов, ориентированных на поддержку развития сельской кредитной кооперации, а также с деятельностью внутрисистемных элементов — Лиги кредитных союзов, Фонда развития сельской кредитной кооперации и Союза сельских кредитных кооперативов. [Богзыков 2010: 216]

Изучение опыта создания и функционирования сельскохозяйственной кредитной кооперации в регионах показало, что основными причинами, сдерживающими их развитие, являются:

– отсутствие в ряде регионов поддержки кооперативов со стороны местной администрации;

– ограниченность денежных средств сельскохозяйственных товаропроизводите-

лей для создания финансовых ресурсов кредитных кооперативов;

– отсутствие законодательства, координирующего работу между местным и федеральными уровнями, а также между регионами. Опыт развития сельской кредитной кооперации в России показывает, что кооперативные кредитные институты могут стать весомым компонентом кредитной системы страны и дополнить банковскую систему, которая в современных условиях не всегда способна предоставить необходимые кредитные ресурсы для мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей и сельского населения.

О роли сельскохозяйственной кредитной кооперации в развитии агропромышленного комплекса Южного Федерального округа говорит тот факт, что за последние годы объем производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйствах вырос на 15%. Значительно выросла и доля мелких сельхозпроизводителей в производстве отдельных видов продукции — молока, мяса, овощей и фруктов.

Развитие сельскохозяйственной кредитной кооперации позволяет во многом решать вопросы финансового обеспечения и развития малого бизнеса, прежде всего на селе, создавать условия для творческой и деловой активности населения, стимулировать рост доходов граждан и бюджетов местных администраций. Кроме того, кредитная кооперация помогает решить комплекс социальных проблем сельских жителей: снизить безработицу, создать условия для развития жилищного строительства за счет ипотечного кредитования, пробудить чувство уверенности в завтрашнем дне и перспективы развития у селян.

Литература

Агропромышленный комплекс России в 2010 году: Статистический сборник / МСХ РФ. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2011. 554 с.
Богзыков Ю. С. Социально-экономические аспекты кредитной кооперации // Известия Санкт-

Петербургского государственного аграрного университета. 2010. № 20. С. 212–216.

Фонд развития сельской кредитной кооперации [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruralcredit.ru> (дата обращения: 12.08.2011).

References

[The Agroindustrial complex of Russia in 2010]. Russian Agriculture Ministry. Moscow: Rosinformagrotech, 2011. 554 p. (In Russ.)
Bogzykov Yu. S. [Socio-economic aspects of credit cooperation]. *Bulletin of Saint-Petersburg State*

Agrarian University. 2010. No. 20. Pp. 212–216. (In Russ.)

[The Fund for Rural Credit Cooperation Development]. An Internet resource: <http://www.ruralcredit.ru> (accessed: August 12, 2011). (In Russ.)

УДК 336.14
ББК 65.261.4

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДОЛГИ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. А. Денисова

Несмотря на то, что в настоящее время проблемы управления государственным долгом и определения эффективной долговой политики в рамках бюджетной политики, осуществляемой субъектами Российской Федерации, не оставались без внимания со стороны экономического сообщества, современные социально-экономические условия диктуют необходимость разработки новых методов и подходов в решении данной проблемы.

Учитывая опыт финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и возможность повторения кризисных ситуаций, связанных с общей неблагоприятной ситуацией в мировой экономике, в ближайшей перспективе перед органами государственной власти встанут новые задачи, связанные с отсутствием разработанной модели управления государственным долгом и адекватного определения долговой политики, в соответствии с концепцией социально-экономического развития субъекта РФ.

На текущий момент подходы к решению этой проблемы носят противоречивый характер, который выражается в стремлении органов государственной власти остановить или снизить рост объемов государственного долга и вместе с тем принять трехлетний бюджет, в котором запланирован рост последнего.

В связи с этим задачи, стоящие непосредственно перед теми, кто на практике осуществляет управление государственным долгом и определяет долговую политику, заключаются не только в обобщении существующих теоретических подходов, но и в раскрытии основных механизмов долговой политики, формировании долговой стратегии и создании детализированной модели управления региональным государственным долгом.

В последние пять лет проблема сбалансированности и устойчивости бюджетной системы Российской Федерации, испытывавшей на себе неблагоприятное воздействие кризисных явлений, отразилась на ситуации с региональными долгами.

Начиная с 2008 г., наметилась устойчивая тенденция роста объема госдолга субъектов (рис. 1), который к 2011 г. перешагнул отметку в 1 трлн рублей. При этом наибольший рост госдолга отмечен в 2009 г. — более 48%, что связано с проявлением кризиса в экономике, а минимальное за этот период увеличение было в 2011 г. — менее 7% [Основные направления государственной долговой политики 2012: 43]

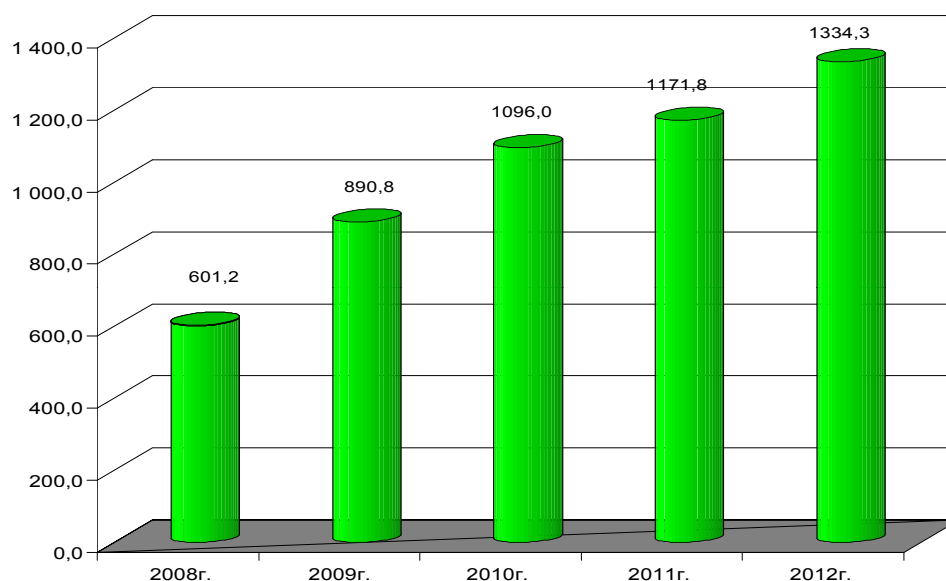
Таким образом, за последние пять лет долг субъектов РФ вырос почти в 2,2 раза.

За 2012 г. объем госдолга субъектов Российской Федерации достиг уровня 1,3 трлн рублей, или 26,1% от налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов. [Анализ исполнения консолидированных и местных бюджетов 2013: 16]

В соответствии с нормами бюджетного законодательства, предельный объем госдолга субъекта не должен быть больше утвержденного законом о бюджете общего годового объема доходов бюджета субъекта без учета безвозмездных поступлений. На высокودотационные субъекты распространяются дополнительные ограничения по пределу госдолга до 50% указанных доходов. При этом в 2012 г. в бюджетное законодательство были внесены изменения, в соответствии с которыми до 1 января 2017 г. допускается превышение субъектами указанных ограничений в пределах сумм задолженности по бюджетным кредитам [Бюджетный Кодекс Российской Федерации 1998: ст. 107].

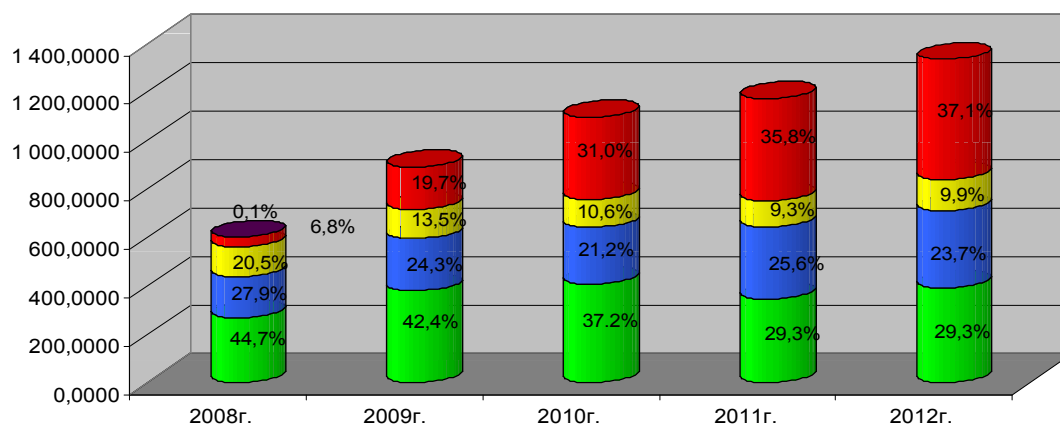
Несмотря на то, что в целом показатель уровня долговой нагрузки на бюджеты субъектов не является критическим и находится в пределах норм бюджетного законодательства, в разрезе регионов данное соотношение сложилось следующим образом: у 52-х регионов соотношение объема государственного долга к налоговым и неналоговым доходам превышает 30%, у 33-х — 50%, у 14-ти — 70%, а в некоторых практически близко к объему поступлений налоговых и неналоговых доходов. К таким

Рисунок 1. Динамика объема государственного долга субъектов Российской Федерации в 2008–2012 гг., млрд руб.

[Расчеты автора по данным Минфина РФ]

Рисунок 2. Изменение структуры государственного долга субъектов Российской Федерации в 2008–2012 гг., млрд руб.

- Иные долговые обязательства субъекта РФ
- Бюджетные кредиты, привлеченные в бюджет субъекта РФ от других бюджетов системы
- Государственные гарантии субъекта РФ
- Кредиты, полученные субъектом РФ от кредитных организаций
- Государственные ценные бумаги субъекта РФ

[Расчеты автора по данным Минфина РФ]

«чемпионам» по итогам 2012 г. относятся: Республика Мордовия — отношение госдолга к собственным доходам бюджета за 2012 г. составляет 179,7%, Республика Северная Осетия-Алания — 108%, Вологодская область — 92% и Рязанская область — 91%. Регионов с уровнем долговой нагрузки меньше 10% от объема доходов без учета безвозмездных поступлений 11, у 10 данное соотношение колеблется от 10% до 20% от объема доходов без учета безвозмездных поступлений. Долг отсутствует у Ненецкого автономного округа [Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки 2013]. Примечательно, что минимальный уровень долговой нагрузки приходится на бюджеты Тюменской области, ЯНАО, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, Сахалинской области, т. е. тех территорий, которые относятся к основным нефтегазовым регионам страны и, соответственно, имеют сильную устойчивую доходную базу, что еще раз подтверждает мнение о том, что долги могут себе позволить «богатые» регионы.

Вместе с ростом объема государственного долга субъектов в указанном периоде произошло и существенное изменение его структуры (рис. 2), особенно это заметно в 2009–2010 гг., когда доля обязательств по привлеченным бюджетным кредитам увеличилась, а доля рыночного долга снизилась.

Эти изменения были связаны с государственной антикризисной политикой в сфере межбюджетных отношений, когда с 2009 г. на покрытие дефицитов бюджетов субъектов из федерального центра были предоставлены бюджетные кредиты сроком на три года. Данная мера, учитывая ограниченный на тот момент доступ субъектов к рыночным ресурсам, позволила временно стабилизировать на время ситуацию с региональными бюджетами.

Таким образом, на 1 января 2013 г. в структуре долга регионов доля бюджетных кредитов равна 37,1%, государственных гарантий — 9,9%, кредиты банков и международных финансовых организаций составили 23,7%, государственные ценные бумаги — 29,3%, т. е. преобладание бюджетных кредитов очевидно [Финансовая газета 12.03.2013].

Несмотря на высокую долю облигаций в совокупном долговом портфеле, эмиссии осуществлялись только 32 регионами. «Лидерами» по объемам облигаций являются

бюджеты Москвы, Красноярского края, Нижегородской, Самарской и Московской области. Их доля в общем объеме обращающихся региональных облигаций составляет 64%.

Формирование структуры государственного долга субъектов Российской Федерации в указанном периоде нашло отражение в анализе источников финансирования дефицитов бюджетов субъектов (таблица 1).

Данные, представленные в таблице 1, отражают сложившуюся тенденцию. Так, в 2009 г. бюджетных кредитов привлечено в 8 раз больше, чем в 2008 г., в 2010 г. на уровне 2009 г., в 2011 г. (посткризисный период) на 24,4 % меньше, чем в 2010 г., в 2012 г. примерно столько же, что и в 2011 г., т. е., начиная с 2009 г., наблюдается рост объемов бюджетного кредитования с дальнейшим снижением к 2011 г. и небольшим ростом в 2012 г. Соответственно, увеличивается темп погашения бюджетных кредитов, особенно в 2012 г., предположительно, в соответствии с графиками погашений, так как антикризисные бюджетные кредиты выдавались сроком на три года.

При этом предполагалось, что к 2013 г. финансовая ситуация в регионах стабилизируется и они смогут вернуть долги. Однако этого не произошло. Более того, ситуация усугубилась тем, что при планируемом сокращении объемов финансовой помощи субъектам из федерального бюджета задачи, стоящие перед региональными органами власти, усложнились, настоящим же испытанием стало доведение заработной платы работников бюджетной сферы до средней зарплаты по экономике в регионе. В данной ситуации, несмотря на жесткую риторику в связи с этой задачей, Минфин пошел навстречу регионам: по данным «Финансовой газеты», уже «в 2012 году ведомством была произведена реструктуризация бюджетных кредитов для 36 регионов на общую сумму 123 млрд рублей» [Финансовая газета 04.03.2013]. Это подтверждается данными таблицы 1: в 2012 г. сумма привлечения и сумма погашения по бюджетным кредитам находятся на одном уровне с относительно незначительной разницей.

Учитывая роль государственного долга в обеспечении сбалансированности бюджета, нельзя не обратить внимание на динамику показателя результатов исполнения бюджетов субъектов за последние пять лет в таблице 2.

Таблица 1. Анализ источников финансирования дефицитов бюджетов субъектов Российской Федерации в 2008–2012 гг.

Источники финансирования дефицита	2008 г.		2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	исполнено	исполнено	исполнено	Темп роста/снижения, %	исполнено	Темп роста/снижения, %	исполнено	Темп роста/снижения, %	исполнено	Темп роста/снижения, %
Дефицит	-54 372,7	-329 095,0	605,3	30,3	-99 556,9	35,0	-34 886,4	35,0	-278 472,8	798,2
Государственные ценные бумаги	68 851,3	95 504,0	138,7	31,2	29 774,6	-195,5	-58 202,6	-195,5	38 176,0	-65,6
Размещение государственных ценных бумаг	178 565,7	158 160,5	88,6	70,2	111 106,3	49,5	55 050,8	49,5	119 855,0	217,7
Погашение государственных ценных бумаг	-109 714,5	-62 656,5	57,1	129,8	-81 331,7	139,2	-113 253,4	139,2	-81 679,1	72,1
Кредиты кредитных организаций	37 847,7	66 459,8	175,6	46,7	31 013,8	347,2	107 672,1	347,2	162 320,5	150,8
Получение кредитов от кредитных организаций	210 149,3	304 555,8	144,9	140,0	426 403,0	98,5	419 861,7	98,5	580 405,3	138,2
Погашение кредитов от кредитных организаций	-172 301,5	-238 096,0	138,2	166,1	-395 389,2	79,0	-312 189,6	79,0	-418 084,8	133,9
Бюджетные кредиты от других бюджетов	10 869,9	126 768,2	1 166,2	129,7	164 363,9	48,5	79 795,7	48,5	4 954,7	6,2
Получение кредитов от других бюджетов	20 202,7	169 996,8	841,5	99,9	169 808,6	75,6	128 360,7	75,6	129 462,8	100,9
Погашение кредитов от других бюджетов	-9 332,9	-43 228,5	463,2	12,6	-5 444,7	892,0	-48 565,0	892,0	-124 508,1	256,4

[Расчеты автора по данным Минфина РФ и УФК РФ]

Таблица 2. Динамика объема государственного долга и дефицитов субъектов Российской Федерации в 2008–2012 гг.

млрд руб.

Показатели	2008 г.	2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.	
	факт	факт	% к 2008 г.	факт	% к 2009 г.	факт	% к 2010 г.	факт	% к 2011 г.
Объем государственного долга субъектов РФ	601,2	890,8	148,1	1 096,0	123,0	1 171,8	106,9	1 334,3	113,9
Дефицит бюджетов субъектов РФ	54,4	329,1	604,9	99,6	30,3	34,9	0,35	278,5	798,0

[Расчеты автора по данным Минфина РФ и УФК РФ]

Представленные данные демонстрируют долговое давление на экономику регионов: увеличившийся объем государственного долга, сыгравший роль «стабилизатора» в кризисный 2009 г., сдерживаемый в относительно спокойный период 2010–2011 гг., обернулся для регионов в 2012 г. повышенной долговой нагрузкой, усугубленной необходимостью возврата долга на фоне возросших социальных обязательств при отсутствии возможностей расширения доходной базы, прогнозируемом росте дефицитов бюджетов субъектов, вызванных необходимостью решения поставленных задач путем принятия новых расходных полномочий. Данные обстоятельства могут обернуться дисбалансом региональных бюджетов.

Даже если регионы в полном объеме выполнят возложенные на них обязательства, им придется это делать, в лучшем случае, за счет сокращения других расходов, в первую очередь, инвестиционного характера. В худшем же — «бедным» регионам ничего не останется, кроме наращивания долговых обязательств.

В условиях планируемого сокращения бюджетного кредитования из федерального бюджета под низкие проценты субъекты Российской Федерации будут вынуждены занимать средства на рынке, в том числе и на рынке ценных бумаг. Однако такие заимствования доступны не каждому региону — только Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО имеют инвестиционный кредитный рейтинг по версии Standard & Poor's. [Финансовая газета 04.03.2013].

Для многих других регионов осуществление заимствований в виде ценных бумаг будет проблематичным из-за достаточно

высоких ставок размещения для тех субъектов, которые имеют слабые бюджетные и экономические показатели и высокие показатели долговой нагрузки. В настоящее время только у 30 из 83 регионов Российской Федерации есть облигации в обращении на финансовом рынке.

В другом случае, как альтернатива, возможен вариант привлечения кредитов банков. В 2012 г. около четверти долгов приходилось на кредиты коммерческих банков. Данные таблицы 1 отражают рост привлечения кредитов банков в 2012 г. на 38,2%, при этом, как показывает практика, данные кредиты привлекаются как в целях финансирования дефицитов бюджетов, так и в целях погашения долговых обязательств. Намечившаяся в последнее время тенденция осуществления заимствований в целях погашения долговых обязательств еще раз подтверждает возрастание долговой нагрузки на бюджеты субъектов и свидетельствует о непроизводительном характере таких заимствований.

При этом следует учитывать, что процентные ставки банков «дороже» стоимости бюджетных кредитов, и если доходы региона оставляют желать лучшего, а расходы при этом постоянно увеличиваются, в том числе и на обслуживание долговых обязательств, то, в конце концов, и этот источник финансирования дефицита будет исчерпан. Также необходимо обратить внимание на тот факт, что при осуществлении таких заимствований «бедные» регионы сталкиваются с проблемой высокого кредитного риска: коммерческие банки неохотно кредитуют такие регионы, что влияет на сроки возможного привлечения и в итоге — на стоимость заимствования.

Таким образом, учитывая, что потенциал роста доходов у регионов сейчас ограничен, и при этом возрастают социальные обязательства, определенные руководством страны, — в ближайшей перспективе долговые обязательства и долговая нагрузка на бюджеты субъектов Российской Федерации будут увеличиваться.

Сокращение объемов бюджетного кредитования из федерального бюджета со 125 млрд рублей в 2012 г. до 70,0 млрд рублей в 2015 г. [Основные направления государственной долговой политики 2012: 44] отразится на увеличении доли ценных бумаг и коммерческих кредитов в структуре долгового портфеля регионов, на что обращается внимание и в заключении Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам на проект федерального бюджета на 2013–2015 гг.: «разница между полученными и возвращенными бюджетными кредитами субъектами Российской Федерации в 2013–2015 годах составит 177,2 млрд рублей. Это потребует увеличения заимствований региональных бюджетов с использованием рыночных механизмов, что отразится на стоимости обслуживания регионального долга и способности региональных бюджетов выполнять свои социальные обязательства» [Заключение комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам 2012].

На фоне значительного роста долговой нагрузки на бюджеты субъектов, опережающего роста расходов бюджетов субъектов по сравнению с их доходами и сокраще-

ния финансовой помощи из федерального бюджета, сконцентрированной преимущественно на устранении различий в социально-экономическом развитии регионов, дефицита собственных средств бюджетов регионов для исполнения значительно возросших расходных обязательств, органам государственной власти субъектов Российской Федерации предоставляется большая самостоятельность в управлении региональными финансами, что потребует от них проведения взвешенной, гибкой региональной долговой политики, направленной на решение одновременно нескольких проблем, связанных с обеспечением сбалансированности бюджетов при сохранении долговой устойчивости, поддержанием уровня кредитных рейтингов при соблюдении всех норм и требований бюджетного законодательства.

В таких условиях регионы вынуждены будут стремиться к осуществлению сбалансированной долговой политики, которая станет объектом постоянного мониторинга в целях необходимой модификации в соответствии с растущими рисками.

Таким образом, на сегодня особую актуальность приобретает дальнейшее исследование вопросов, связанных с управлением государственным долгом и выстраивания эффективной долговой политики, которая позволит привести к разработке управленческих решений с целью формирования модели создания оптимального объема и структуры государственного долга с минимальными затратами на его обслуживание.

Литература

- Анализ исполнения консолидированных и местных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2012 году (предварительные данные).* 2013 г. [электронный ресурс] // URL: http://www1.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/04/Analiz_budjetov.pdf (дата обращения: 19.04.2013).
- Бюджетный кодекс Российской Федерации.* 31.07.1998 №1 145-ФЗ. [электронный ресурс] // Справочно-консультативная система «Консультант-плюс» // URL: <http://www.consultant.ru/popular/budget/> (дата обращения: 20.04.2013).
- Заключение комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам на проект федерального закона № 143344-6 «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015».* 2012 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.council.gov.ru/structure/committees/5/legislation/resolution_accepted/28834 (дата обращения: 18.04.2013).
- Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов».* М, 2012. 356 с. [электронный ресурс] // URL: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/resolution-2013-2015-tree_files-fl-637.pdf (дата обращения: 20.04.2013).
- Основные направления государственной долговой политики Российской Федерации на 2013–2015 гг., 2012.* [электронный ресурс] // URL: http://www1.minfin.ru/ru/public_debt/policy/ (дата обращения: 20.04.2013).

Отчеты об исполнении федерального бюджета, 2008-2012 [электронный ресурс] Официальный сайт Казначейства России // URL:<http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/> (дата обращения: 20.04.2013).

Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки, 2013. [электронный ресурс] // URL:http://riarating.ru/regions_

study/20130312/610544708.html (дата обращения: 20.04.2013).

Финансовая газета от 04.03.2013, [электронный ресурс] //URL:http://fingazeta.ru/budget/ten-regionalnyih-defoltov_184137/?sphrase_id=735664; 12.03.2013 [электронный ресурс] http://fingazeta.ru/budget/prezident-nagruzil-regionyi-dolgami-184549/?sphrase_id=733084 (дата обращения: 20.04.2013).

References

[Analysis of Execution of Consolidated and Local Budgets of the Subjects of the Russian Federation in 2012 (preliminary information)]. 2013. An Internet resource: http://www1.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2013/04/Analiz_budjetov.pdf (accessed: April 19, 2013). (In Russ.)

[The Budgetary Code of the Russian Federation. 31.07.1998. No. 1 145-FZ. Consultant Plus Reference and Advisory System. An Internet resource: <http://www.consultant.ru/popular/budget/> (accessed: April 20, 2013). (In Russ.)

[The Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the Draft Federal Law "On the Federal Budget for 2013 and the 2014 and 2015 Planning Period". Moscow, 2012. 356 p. An Internet resource: http://www.ach.gov.ru/userfiles/tree/resolution-2013-2015-tree_files-fl-637.pdf (accessed: April 20, 2013). (In Russ.)

[The Conclusion of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets on Draft Federal Law No. 143344-6. "On the Federal Budget for 2013 and the 2014 and 2015 Planned Period". Moscow, 2012]. An Internet resource: <http://www.council.gov.ru/>

structure/committees/5/legislation/resolution_accepted/28834 (accessed: April 18, 2013). (In Russ.)

[Finance Newspaper]. 04.03.2013. An Internet resource: http://fingazeta.ru/budget/ten-regionalnyih-defoltov_184137/?sphrase_id=735664; 12.03.2013. An Internet resource: http://fingazeta.ru/budget/prezident-nagruzil-regionyi-dolgami-184549/?sphrase_id=733084 (accessed: April 20, 2013). (In Russ.)

[Main Directions of the State Debt Policy of the Russian Federation for 2013-2015, 2012]. An Internet resource: http://www1.minfin.ru/ru/public_debt/policy/ (accessed: April 20, 2013). (In Russ.)

[Rating of the Subjects of the Russian Federation on the Level of the Debt Burden, 2013]. An Internet resource: http://riarating.ru/regions_study/20130312/610544708.html (accessed: April 20, 2013). (In Russ.)

[Reports on the Execution of the Federal Budget, 2008–2012]. The Official Website of the Treasury of Russia. An Internet resource: <http://www.roskazna.ru/konsolidirovannogo-byudzheta-rf/> (accessed: April 20, 2013). (In Russ.)

**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ****К. А. Наминова*

Современный этап развития российской экономики, сопровождаемый политическими изменениями, административной реформой и децентрализацией полномочий, обусловил накопление положительных и отрицательных эколого-экономических последствий.

Отрицательные экологические изменения превысили внешние экономические результаты, и можно констатировать, что в настоящее время человечество переживает этап экологического кризиса, суть которого заключается в возникших противоречиях между безграничными возможностями человеческой деятельности и ограниченными возможностями биосферы в ресурсном обеспечении этой деятельности. То есть, эколого-экономические проблемы, возникшие в середине XIX века, не нашли своего решения в XX веке, обострились к началу третьего тысячелетия. Так, на рубеже XX–XXI вв. стала формироваться новая модель развития всей цивилизации [Натырова 2005: 3].

Очевидность этих процессов показала, что колоссальный рост масштабов человеческой деятельности в настоящее время придал качественно новые формы антропогенному воздействию на окружающую среду, сделав его по ряду параметров глобальным, сопоставимым по силе с геологическими процессами и ощутимо подрывающим как основы экономического воспроизводства, так и привычные условия жизнедеятельности.

Выходом из этой ситуации является общемировая реализация мировых национальных стратегий устойчивого развития, отраженных наиболее полно в «Повестке дня на XXI век», принятой Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Данный документ включает решение наиболее острых экономических и экологических проблем государства и в перспективе, к середине XXI в. — формирование ноосферы — сфе-

ры разума, где мерилom национального богатства выступают духовные ценности и знания человека, живущего в согласии с окружающей средой и природой. Кроме того, здесь затрагивается и региональный аспект, мероприятия которого достаточно широки: осуществление природоохранных мероприятий, практическая работа по оздоровлению населения, развитию социальной инфраструктуры, обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия.

Особый интерес в рамках развития Республики Калмыкия вызывают пути развития сельского хозяйства на основе экологически прогрессивных агротехнологий, адаптированных к местным условиям, реализация мер по повышению плодородия почвы и ее защите от эрозии и загрязнения, создание системы социальной защиты сельского населения и др.

В соответствии с Экологической доктриной Российской Федерации, для реализации обеспечения устойчивого природопользования выделены следующие ключевые задачи: неистощительное использование возобновляемых и рациональное использование невозобновляемых природных ресурсов. Для чего необходимы: внедрение комплексного природопользования, его ориентация на цели устойчивого развития Российской Федерации, включая экологически обоснованные методы использования земельных, водных, лесных, минеральных и других ресурсов; сокращение в структуре национальной экономики доли предприятий, эксплуатирующих природные ресурсы; развитие наукоемких природосберегающих высокотехнологичных производств; сохранение разнообразия используемых биологических ресурсов, их внутренней структуры и способности к саморегуляции и самовоспроизводству; максимально полное использование извлеченных полезных ископаемых и добытых биологических ресурсов, мини-

* Исследование выполнено в рамках внутривузовского гранта ФГБОУ ВПО «КалмГУ»-№ 878.

мизация отходов при их добыче и переработке; минимизация ущерба, наносимого природной среде при разведке и добыче полезных ископаемых, и др. [Об экологической 2002].

На основе концепции устойчивого развития ведутся интенсивные поиски методов интеграции экологических факторов в экономическое управление, в том числе использование экологических стандартов, развитие экологического страхования и др.

В зарубежных странах институт экологического страхования стал формироваться с 50 гг. XX в. и включал виды страхования рисков, связанных с загрязнением окружающей среды. Так, в Швеции по итогам ряда исков был установлен лимит страховой ответственности по экологическому страхованию в объеме 4 млн дол. Первоначально страхование ответственности за загрязнение окружающей среды в результате технической аварии являлось элементом договора страхования ответственности предприятий. В настоящее время отдельные работы посвящены методике страхования в случае не только аварийного, но и текущего загрязнения окружающей среды в рамках отдельных договоров страхования.

Хотя экологическое страхование в России существует не так давно, Министерство природы уже инициировало проведение эксперимента по развитию экологического страхования. Эксперимент проводился в соответствии с Положением о порядке проведения эксперимента по развитию экологического страхования, утвержденным приказом Минприроды России от 26 июля 1994 г., на базе Архангельской, Астраханской, Волгоградской, Вологодской, Ивановской, Иркутской областей, Краснодарского края, г. Санкт-Петербурга, Сергиево-Посадского района и г. Электростали Московской области.

Основными задачами эксперимента являлись:

- укрепление и развитие системы добровольного экологического страхования в регионах;
- экспериментальная апробация элементов обязательного экологического страхования на региональном уровне;
- поиск путей бюджетного и внебюджетного финансирования развития экологического страхования;

- разработка регионального механизма отнесения экологических страховых платежей предприятий и организаций к природоохранным мероприятиям, засчитываемым в счет платежей за загрязнение окружающей природной среды;
- разработка механизма взаимодействия территориальных органов охраны природы, администраций, предприятий и страховщиков в проведении экологического аудита предприятий и производств, определении ставок и способов уплаты страховых взносов и организации превентивных природоохранных работ.

Однако в современных условиях как обязательная, так и добровольная формы экологического страхования должным образом все еще не развиты. Типовое положение о порядке добровольного экологического страхования в Российской Федерации предписывает предоставление страховщиком страховой защиты гражданской (имущественной) ответственности страхователям за ущерб, причиненный третьим лицам в результате внезапного, непреднамеренного и неожиданного загрязнения окружающей природной среды на территории Российской Федерации.

Страхователями являются предприятия, учреждения, организации всех форм собственности, являющиеся юридическими лицами, расположенные на территории России, а также за ее пределами, но имеющие производственные мощности на территории Российской Федерации. В экологическом страховании объектом страхования, в соответствии с Типовым положением, является риск гражданской ответственности, выражающийся в предъявлении страхователем имущественных претензий физическими или юридическими лицами в соответствии с нормами гражданского законодательства о возмещении ущерба за загрязнения земельных угодий, водной среды или воздушного бассейна на территории действия конкретного договора страхования.

Под страховым событием понимается внезапное, непреднамеренное нанесение ущерба окружающей природной среде в результате аварий, приведших к выбросу загрязняющих веществ в атмосферу, загрязнению земной поверхности, сбросу сточных вод. Кроме того, перечислен перечень

загрязняющих веществ и причин страховых событий, ущерба по которым подлежат возмещению и оговариваются в каждом конкретном случае при заключении договора страхования.

В соответствии со ст.18 Закона «Об охране окружающей среды», экологическое страхование осуществляется в целях защиты имущественных интересов юридических и физических лиц на случай экологических рисков [Федеральный Закон «Об охране...»]. В Законе выделены объекты охраны окружающей среды: земли, недра, почвы; поверхностные и подземные воды; леса и иная растительность; животные и другие организмы и их генетический фонд; атмосферный воздух, озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство.

По мнению Н. В. Кручининой, экологическое страхование представляет собой рыночный механизм природоохранного управления, направленный на предупреждение и возмещение ущерба окружающей среде и ее компонентам. Страхование является классическим внебюджетным финансовым источником природоохранного управления [Кручинина 2010: 98]. С. Э. Гребенщиков отмечает, что экологическое страхование проводится в отношении загрязнения атмосферы и почвы, сбросов сточных вод, либо по отдельности, либо в комплексе, если таковые носят внезапный характер, представляют реальную угрозу здоровью человека или приносят существенный вред экологическому потенциалу территории [Гребенщиков 2011:50].

На основе анализа статьи 18 Федерального закона «Об охране окружающей среды» нами сделан вывод о том, что в экологическое страхование включается не только страхование гражданско-правовой ответственности предприятий-природопользователей. Экологическое страхование предполагает также страхование имущества физических и юридических лиц, в том числе страхование природных объектов. На основании изложенного предлагаем следующее определение экологического страхования. Экологическое страхование — это совокупность видов страхования, направленных на создание страховой защиты на случай причинения вреда окружающей среде, причинения убытков физическим, юридическим лицам и государству в результате загрязнения окружающей среды.

Выделим преимущества возмещения экологических убытков через механизм страхования [Батадеев 2007: 44]:

1. Страхование поможет предприятиям снизить их издержки, вызванные необходимостью удовлетворять претензии третьих лиц в связи с ущербом, нанесенным окружающей среде.
2. Оно способно дать гарантии потерпевшей стороне в получении причитающихся ей по закону сумм возмещения вне зависимости от финансового состояния причинителя вреда.
3. Страхование может частично выполнять функции контроля за выполнением требований по предупреждению случаев загрязнения.

Очевидно, что в основу системы экологического страхования положена экономическая оценка ущерба, причиненного окружающей среде.

В работе С. Э. Гребенщикова, со ссылкой на официальные данные источников Jauch & Hubener Gruppe, www.ecoguild1.narod.ru, AVP Zurich Environmental, рассмотрена эволюция подхода к страхованию рисков нанесения вреда окружающей природной среде и выделены следующие основные этапы:

- до наступления 1970-х годов. В этот период риски нанесения ущерба природной среде входят в состав страхового покрытия по умолчанию;
- 1970-е гг. После ряда резонансных судебных решений о крупных суммах по возмещению экологического ущерба названные риски исключаются из страхового покрытия;
- 1980-е гг. Страховщики выступают за отдельный страховой полис, покрывающий экологический риск;
- 1990-е гг. и первое десятилетие 2000-х гг. Страхование ущерба, причиняемого природной среде, получает широкое развитие в связи с принятием ряда законодательных актов, обязывающих возмещать экологический ущерб, в том числе причиняемый по неосторожности. Страхуют свою профессиональную ответственность и эксперты по вопросам окружающей среды. Страхуется экологическая ответственность опе-

- раторов уже закрытых свалок, перевозчиков опасных материалов, владельцев гаражей и т. д.
- 2009–2010 гг. Страхование от ущерба окружающей среде и внеплановых сбросов/ выбросов осуществляется как в виде комплексного страхования, так и отдельного полиса. В США в сумму экологического ущерба стали включать расходы на послеаварийную очистку террито-

рии. К классу экологических рисков относят и риски, связанные с изменением климата.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что экологическое страхование может выступать инструментом регулирования политики государства, направленным на снижение экологических рисков, способно уменьшить затраты государства на обеспечение экологической безопасности.

Литература

- Батадеев В. А. Экологическое страхование — необходимый инструмент защиты окружающей среды // *Финансы*. 2007. № 11. С. 42–45.
- Гребенщиков С. Э. Развитие экологического страхования: подходы и модели // *Финансы*. 2011. № 2. С. 50–54.
- Кручинина Н. В. Совершенствование экономических инструментов управления охраной окружающей среды и природопользованием в условиях перехода к устойчивому разви-

тию // *Менеджмент в России и за рубежом*, 2010. № 6. С. 95–101.

- Натырова К. А. Условия и факторы обеспечения экологической устойчивости региональной социоприродохозяйственной системы (на материалах Республики Калмыкия): дис. ... канд. эконом. наук. Элиста, 2005. 155 с.
- Об Экологической доктрине Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. # 1225-р.
- Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

References

- Batadeev V. A. [Ecological Insurance is a Necessary Instrument for Environment Protection]. *Finance*. 2007. No. 11. Pp. 42–45. (In Russ.)
- [The Federal Law No. 7-FZ “On Environmental Protection”]. January 10, 2002. (In Russ.)
- Grebenschikov S. E. [Development of the Ecological Insurance: Approaches and Models]. *Finance*. 2011. No. 2. Pp. 50–54. (In Russ.)
- Kruchinina N. V. [Improvement of Economic Instruments of Environment Protection and Natural Resources Management in Transition

to Sustainable Development]. *Management in Russia and Abroad*. 2010. No. 6. Pp. 95–101. (In Russ.)

- Natyrova K. A. [Conditions and Factors of Ensuring Environmental Sustainability of Regional Socio-Economic System (on the materials of the Republic of Kalmykia)]. Cand. Sc. thesis (Economics). Elista, 2005. 155 p. (In Russ.)
- [On Ecological Doctrine of the Russian Federation: RF Government Decree]. August 31, 2002 . No. 1225-r. (In Russ.)

УДК 316.4
ББК 60.5

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Э. Страдзе

Социальная активность в российском обществе как социально преобразующая деятельность различных социальных групп и слоев становится предметом оживленной публичной дискуссии. На обсуждение выносятся вопросы о том, в какой степени российское общество нуждается в повышении активности населения и, что не менее важно, в каких формах выражается социальная активность населения. Выявляется протестная активность, ведущая к росту социальной конфликтности и кризисному развитию общества. Налицо также конструктивная социальная активность, ориентированная на включение и участие различных групп населения в социокультурной модернизации российского общества. Социальная активность в российском обществе рассматривается в структурном аспекте (З. Т. Голенкова, Н. Е. Римашевская), определяются ее институциональные возможности (И. Е. Дискин, М. А. Шабанова). Можно констатировать, что социологический анализ социальной активности приобретает социально-диагностический и социально-прогностический смысл. Так, М. К. Горшков предлагает комплексный подход к проблеме социальной активности, связанный с исследованием различных форм социальной активности в соответствии с социально-статусными и социально-территориальными показателями [Горшков 2011]. Рассматривая перспективы оформления проблемы социальной активности в социологическую парадигму, И. Е. Халий подчеркивает, что осмысление социальной активности требует соотнесения макросоциальных факторов с определенными социальными силами, ценностями и нормами [Халий 2007: 13].

На наш взгляд, актуально значимым представляется анализ идентификационных оснований социальной активности, того, каким образом социальная активность форми-

рует идентификационную матрицу и каким способом в контексте социальной активности индивид или группа самоопределяется в обществе. Так как социальная активность предполагает внедрение и реализацию новых институциональных образцов, связана с переменами в социальном самочувствии и социальной самооценке, можно считать, что доминирующими в понимании социальной активности как конструирования социальной идентичности являются идентификационные тренды, которые, в отличие от привычных маркеров социально-стратификационной принадлежности, фиксируют транзитивность идентификационных образцов и вместе с тем содержат образ самоопределения через самоутверждение в определенных формах социальной активности. Сложность исследовательской ситуации заключается, во-первых, в том, что в российском обществе социальная активность характеризует деятельность 6–7% населения — тех, кто участвует в организованных или нерегулярных социальных акциях. Во-вторых, социальная активность не воспринимается как базовый компонент идентификационного выбора, поскольку все еще доминируют «архаичные» социально-профессиональные и социально-территориальные самоопределения. Поэтому в соотнесении социальной активности и идентификационных трендов важно выявить степень влияния социальной активности на конструирование социальной идентичности и, в свою очередь, определить рамки социальной активности как привязки к определенному идентификационному выбору.

Как показывают данные социологических исследований, проводимых ИС РАН в течение длительного периода, в целом у россиян наметился определенный отход от активности советского периода, которая отождествлялась с идеологическими ориен-

тирами, являлась индикатором социальной и политической лояльности личности. Наряду с этим обстоятельством можно подчеркнуть, что, хотя резко снижается инерциальное влияние «коллективной» активности, ориентированной на принятие социальной макроидентичности, новые идентификационные образцы представляются социально микроскопизированными, не выходящими за пределы референтного круга семьи, знакомых и коллег. Очевидно, что «не работают» идеологические и мировоззренческие маркеры, и это связано с представлением о социальной активности как общественном долге или определенной идеологической ориентированности, так же очевидно, что в российском обществе социальная активность отождествляется с социальным альтруизмом, стремлением приносить общественную пользу, но такая позиция не содержит обязательности идентификационного выбора и зависит от обретения «общего дела» в контексте успешности реализуемой инициативы для формирования чувства социальной сплоченности.

Касаясь идентификационных трендов россиян, также следует подчеркнуть, что в российском обществе заявлена необходимость формирования гражданской нации, в то же время ощущается влияние минимизации социальной активности, противоречащей интересам отождествления индивида с более широкой группой [Горшков 2011: 258]. В современном российском обществе идентичность — это не только и не столько отождествление с социальным слоем, но, прежде всего, определение возможных перспектив продвижения в новом пространстве социального расслоения или отсутствия таковых [Социальные трансформации в России 2005: 352]. С этим утверждением можно было бы согласиться, если бы в российском обществе не наблюдалось резкое снижение восходящей социальной мобильности, не возникли псевдосословные перегородки, и идентификационный выбор не базировался на рационализации жизненных шансов. Поэтому идентификационные тренды выявляют преобладание воображаемых, символических идентичностей над социоресурсными идентичностями. Иными словами, социальное самоопределение мыслится не столько как соотнесение с определенными статусными показателями, сколько в большей степени отражает социальные ожидания, стремление к тому, кем бы человек хотел быть.

Социальная активность становится формой социального самоопределения, если включается в ресурсность личности или группы, повышает положительную социальную самооценку и влияет на отношение к обществу и государству.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что только 10% россиян руководствуются интересами государства [Горшков 2011: 265], и такая позиция определяется тем, что социальная активность рассматривается как добровольный индивидуальный выбор, не содержит формулы взаимных обязательств между личностью и обществом и часто стимулируется тем, что население вынуждено возмещать недостатки деятельности органов власти. Идентификационные тренды во многом определяются тем, насколько человек осознает себя близким или далеким от государства, коллектива или своей семьи, и в какой степени он может влиять на принятие тех или иных решений. При этом можно сказать, что 72% респондентов ощущают себя в первую очередь россиянами [Горшков 2011: 275].

Возможно, что расхождение между принятием российской идентичности и перемещением социальной активности на социальный микроуровень является результатом инерциального представления о российской идентичности как «привязанности к государству», фиксирующего определенный правовой статус личности. Вместе с тем российская идентичность представляется параллельной возникающим множественным микроидентичностям. Социальная активность в этом смысле могла бы выступить передаточным звеном, так как она переводит активность микроуровня в состояние формирования общих интересов и, что не менее важно, коллективного самоопределения, принадлежности к социально активным группам как важнейшему социальному ресурсу.

В отмеченной нами ситуации принятие российской идентичности обусловлено легитимацией российской государственности, тем, что россияне исходят из принадлежности к российскому государству как новой идентификационной матрице, хотя и не обладающей позитивной солидарностью, но основанной на национальной гордости и во многом обязанной «исторической памяти». Важным является и то, что в условиях растущей глобальной конкуренции, накопле-

ния глобальных вызовов возрастает чувство «суверенности», коллективной самозащиты, связанной с возрастающим внешним давлением, с тем, что несмотря на внутриполитические проблемы, россияне ощущают достаточно высокую степень консолидированности в оценке внешнего мира.

С одной стороны, «плюс» такой ситуации состоит в том, что она препятствует дезинтеграции российского общества на социальном макроуровне. С другой стороны, на социальном микроуровне в силу негативной мобилизации общества не наблюдается расширение возможностей социальной активности для определения формулы взаимной ответственности, способствующей усилению значения интегративных поведенческих образцов, что воспроизводит дуализм интересов общества и личности.

Рассматривая данную ситуацию, также следует заметить, что большинство россиян, исходя из того, что гражданская активность является важнейшим элементом социальной модернизации общества, и оценивая ее достаточно высоко (47%), не считает актуальным и важным это качество (23%), более того, угасание ответственности делает ориентацию на гражданскую идентичность в высокой степени декларированной [Готово ли российское общество к модернизации 2011: 97]. Серьезной проблемой развития социальной активности в российском обществе является не только пессимизм по отношению к гражданским инициативам, но и оценка значимости социальной активности.

Социальная активность пока не содержит идентификационные тренды, с которыми можно было бы отождествить интегративные идентификационные образцы. Характерно, что российское общество, реагируя в целом болезненно на национальный, этнический и религиозный экстремизм, не противопоставляет ей социальную активность в качестве гражданского участия. Для большинства россиян «единство общества» остается желанной, но ритуальной формулой. Можно констатировать, что дело не только в советском наследии или в том факте, что российское общество остро ощущает последствия социального неравенства. Важное значение, на наш взгляд, имеет то, что доминирует стремление «нарастить» зарубежные аналоги социальной активности, особенно это касается деятельности общественных организаций, выводящих соци-

альную активность на уровень консолидации социальных общностей [Халий 2007: 73].

Гражданская идентичность не рассматривается в массовом сознании как индикатор социальной зрелости, в то же время оценка социальной идентичности соотносится с тем, как россияне относятся к тем или иным проявлениям социальной активности. В этой ситуации просматривается особенность восприятия социальной активности как активности, направленной на практические дела и не связанной с устойчивым самоопределением. В сложившихся условиях речь не идет о том, что население перестает идентифицировать себя с государственными институтами; в большей степени это касается гражданской солидарности как сопричастности всех членов общества к национальным целям и государственной публичной политике [Горшков 2011: 335].

Идентификация на основе социальной активности связывается с двумя расходящимися тенденциями. С одной стороны, с тенденцией превращения России в общество разумности, стабильности и порядка, с другой — с наступлением периода глубокого кризиса. В то же время активность, рассматриваемая как оказание регулярной помощи и участие граждан в общественной жизни, достаточно низка (по мнению 6% опрошенных) [Горшков 2011: 98]. Это значительно снижает влияние социальной активности на формирование идентичности по сравнению с существующими на социальном микроуровне другими социальными идентичностями, определяемыми по критерию близости или коллегиальности, а также по критерию принадлежности к определенному этносу или конкретной религии.

Общественные организации, работающие по «советской» модели интегрированности с государством, несомненно, вносят вклад в обеспечение «минимального» социального участия населения, но не учитывают фактор гражданской самоорганизации, запоздало реагируют на возникающие социальные, экологические, региональные проблемы. Новые общественные организации, хотя и претендуют на значимую роль в стимулировании социальной активности, не являются доминирующими в определении векторности идентификационных трендов. Речь идет о том, что не достигнуто состояние рационального коллективного субъекта — того состояния, в котором социальная ак-

тивность является организованной формой социального самоопределения.

На наш взгляд, социальная активность, проецируемая на существующие общественные структуры, отличается неопределенностью по отношению к общественным запросам, так как их деятельность характеризуется преобладанием интересов «организационного» воспроизводства и укрепления позиций «профессионального» актива, в меньшей степени — ориентацией на интересы социальных и социально-профессиональных групп, демонстрирующих стремление к социальному «реваншу», наращиванию социально-репутационного капитала.

Можно констатировать, что актуальным является не только формирование необходимого правового и организационного минимума социальной активности, но и перевод «количества в качество», сближение между активом общественных организаций, социальная инициативность которых высоко оценивается россиянами (34,6 %) [О чем мечтают россияне? 2012: 32]. Не преодолев различия между тем, что является сферой личной ответственности, обустройства личной жизни, и тем, что относится к заботе об обществе в целом, динамика общественных настроений показывает, что необходимо расширять возможности социальной активности, понимаемой как привлечение граждан для реализации различных региональных и локальных инициатив. Вместе с тем, формируя представления об общественных организациях как базисных элементах социальной жизни, россияне демонстрируют критический подход к мультиплицированию социальной активности.

М. К. Горшков подчеркивает, что есть необходимость усиления аналитического потенциала общественных организаций, которые смогли бы выполнить функцию интеллектуального обеспечения, выработки решений и, с другой стороны, стать инструментом общественного контроля [Горшков 2011: 579]. Иными словами, признается, что современные общественные организации страдают дефицитом не только социальной привлекательности, социальной мобилиционности, но и не отличаются профессионализмом экспертной базы. Что необходимо для обеспечения соответствующего интеллектуального уровня общественных организаций? В связи с этим можно отметить, что в российском обществе существует разрыв между интеллектуальными параме-

трами организаций, связанных с профессиональной средой (наука, армия, экология), и организациями, которые формируются под влиянием популярной в обществе проблематики (защита прав человека, коррупция), в которых явно «высвечивается» влияние примкнувших непрофессионалов и популистов.

Очевидно, что защита прав человека, которая призвана оживить борьбу гражданского общества, в реальности приводит к политизации социальной активности, ставит барьеры на пути диалога власти и общества. В современных условиях есть опасность, что для российского общества реальный запрос на борьбу с коррупцией, улучшение качества жизни, равенство перед законом может превратиться в инструмент манипулирования общественным мнением, привести к противостоянию отдельных общественных групп и государства, учитывая политическую ангажированность грантоориентированного сегмента НКО.

Противоположностью этому является неаффилированное взаимодействие властных структур и общественных организаций по принципу решения сложившихся ситуаций, когда общественные структуры самостоятельны, а государство заинтересовано в том, чтобы получать и увеличивать ресурс социальной поддержки. Оценивая ресурсность общественных движений как институционализированных форм социальной активности, эксперт И. А. Халий отмечает, что, в соответствии с теорией мобилизации ресурсов, ресурсы становятся отправной точкой при выборе тактики действий [Халий 2007: 72–73].

В этом аспекте отметим достаточно интересное явление, когда для большинства организаций заявкой является получение организационных и финансовых ресурсов, вернее, «организация» создается под определенные финансовые ресурсы, причем заявка делается на то, чтобы попасть в строку финансирования. Между тем, упускается из виду то, что наиболее эффективной альтернативой этим сложным процедурам является донорство со стороны бизнес-структур и конкретных граждан. Для этого необходимо, чтобы была заинтересованность в хорошей репутации общественных организаций, с одной стороны, с другой — личная заинтересованность граждан в решении заявленных проблем [Халий 2007: 74]. В реальности же наблюдается иное: обще-

ственные организации часто зависят не от широкой общественной поддержки, а от позиции «спонсоров», что вносит определенные репутационные убытки в реализацию общественных инициатив, сеет подозрения в извлечении ими выгоды.

Но если такова их практика, то стоит ли ожидать поворота к социальной активности населения — в принадлежности к общественной организации как доминирующему идентификационному выбору. Вероятно, оптимальным является нахождение тех локусов общественной жизни, которые волнуют и пострадавших от «перемен», и полагающих свою ситуацию нормальной, что может считаться не менее влиятельной силой сопринадлежности, чем традиционная государственническая позиция. Волнующих российское общество проблем достаточно много, начиная от морального кризиса и заканчивая проблемами качества образования, что выявляет потребность в социально активной позиции, позиции, которая содержит сопричастность к группам социального действия, к балансу интересов самореализации и общественной полезности. Эта позиция позволяет преодолеть эффект социального анархизма, получивший распространение в 1990-е годы, и перейти от «маргинализации» социальной активности к ее реальному влиянию на социальное самоопределение россиян, на нарастание идентификационных трендов, связанных с формированием новой гражданской общности. Хотя 40 % россиян позиционируют эгоцентризм, дистанцированность от дел общества и государства, треть населения

готова участвовать в различных общественных движениях на основе формулы взаимного исполнения обязательств [О чем мечтают россияне? 2012: 129].

На основании анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, социальная активность стимулируется идентификационным запросом, запросом на самоопределение человека в российском обществе с конфликтным плюрализмом интересов и неформальностью схем группового и индивидуального представительства. Во-вторых, существующие практики общественных движений показывают, что вне формирования макросистемной идентичности как идентичности гражданской ассоциированности трудно надеяться на укрепление социальной консолидации российского общества. В-третьих, действующие идентификационные тренды выявляют «узость» идентичностей социального микроуровня для решения, казалось бы, частных проблем, так как не повышают степень идентификационной определенности в обществе. В-четвертых, очевидно, что в условиях избыточных социальных неравенств со-принадлежность по формам социальной активности является инструментом повышения социального оптимизма и налаживания форм конструктивного социального взаимодействия между различными социальными группами, которые при ориентации на социально-стратификационные показатели либо вступают в конфликт интересов, либо действуют по схеме ограничения контактов с другими слоями населения.

Литература

- 20 лет реформ глазами россиян.* М.: ИС РАН, 2011. 304 с.
- Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
- Готово ли российское общество к модернизации.* М.: ИС РАН, 2010. 179 с.

О чем мечтают россияне? М.: ИС РАН, 2012. 181 с.

Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 352.

Халий И. А. Современные общественные движения. М.: ИС РАН, 2007. 300 с.

References

- [20 Years of Reforms through the Eyes of Russians]. Moscow, Institute of Sociology of the RAS, 2011. 304 p. (In Russ.)
- Gorshkov M. K. [Russian Society as It Is]. Moscow: Novyi Chronograph, 2011. 672 p. (In Russ.)
- Khaliy I. A. [Modern Social Movements]. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 2007. 300 p. (In Russ.)

[Social Transformations in Russia: Theories, Practices, Comparative Analysis]. Moscow, 2005. P. 352. (In Russ.)

[What do Russians Dream about?] Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 2012. 181 p. (In Russ.)

[Whether Russian Society is Ready for Modernization]. Moscow: Institute of Sociology of the RAS, 2010. 179 p. (In Russ.)

УДК 314.012
ББК У65

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Д. М. Чурюмова

Жизнь человеческих обществ не стоит на месте. Старые формы жизни и способы существования постепенно оттесняются и заменяются новыми, которые становятся предметом внимания ученых. По мнению некоторых исследователей, в развитых странах Запада и Востока сформировалась новая система устройства общественной жизни, которую они называют общественным жизнеустройством [Немгирова, Полтавцев 2012: 77].

Концепция жизнеустройства населения определенной территории непосредственно соприкасается с демографией — воспроизводством населения. Демографу импонирует то, что демопроект представляет в системе жизнеустройства ведущее направление. Кроме того, демопроектное подразделение связано с другими подразделениями системы жизнеустройства, что позволяет рассмотреть демографическое производство в различных связях и аспектах. Таким образом, концепция жизнеустройства является плодотворной и перспективной для исследований.

В демопроектном процессе участвуют три фактора — семья, материальное производство и общество со своими институтами. Поскольку демопроект связано с производством вещей, оно имеет экономический аспект. В этом аспекте демографы выделяют экономику народонаселения и экономическую демографию, которые изучают диалектическое взаимовлияние производства и демопроекта. Проблемы их взаимоотношений сложны и не полностью еще разрешены, но очевидно одно: население выступает и как производитель благ, и как их потребитель. Люди инициируют создание благ, поэтому производство вещей по своей природе подчинено демографическому производству.

В демографии демопроект на макроуровне исследуется теорией воспроизводства населения через обобщенные процессы рождаемости, смертности, половоз-

растной структуры, брачности, миграции и т. п. На микроуровне оно рассматривается как репродуктивная деятельность семьи и женщины [Полтавцев, Чурюмова 2012: 92].

Воспроизводство населения — это постоянное возобновление его численности и структуры в процессе смены человеческих поколений на основе рождаемости, смертности и миграции. Процесс самосохранения населения в ходе непрерывных изменений является предметом изучения демографии. Воспроизводство населения рассматривается как сочетание его естественного, пространственного и социального движения. Каждая форма движения населения представляется либо демографическим процессом, либо совокупностью таких процессов, которые образуют на определенном этапе демографическую ситуацию.

Демографическая ситуация в Республике Калмыкия имеет как положительные, так и отрицательные черты. В целом же прогнозируется, что в ближайшие годы Республика Калмыкия будет терять не только общую численность населения, но и население в трудоспособном возрасте. Причем, численность населения в трудоспособном возрасте будет убывать быстрее, чем общая численность населения. В результате будет возрастать экономическая нагрузка на трудоспособное население республики. Так, по данным на начало 2012 г. (данные с учетом итогов переписи), на пороге вступления в трудоспособный возраст (16 лет) было 3701 человек. Через 10 лет в трудоспособный возраст будут вступать те, кому сейчас 6 лет, а таких только 3673 человека, то есть на 28 человек меньше. В пенсионный возраст на начало 2012 г. вступили 3822 человека, а через 10 лет этого возраста достигнут 4618 человек, то есть на 796 больше. Их численность за 10 лет за счет смертности изменится незначительно, так как смертность в этих возрастных группах не столь велика (949 человек или 3,3 промилле), чтобы кардинально изменить ситуацию. Основным фак-

тором снижения численности населения региона остается внешняя миграция, которая в группе трудоспособного возраста значительна: так, за 2011 г. убыль населения этой возрастной группы составляла 2997 человек (в 2012 г. — 3301 человек).

Возрастная структура населения свидетельствует о том, что, по объективным причинам, в Калмыкии ускоряется рост численности и доли населения старшей возрастной группы. С одной стороны, в республике наблюдается улучшение показателей рождаемости и смертности, с другой — негативное влияние оказывает отрицательный миграционный прирост, который и определяет общую убыль населения (см. рис. 1).

Перепады в численности групп разных поколений очень болезненны для экономики из-за больших колебаний «входа» и «выхода» из трудовых ресурсов. Эти перепады влияют на численность пенсионеров, расходы пенсионного фонда и фонда обязательного медицинского страхования, на изменение численности детей-дошкольников

и школьников, расходы на дошкольное и школьное образование и т. п. Главной причиной сохранения неровности возрастной структуры является волнообразное изменение числа рождений.

Снижение суммарной рождаемости сопровождается изменениями в распределении рождений по возрасту матери. Как правило, рождаемость снижается тогда, когда женщины начинают ограничивать размер собственной семьи, заканчивая деторождение и воспроизводство семьи раньше, чем в свое время их матери. Соответственно снижаются: рождаемость в старших возрастах и средний возраст матери при рождении ребенка. Когда рождаемость населения уже относительно низка, наблюдается другой процесс: женщины затягивают с рождением ребенка, что сокращает рождаемость в молодом возрасте и увеличивает средний возраст матери при рождении ребенка [Щербакова 2009]. Эти процессы наглядно прослеживаются в изменении возрастных коэффициентов рождаемости в республике.

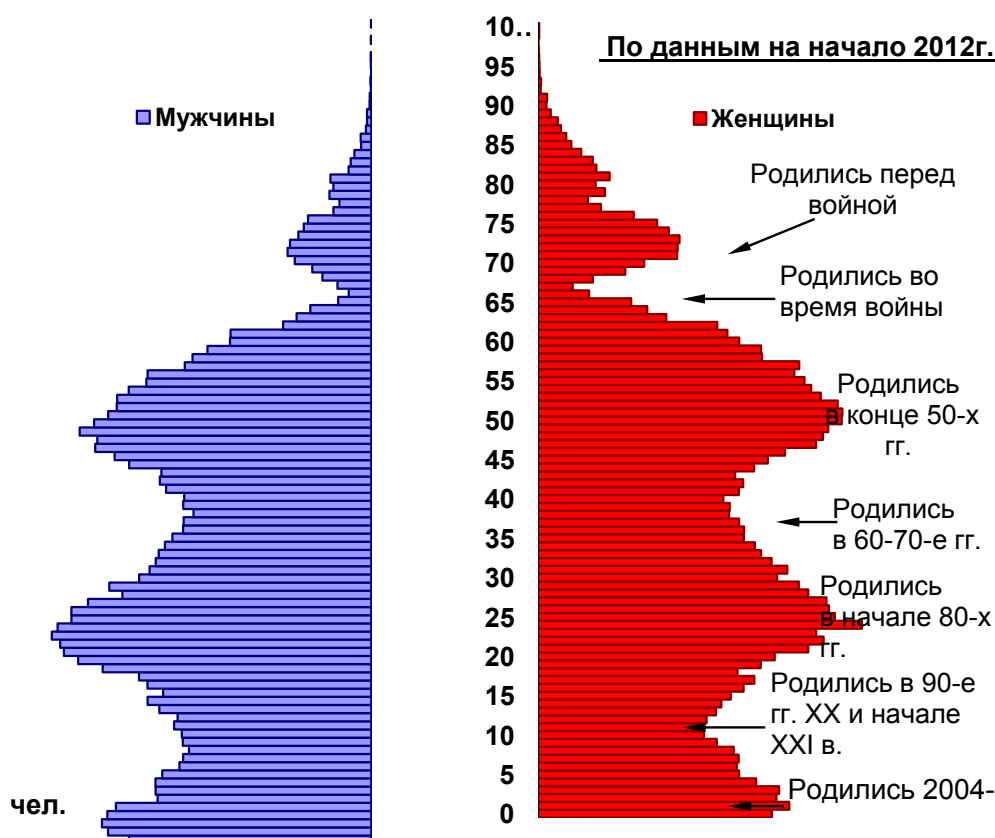

Рис. 1. Возрастно-половая структура населения Республики Калмыкия

Рождаемость существенно сократилась у женщин старшего репродуктивного возраста (45–49 лет). Одновременно сократилась рождаемость женщин наиболее плодотворных возрастов — на 0,4% в группе 20–24 лет, а в группе 25–29 лет увеличилась на 20,0%. На том же уровне осталась рождае-

мость и самой младшей возрастной группы потенциальных матерей — 12,7‰. В то же время увеличилась рождаемость 30-летних женщин (на 68,9%). Пик рождаемости переместился на возрастные периоды 25–29 лет (113 рождений на 1000 женщин) и 30–34 года (79) (см. рис. 2).

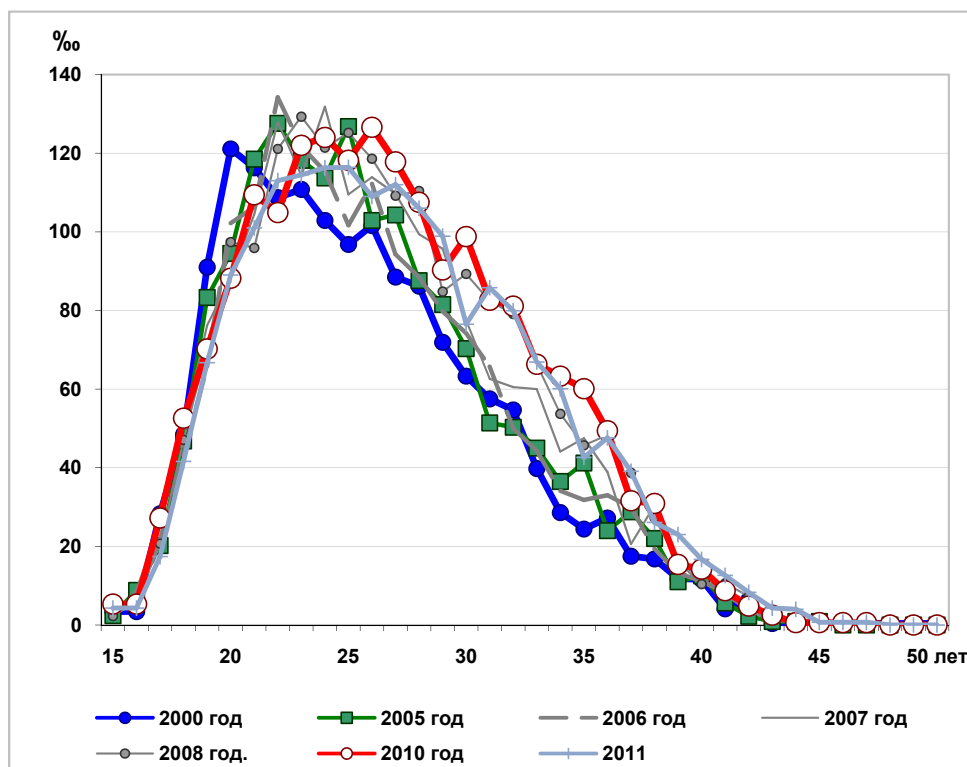

Рис. 2. Возрастные коэффициенты рождаемости, ‰

В качестве обобщающей характеристики рождаемости обычно рассматривается коэффициент суммарной рождаемости. Он показывает, сколько детей в среднем родила бы одна женщина на протяжении своей жизни (в возрасте от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости

того года, для которого он вычислен.

В Калмыкии данный показатель всегда находился на уровне выше среднероссийского: если в начале 2000-х гг. значение суммарного коэффициента рождаемости составляло 1,5 ребенка на женщину, то в 2007 г. и в 2011 г. — 1,8 (см. рис. 3).

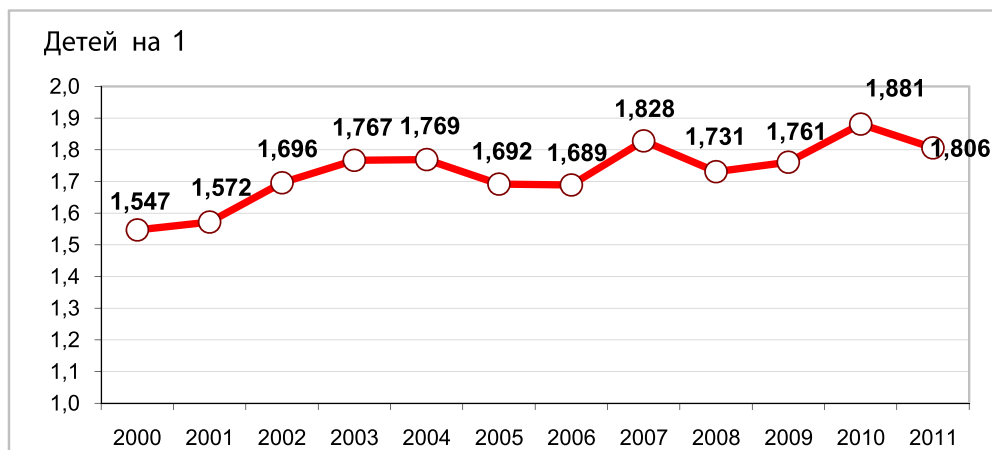

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости

Еще один показатель снижения численности населения региона — смертность населения в трудоспособном возрасте. Ситуация, связанная со смертностью населения, изменилась в лучшую сторону, наметилась тенденция к постепенному снижению смертности населения в трудоспособных возрастах и детей до 14 лет. По сравнению с уровнем 2000 г. в 2011 г. в республике

число умерших детей в возрасте 0–14 лет на 100 000 населения соответствующего возраста снизилось на 32,5 %; число умерших в возрасте 15–19 лет снизилось вдвое; число умерших в возрасте 50–54 лет — на 30,1 %.

Возрастные коэффициенты смертности предоставляют оптимальные возможности для анализа уровня смертности (см. рис. 4).

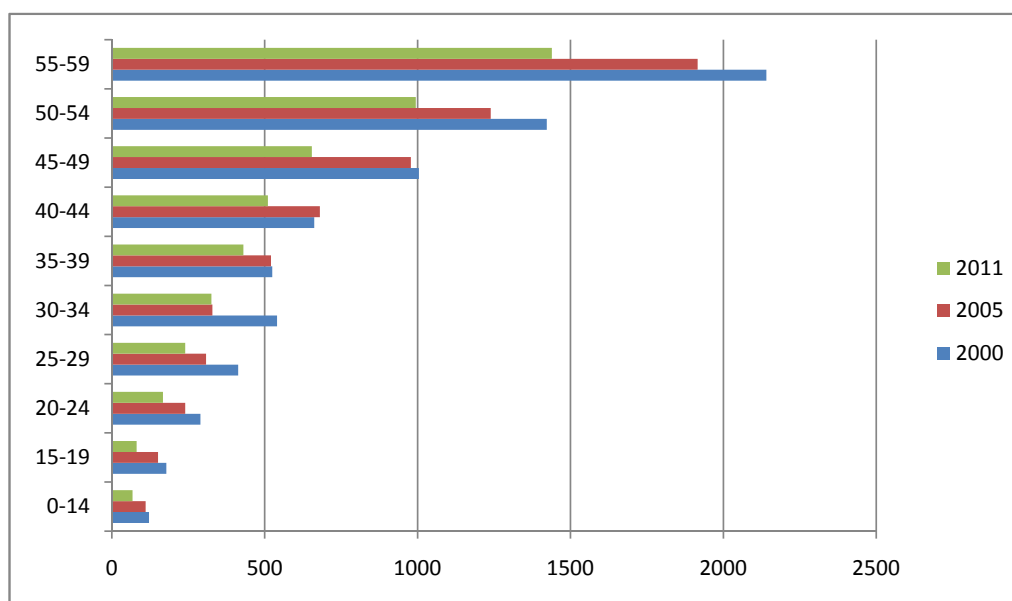

Рис. 4. *Возрастные коэффициенты смертности по Республике Калмыкия, ‰ (на 100000 населения соответствующего возраста)*

Стратегическая цель современной демографической политики России — снижение смертности населения в трудоспособном возрасте, снижение младенческой и материнской смертности, повышение рождаемости и продолжительности активной жизни, регулирование внутренней и внешней миграции.

Проблема миграции населения в республике остается наиболее острой. Если охарактеризовать масштабы передвижения граждан республики, то можно прийти к неутешительным выводам: доля внутренних миграций в общем объеме переселений увеличилась с 59,6 % до 61,1 % (особенно из села в город), в составе мигрантов преобладает население в трудоспособном возрасте, на долю которого приходится $\frac{3}{4}$ от общего их числа, во внешнем миграционном обороте доминирует миграционный обмен (сумма прибывших и выбывших) с Российской Федерацией, за счет которого республика потеряла 4175 человек в 2012 г.

В миграционной убыли 2005 г. основной удельный вес приходился на 25–29-летних мигрантов (13,6 %), в 2010 г. и 2012 г. модальный интервал находился в возрастной группе 20–24 года (21,8 % и 19,7 % соответственно). Таким образом, возраст убывающих мигрантов помолодел. Убыль населения Республики Калмыкия происходит на фоне притока мигрантов из стран СНГ (Киргизия, Узбекистан) (см. рис. 5).

Ключевыми причинами, определяющими неестественно высокий уровень миграционной активности и внутренней межрегиональной миграции и ведущими к дальнейшим перекосам в пространственном и региональном развитии, являются понижение уровня социально-экономического развития региона, дефекты межбюджетного регулирования, снижение структурной сложности экономики, деформация структуры труда и баланса трудовых ресурсов, ослабление социальной инфраструктуры [Чурюмова 2012].

Миграция является стихийным, но не хаотичным процессом, так как подчиняется определенным закономерностям и направлениям. Основной же поток в настоящее

время представлен мигрантами, которые имеют целью заработка, закрепление на новом месте и создание возможности переселения всей семьи.

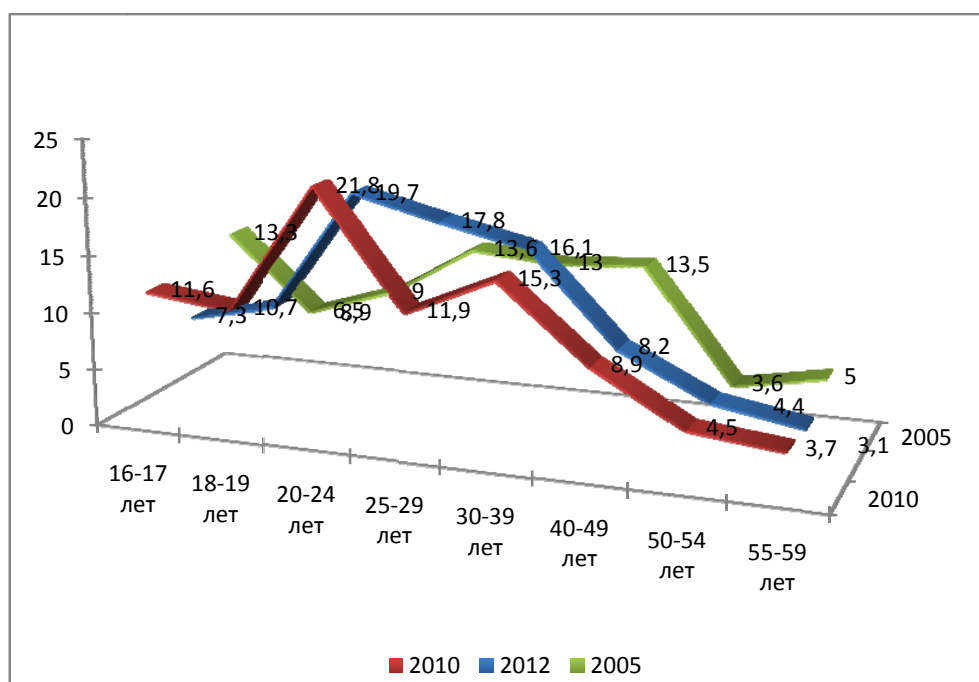

Рис. 5. Распределение мигрантов по возрастным группам в миграционной убыли внешней для региона миграции, %

Миграционная привлекательность характеризуется показателем коэффициента миграционного прироста в расчете на 10000 человек населения, положительное значение говорит о привлекательности данного региона и более высоком уровне и качестве жизни, отрицательное свидетельствует об обратном. В республике данный показатель сохраняется на отрицательном уровне и в последние годы только увеличивается (в 2012 г. коэффициент интенсивности миграции равен — (-) 138,6 человек.).

На сегодняшний день миграционные процессы не являются просто механическим передвижением населения: под их воздействием меняются социальная структура, этнический состав, размещение и расселение населения. Связь между экономическими, социальными и демографическими показателями и миграционным поведением населения несомненна, поэтому проблема миграции требует особого внимания региональных властей. Л. В. Намруева отмечает такие последствия миграционных процессов и возрастающей социальной мобильности представителей титульного населения республики, как

трансформация этничности, ассимиляция их в условиях современного мультикультурного пространства [Намруева 2011: 87]. С целью упорядочения миграционных процессов региональным властям следует реализовать механизм социальной технологизации, включающий в себя как социально-административные (развитие инфраструктуры, проведение мониторинга эффективности социального управления в сфере миграционных процессов), так и социальные (создание достойных условий жизни), толерантность группы мер социального управления [Бадмаева 2011: 162].

Одним из направлений разработки стратегии привлекательности Республики Калмыкия может стать Концепция стратегического развития Республики Калмыкия до 2035 г., предполагающая в первую очередь развитие социальной сферы услуг — спорт, туризм, досуг и культура. Республика располагает целым комплексом благоприятных условий для формирования на своей территории экономики в сфере спортивных, культурных, туристических и иных услуг — географическое положение, климатический фактор, демографические ресурсы.

Развитие экономики сферы услуг позволит решить потребность региона в транспортной инфраструктуре (железнодорожной, авиационной, автодорожной). Новые современные дороги в восточной части Северного Кавказа позволят связать Запад и Россию с Востоком и Югом азиатского континента кратчайшими путями [Кодлаев, Сангаджиев, Полтавцев 2013: 103].

Таким образом, очевидна необходимость формирования политики привле-

кательности региона, которая должна представлять собой целенаправленное управление ресурсами, находящимися в распоряжении субъекта федерации, политики, направленной в первую очередь для населения региона; превращение существующей демографической ситуации в благоприятную через выработку перспективной стратегии развития муниципальных районов республики и региона в целом.

Литература

- Бадмаева Н. В. Применение социальных технологий в управлении миграционными процессами в регионе: к постановке проблемы. Вестник КИГИ РАН. 2011. № 2. С. 160–162.
- Кодлаев В. Б., Сангаджиев Ю. И., Полтавцев Ю. Г. Организация спортивно-культурного центра федерального значения в Республике Калмыкия // Экономическое и социальное развитие республик Юга России в переходный период и в условиях инновационного экономического роста. Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею профессора С. Б. Бадмаева (Элиста, 28–29 марта 2013 г.) Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. С. 103–105.
- Намруева Л. В. Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере Калмыкии) // Вестник РУДН. Серия Социология. 2011. № 2. С. 87–92.
- Немгирова С. Н., Полтавцев Ю. Г. Система

общественного жизнеустройства: новый взгляд // Мат-лы Межвузов. науч.-практ. конф. «Реформирование в экономике и праве как фактор развития России и ее регионов» (28–29 сентября 2012 г.). Изд-во: МАЭП, 2013. С. 77–87.

Полтавцев Ю. Г., Чурюмова Д. М. Демопродводство как подразделение общественного жизнеустройства // Материалы Межвузовской научно-практической конференции «Реформирование в экономике и праве как фактор развития России и ее регионов» (28–29 сентября 2012 г.). С. 92–100.

Статистический ежегодник «Калмыкия в цифрах». Элиста Калмыкиястат, 2012. 325 с.

Чурюмова Д. М. Развитие демографических процессов в Республике Калмыкия, аналитическая записка. Элиста: Калмыкиястат, 2012.

Щербак Е. Российский демографический барометр [электронный ресурс], 2011. (дата обращения: 16.05.2013).

References

- Badmaeva N. V. [Application of Social Technologies in Management of Migration Processes in the Region: to Problem Statement]. *Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Research of the RAS*. 2011. No. 2. Pp. 160–162. (In Russ.)
- Churyumova D. M. [Development of Demographic Processes in the Republic of Kalmykia. Analytical Note]. Elista: Kalmykiyastat, 2012. (In Russ.)
- Kodlaev V. B., Sangadzhiev Yu. I., Poltavtsev Yu. G. [Organization of Sports and Cultural Center of Federal Significance in the Republic of Kalmykia]. In: [Economic and Social Development of the Republics of Southern Russia during the Transition Period and in Conditions of Innovative Economic Growth]. Conf. proc. devoted to the anniversary of Prof. S. B. Badmaev (Elista; March 28–29, 2013). Elista: Kalmyk State University Publ., 2013. Pp. 103–105. (In Russ.)
- Namrueva L. V. [Influence of Youth Migration on Preservation of Ethnicity (on the Example of Kalmykia)]. *Bulletin of RUDN. Ser. Sociology*. 2011. No. 2. Pp. 87–92. (In Russ.)
- Nemgirova S. N., Poltavtsev Yu. G. [System of Public Life Management: a New View]. In: [Reforming the Economy and Law as a Factor in the Development of Russia and its Regions]. Conf. proc. (Moscow; September 28–29, 2012). Moscow: Acad. Of Economics and Law, 2013. Pp. 77–87. (In Russ.)
- Poltavtsev Y. G., Churyumova D. M. [Demoproduction as a Subdivision of Public Life Management]. In: [Reforming the Economy and Law as a Factor in the Development of Russia and its Regions]. Conf. proc. (September 28–29, 2012). Pp. 92–100. (In Russ.)
- Statistics Yearbook “Kalmykia in Numbers”. Elista: Kalmykiyastat, 2012. 325 p. (In Russ.)
- Shcherbakova E. [Russian Demographic Barometer]. An Internet resource. 2011. (accessed: May 16, 2013). (In Russ.)

УДК (331.556.4+314.8):711.433(571.56)
ББК 60.7(2 Рос. Яку-2) М57

МИГРАНТСКИЕ И МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА: ФАКТОРЫ КОНСОЛИДАЦИИ (на материалах Республики Саха (Якутия))

Д. М. Винокурова

В настоящее время определенная часть населения Республики Саха (Якутия) реагирует посредством миграции на возрастающее разнообразие экономических, экологических, политических, правовых, образовательных, семейных и других отношений, в которые она вовлечена.

В статье анализируются данные различных исследований на темы «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды» и «Этнические мигрантские и старожильские сообщества: процессы инклюзии и социальные сети», проводимых в рамках Приоритетных направлений 9.6. и X.100; Программ 9.6.1. и X.100.4 Сибирского отделения РАН, Блока III — «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010–2016 гг.). Сбор первичных данных производился количественным и качественным методами: по ступенчатой квотной выборке ($\Delta \pm 5\%$). Анкетный опрос проводился в городах Мирный (n=290) (декабрь 2010 г.), Якутск (n=400) (май 2011 г.), Ленск (n=200) (февраль 2012 г.). Численность населения в рассматриваемых городах на 1 января 2012 г., по официальным данным: Якутск — 278,4 тыс.; Мирный — 35,5 тыс.; Ленск — 24,7 тыс. [Демографический ежегодник 2012].

Мнения респондентов свидетельствуют о том, что миграция, выполняя многосто-

ронную функцию для самых разных социальных слоев, превращается во «вложение» индивидов (их семей), результат которого зависит от их ожиданий благоприятствования/препятствия в обустройстве на новом месте жительства. На ожидания мигрантов воздействует множество факторов: длительность их пребывания, состав прибывающей семьи, место и условия поселения и др. От смены постоянного места жительства ожидаются улучшение материального положения, климатических и бытовых условий, престижности работы, ухода или решения конкретных проблем, которые воздействуют как самодостаточная мотивация.

Интеграция мигрантов в местное сообщество зависит от множества факторов: длительности пребывания, семейного положения, состава коллектива сферы занятости, культурно-языковой дистанции этносов друг от друга. В статье рассматривается коммуникативное окружение мигрантов: условия создания семьи, формируемые ожидания благополучия /препятствия в обустройстве в местах пребывания.

Данные, приведенные в таблице 1, отражают время прибытия в рассматриваемые города, попавшие в выборку, респондентов. Важно различать время прибытия в советское и постсоветское время, так как в последнее десятилетие отсутствует широко-масштабная государственная политика по поддержке и заселению северных территорий РФ.

Таблица 1

Временной период длительности проживания респондентов в городе (в % по группе)

Год	Город		
	Ленск	Мирный	Якутск
Более ранний и до 1950-х	2,5	1,4	2,5
1960-е	7,0	9,3	8,5
1970-е	14,4	14,8	12,2
1980-е	26,9	20,3	19,5
1990-е	17,9	20,3	19,2
2000–2010	14,0	22,4	25,1
Нет ответа	17,3	11,5	13,0

Из данных таблицы 1 видно, что пик миграции наблюдался среди респондентов, начиная с 1980 по 1990 гг., кроме мигрантов г. Ленска. Среди прибывающих растет число работающих в предприятиях ОАО «АЛРОСА» вахтовым методом, а также абитуриентов, продолжающих обучение в г. Мирный. В последнее двадцатилетие наблюдается процесс урбанизации местного сообщества — в основном за счет двух городов, Якутска и Мирного.

Известно, что при промышленном освоении территории появляется много вакансий, рабочих мест, профессиональных и карьерных возможностей, что не может не привлекать мигрантов, и Якутия не является исключением. К тому же в советское время

велась политика заселения Севера, поэтому мигранты прибывали с семьей, пользовались различного рода стимулирующими выплатами и льготами. В конце прошлого века массовый отток приезжей части населения за пределы республики вызвал приток сельских жителей, из-за распада сельских хозяйств, в города, особенно в Якутск, где освободились рабочие места, появился вторичный рынок жилья.

Известно, что самыми крепкими являются родственные и семейно-брачные связи, которые могут стать консолидирующим фактором в любом сообществе. Из данных таблицы 2 видно, что больше половины опрошенных в трех городах состоит в браке.

Таблица 2

Семейно-брачное состояние опрошенных горожан (в %)

Состояние в браке	Города		
	Ленск	Мирный	Якутск
Состою в зарегистрированном браке	62,4	56,6	43,0
Состою в не зарегистрированном браке	9,9	7,2	12,0
Никогда не состоял в браке	9,9	14,5	24,8
Разошлись (разведен официально)	7,4	10,7	9,3
Вдовец/вдова	5,9	4,8	5,3
Нет ответа	4,5	6,2	5,8
Наличие детей	Города		
	Ленск	Мирный	Якутск
Да	79,2	74,5	63,0
Нет	14,9	19,7	30,5
Нет ответа	5,9	5,5	6,5

Таблица демонстрирует, во-первых, что наличие детей у всего массива респондентов выше, чем количество состоящих в браке во всех трех городах, подтверждая общую тенденцию роста числа рождений детей вне брака. Во-вторых, заметно, что чем

больше город, тем выше число никогда не состоявших в браке респондентов.

Следующие данные показывают, когда создали свои семьи опрошенные из числа вступивших в брачные отношения (табл. 3).

Таблица 3

Время создания семьи относительно прибытия респондентов на новое место жительства (в %)

Время прибытия	Время создания семьи относительно прибытия на новое место жительства:					
	до	после	до	после	до	после
	г. Ленск		г. Мирный		г. Якутск	
Более ранний и до 1950-х	2,0	2,9	1,2	1,1	3,1	1,6
1960-е	4,1	7,4	6,1	13,6	4,6	12,7
1970-е	8,2	16,2	9,8	18,2	12,3	15,9
1980-е	36,7	33,8	25,6	26,1	16,9	23,0
1990-е	34,7	17,6	22,0	21,6	18,5	20,6
2000–2010	12,1	14,8	33,2	13,5	38,4	22,2

В городах Ленске и Мирном, где до 1990 г. компактно проживало приезжее население, в 1960-е – 1970-е гг. респонденты вступали в семейно-брачные отношения в местах вселения чаще, чем прибывали со своей семьей. В сравниваемых городах самым благоприятным временем для создания семей респондентов были 1980-е гг. В г. Якутске, по-видимому, в связи с массовым прибытием представителей местного сообщества наблюдается постепенное выравнивание показателей вступления в семейно-брачные отношения респондентов — после незначительного снижения в 1990-е гг., в отличие от других сравниваемых городов.

Итак, в мигрантской среде сформировались ожидания того, что приезжие оказались в привычной для них этнокультурной среде и что в этой среде есть те, с кем можно вступать в семейно-брачные отношения, о чем свидетельствуют полученные данные. После прибытия на новое место жительства более склонны вступать в семейно-брачные отношения с представителями других этносов респонденты г. Ленска. По-видимому, местное и приезжее население, имея более длительный период совместного проживания,

стало более интегрированным. Что касается г. Мирный, то в постперестроечный период здесь наблюдался сильный отток прибывшей в советский период части населения, которая сейчас замещается представителями местного сообщества. Очевидно, поэтому сохраняется некий установившийся баланс (почти одна треть опрошенных) среди создавших свои семьи до и после прибытия на новое место жительства.

Готовы ли респонденты трех городов вступать в семейно-брачные отношения в местах вселения с представителями других этносов? Так, респонденты г. Мирного до и после прибытия имеют этнически неоднородные семьи (по 34,3 %); г. Якутска (по 16,3 % и 30,6 % соответственно); г. Ленска (по 26,4 и 45,3 % соответственно). Причем, в каждом городе, кроме Ленска, почти треть опрошенных горожан создала семьи с представителями своего этноса после прибытия на новое место жительства.

Может ли это означать, что в миграции скорее принимают участие те, у кого ожидания благополучия доминируют над препятствиями в обустройстве на новых местах жительства? Отчасти это подтверждают данные в таблице 4.

Таблица 4

Ощущение препятствия респондентом в обустройстве в зависимости от времени его прибытия на место вселения (в %)

Время прибытия, годы	Личное ощущение препятствия респондентом в обустройстве на новом месте жительства							
	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет
	г. Ленск				г. Мирный			
Более ранний и до 1950-х	3,6	6,7	10,5	20,9	14,7	4,9	13,9	8,9
1960-е	-	3,3	5,3	1,1	2,9	-	-	0,9
1970-е	17,9	3,3	2,6	4,4	-	4,9	12,7	12,5
1980-е	14,3	20,0	13,2	15,4	26,5	4,9	8,9	17,9
1990-е	25,0	23,3	31,6	29,7	8,8	24,4	19,0	25,0
2000-е	21,4	26,7	21,1	15,4	17,6	24,4	20,3	19,6
2010-е	17,9	16,7	15,8	13,2	29,4	36,5	25,4	15,2

Безусловно, ожидания препятствия резко возросли у тех респондентов, которые прибыли в 1990-х гг., достигнув пика в 2000-е гг. Хотя, конечно, те, которые прибыли ранее, уже успели обустроиться и не так остро препятствия переживают (в гг. Ленске — 61,3% и Мирном — 44,0%).

У прибывших позже респондентов переживания ощутимей, если они обманулись в своих первоначальных ожиданиях, которые регулируют их коммуникативные действия на новом месте жительства. Устойчивость и рельефность их ожиданий основывается в данном случае на делении — мигрант/не

мигрант. Это своеобразный скреп, который структурирует взаимные ожидания как со стороны мигрантского, так и местного сообщества и служит «подсоединяющим» каналом их коммуникативных действий. На эти различия могут накладываться этническая, территориальная и иная принадлежность мигранта. Эти ощущения обостренно испытывали сельские жители, которые прибывали в г. Якутск в 1990-х гг. — 46,0%; 2000-х и 2010-х гг. — 37,1% и 58,7% (соответственно).

Мигрантская и принимающая среда выработывают собственные взаимные ожи-

дания по обе стороны сообществ в соответствии с мотивами принятия/отклонения коммуникации, благодаря чему делают эти коммуникации ожидаемыми. Коммуникация происходит во многих сферах — правовой, политической, образовательной, профессиональной, семейно-брачной, бытовой и других — в основе ее лежит непрерывный во времени пересмотр ранее сформированных с той и другой стороны ожиданий.

Интересно выявить, на какое коммуникативное окружение респонденты в первую очередь готовы рассчитывать, если им понадобится неотложная помощь (см. табл. 5).

Таблица 5

Оценка респондентами возможности рассчитывать на помощь в зависимости от времени их прибытия (в % по группе)

Время прибытия, годы	Город									
	Мирный					Якутск				
	Мнение респондентов о тех, кто быстрее всех поможет, если необходима помощь:									
	те, с кем он проживает	кровные родственники	друзья, коллеги	соседи	другие	те, с кем он проживает	кровные родственники	друзья, коллеги	соседи	другие
Более ранний и до 1950-х	0,6	2,2	-	33,3	-	1,1	4,9	2,3	-	-
1960-е	11,0	7,7	4,0	-	20,0	7,1	8,5	9,3	25,0	22,2
1970-е	14,9	18,7	8,0	-	10,0	14,2	11,3	9,3	-	33,3
1980-е	20,8	22,0	20,0	33,3	10,0	23,0	16,2	14,0	50,0	11,1
1990-е	20,8	16,5	32,0	33,3	20,0	19,7	18,3	20,9	25,0	22,2
2000-е	10,4	11,0	4,0	-	10,0	10,4	9,9	7,0	-	-
2010-е	9,6	13,2	24,0	-	30,0	13,1	16,8	21,0	-	11,1

Из приведенных данных видно, что респонденты, находясь вдали от родственников, могут рассчитывать на неродственников, а это, в свою очередь, может стать еще одним фактором их консолидации с местным сообществом. В постперестроечный период в городах с компактным проживанием населения, занятого в промышленном производстве, наблюдалось снижение ожиданий помощи со стороны тех, с кем проживает респондент, и родственников, связь с которыми постепенно может ослабевать. К примеру, ожидания респондентов, прибывших в г. Ленск в 1990-е гг., в отношении своих родственников, в 4 раза ниже, чем у

тех, кто прибыл в 1980-е гг., и выше в 2,5 раза — по отношению к друзьям, коллегам, однокурсникам.

К родственникам, живущим отдельно от респондентов, обращается за советом в решении возникающих проблем в повседневной жизни в трех городах почти одинаковое число из общего массива ответивших: Ленск — 10,4%; Мирный — 10,3%; Якутск — 10,5%; с друзьями советуются в Якутске — 18,0%, в Ленске — 10,9%, в Мирном — 11,4%; стараются решать проблемы самостоятельно (44,3%; 40,1% и 39,0% соответственно).

Исходя из полученных данных, если рассматривать в качестве консолидирую-

ших факторов вступление в семейно-брачные отношения мигрантов с представителями местного сообщества и формирование ожиданий помощи в решении возникающих проблем, то можно отметить, что:

— респонденты сравниваемых городов достигли пика создания семейно-брачных отношений после прибытия на новое место жительства в 1980-х гг., к уровню которого приблизился в течение последних двадцати лет только г. Якутск;

— почти треть опрошенных горожан создали семьи после прибытия на новое место жительства с представителями своего этноса в каждом городе, кроме Ленска;

— по уровню вступления в брачные отношения после прибытия на новое место жительства с представителями других этносов

лидируют респонденты в г. Ленске (45,3%), где приток местного населения меньше, чем в городах Якутск и Мирный. Значит, там более однородный этнический состав населения;

— ощущение препятствия в обустройстве на новом месте жительства чувствуют респонденты во всех трех городах, куда в постперестроечный период они прибывают самостоятельно, без былой государственной поддержки;

— ожидания неотложной помощи от неродственников равны у одинакового числа респондентов (по 28,0%), прибывших в Мирный и Якутск в последнее десятилетие. Причем, эти показатели изменились по сравнению с прибывшими в 1990-х гг. респондентами в города Мирный (32,0%) и Якутск (20,9%).

Литература

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия) 2012. Стат. сб. / Саха (Якутия) стат. Якутск, 2012. С. 11.

Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Ин-т социологии РАН, 2005. С. 41–47.

Луман Н. Л. Введение в системную теорию / под ред. Дирка Беккера. Пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 359 с.

Луман Н. Л. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2004. 232 с.

Анкетные опросы

Мирный – 2010.

Якутск – 2011.

Ленск – 2012.

References

[The Demographic Yearbook of Sakha (Yakutia) Republic. 2012]. Yakutsk, 2012. P. 11. (In Russ.)

Kuznetsov I. M., Mukomel V. I. [Adaptation Possibilities and Network Connections of Migrant Ethnic Minorities. Moscow: Institute of Sociol-

ogy of the RAS, 2005. Pp. 41–47. (In Russ.)

Luman N. L. [Introduction to System Theory]. Dirk Becker (ed.). K. Timofeeva (transl.). Moscow: Logos, 2007. 359 p. (In Russ.)

Luman N. L. [Society as a Social System]. A. Antonovsky (transl.). Moscow: Logos, 2004. 232 p. (In Russ.)

ББК 28.59
УДК 58.01.07

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРА ПРИРОДНЫХ ЦЕНОПОПУЛЯЦИЙ *IRIS SCARIOSA* WILLD. EX LINK В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ

Л. А. Инджеева, Н. М. Бакташева

В исследовании биологии редких и исчезающих видов особое значение приобретает выявление особенностей популяционной адаптации растений к существующим эколого-ценотическим условиям: изучение онтогенетической структуры ценопопуляций, изменчивости биоморфологических параметров и их динамики в конкретных условиях, жизненной стратегии вида. Данный подход является актуальным для прогнозирования состояния, рационального использования, сохранения и восстановления естественных природных популяций.

Типовой подрод *Iris* включает в себя 3 секции: *Iris*, *Pumilae* и *Vernae* [Родионенко 2009: 432]. К секции *Iris* авторы относят *Iris scariosa* Willd. ex Link — карликовые формы с одно-двухцветковым стеблем как более приспособленные к вегетации в степных условиях.

Поскольку в литературе приводится мало сведений о биологии и экологии *Iris scariosa* Willd. ex Link, изучение различных аспектов биологии и экологии ириса кожного представляется весьма актуальным.

Целью исследования является выявление биологических особенностей *Iris scariosa* Willd. ex Link, ареала и систематического положения жизненных циклов (морфогенез, онтогенез) и сезонного ритма его развития в аридных условиях Республики Калмыкия.

Биоценотическая характеристика естественных мест произрастания

Ирис кожистый — многолетний степной ксерофильный длительновегетирующий с периодом летнего полупокоя, вид с калмыцким, астраханским и казахстанским ареалом. Встречается как в подзоне сухих степей, так и в пустынно-степной подзоне.

Iris scariosa Willd. ex Link обычен для степных лерхополюнных сообществ на бурых полупустынных супесчаных и песчаных почвах в Прикаспии, среди пустынно-степного разнотравья. В связи с интенсивным выпасом скота и увеличением антропогенной нагрузки вблизи населенных пунктов вид имеет тенденцию к исчезновению. Рекомендован к охране в Российской Федерации [Красная Книга РСФСР 1988: 260], включен в список растений, подлежащих охране в Республике Калмыкия [Редкие... 2012: 20]. Экологическую приуроченность вида авторы изучали по стандартным геоботаническим методикам по градиенту участка *Iris scariosa* Willd. ex Link в сообществах.

Распространение вида на территории республики носит фрагментарный характер, небольшими по площади участками произрастания в Яшкульском и Черноземельском районах.

Материал для данной работы собран в Яшкульском районе Республики Калмыкия. Общее проективное покрытие 30–40%. Преобладают *Artemisia lerchiana*, *Stipa capitata*, *Erimopyrum triticum*, *Anisantha tectorum*, *Poa bulbosa*, *Ceratocarpus arenarius*, *Minicoccus linifolius*, *Trigonella orthoceras*, *Ceratocephala testiculata*. На 10 обследованных площадках площадью 100 м² особи *Iris scariosa* Willd. ex Link распределены неравномерно, небольшими куртинами диаметром 30–40 см.

На светло-каштановых почвах различной степени солонцеватости на площадках 10x10 м² встречаются 6–12 куртинок и 4–5 ювенильных особей. Среднее число побегов составляет 21,17 ± 2,80 на 1 м². Высота генеративных побегов 23,06 ± 0,87. Большой роли в сложении данных фитоценозов *Iris scariosa* Willd. ex Link не играет.

Сезонный цикл развития, онтогенез и органогенез изучаемого вида.

Iris scariosa Willd. ex Link — раннецветущее растение. Зимует с зелеными листьями, после таяния снега начинается вегетативный период. Генеративный побег развивается «скрыто», прикрытый влагалищами листьев. Фаза отрастания генеративного побега продолжается 10–15 дней, фаза бутонизации (от момента появления бутона с уже окрашенными листочками околоцветника над листьями обертки до времени распускания цветка) 4–5 дней. Цветение (3–4 дня) начинается в середине апреля. Второй цветок соцветия раскрывается обычно на 2 дня позже первого. Одновременное цветение наблюдается редко. Листочки околоцветника имеют окраску от бледно-сиреневого, голубого, фиолетового цвета до желтого и кремового цвета.

Вегетативные побеги *Iris scariosa* Willd. ex Link в течение вегетационного периода также имеют определенный ритм развития. В первой половине мая листья осенней генерации подсыхают, а листья весенней генерации интенсивно растут. В конце мая — июне с наступлением сухой жаркой погоды рост листьев прекращается. Этот период заканчивается с выпадением осадков, приуроченных в районах наших исследований в питомнике.

При описании онтогенетических особенностей исследуемых ценопопуляций использовали стандартные методики изучения возрастных состояний [Работнов 1950: 7].

В онтогенезе ириса кожистого выделяют следующие возрастные группы:

Семена (se). Овальные, темно-коричневые.

Проростки (р). По данным, оптимальной для прорастания семян является высокая температура (18–25°C). Наилучшей всхожестью обладают семена через 1,5 года после созревания [Попова 1965: 54–55]. Проросток в течение первых нескольких дней представлен семядолей, состоящей из связника и влагалища и быстро растущего главного корня. Через 7–9 дней появляется главный лист, а через 16–20 дней — придаточный корень. Прорастание подземное.

Ювенильные растения (j). В течение мая — июня растение формирует 3–4 зеленых листа. К осени главный корень отмирает. В конце первого года жизни ювенильное

растение имеет корневище размером 1–1,5 см, 3–4 придаточных корня. Для растений в этой стадии характерно наличие 1 продолговатого ассимилирующего листа, 4–5 листочков засыхают. Во второй год жизни за вегетационный период растение образует 7–9 зеленых листьев (4–5 весной и 3–4 осенью). Боковая почка закладывается в пазухе одного из верхних сухих листьев. На третий год жизни снова закладываются 1–2 боковые почки.

Имматурные растения (im) на четвертый год жизни имеют 7–9 ассимилирующих листьев, по форме приближающихся к взрослым генеративным растениям. Корневище состоит из одного материнского побега и двух боковых однолетних побегов, несущих по 8 листьев.

Виргинильные растения (v) имеют ассимилирующие листья, по форме приближающиеся к взрослым генеративным растениям. Корневище состоит из материнского побега и двух боковых двулетних побегов, расположенных горизонтально на поверхности почвы. От корневища отходят пучки придаточных корней.

Молодые генеративные растения (g_1). Цветоносный побег развивается на 6-й–8-й годы из верхушечной почки. Корневище состоит из главного корня и двух боковых. Возобновление идет за счет боковых почек (симподиальное возобновление). Цветение первого бокового побега наблюдается в один год с материнским или на следующий год.

Среднегенеративные растения (g_2) представляют группу цветущих растений с крупным околоцветником. Цветение двух боковых побегов происходит одновременно с материнским. В данной стадии генеративное состояние достигает своей максимальной выраженности.

Старые генеративные растения (g_3) — на этой стадии генеративная функция ослаблена, а в вегетативной сфере начинается отмирание отдельных структур.

Субсенильные растения (ss) — наблюдается потеря способности к цветению и вегетативному размножению, корневища сухие.

Сенильные растения (s). Слабые, отмирающие особи без ассимилирующих листьев. Цветение и плодоношение имеют рудиментарный характер. Корневище мягкое, рыхлое, разлагающееся.

Био-экологические особенности изучаемого вида

Характеристику жизненных форм целесообразно основывать на структурно-биологических особенностях не только надземных и подземных побегов, но и корневых систем, еще недостаточно используемых теперь [Серебряков 1962: 50].

Iris scariosa Willd. ex Link — рыхлокустовое растение с плагитропным расположением корневища, в зависимости от места обитания и климатических условий имеет как вертикальный, так и горизонтальный тип корневой системы. У равнинных растений большинство корней первого порядка занимает чуть наклонное положение и уходит на глубину 60–70 см.

Парциальные кусты куртины представляют собой систему монокарпических побегов. Монокарпический побег за время своего существования образует 2–3 (до 6) боковых побега. Верхняя боковая почка закладывается осенью, в пазухе одного из верхних розеточных листьев. Летом второго года образуется 5–6 листьев и начинается формирование генеративного побега.

Репродуктивная биология вида.

Для *Iris scariosa* Willd. ex Link характерно как семенное, так и вегетативное размножение. Созревание семян (фаза плодоношения) длится около двух месяцев (55–60 дней). Одна из коробочек часто бывает недоразвитой, реже оба плода развиваются одинаково. Через 20–30 дней после начала плодоношения листья генеративных побегов (как прикорневые, так и стеблевые) засыхают. Цветоносный побег постепенно подсыхает и за 7–10 дней до начала обсеменения засыхает полностью. В природных сообществах наиболее часто встречается контактное распределение растений, когда особи образуют скопления, обособленные друг от друга. Такой тип распределения иногда называют куртинным, или мозаичным. Контактное распределение связано прежде всего с тенденцией опадания семян вблизи материнской особи [Миркин, Наумова 2012: 80].

Растения *Iris scariosa* Willd. ex Link имеют низкий потенциал вегетативного раз-

множения. Корневище сохраняется в живом состоянии не более 6–7 лет, отмершее корневище в конечном счете разрушается. Разрастание куртины и обособление парциальных кустов не играет значительной роли в растительном покрове, так как образовавшиеся самостоятельные морфоструктурные клоны в этом случае являются стареющими, слабыми.

Изучение жизненного цикла ценопопуляций *Iris scariosa* Willd. ex Link в Республике Калмыкия показало, что возрастные спектры природных популяций соответствуют разным уровням естественного процесса развития популяций, связанных с особенностями возрастных онтогенетических состояний. Формирование новых скоплений вегетативных особей незначительно и не влияет на растительные сообщества. Семенное возобновление ириса кожистого на изученных площадках осуществляется при благоприятном стечении обстоятельств (наличие обильных осадков, способствующее возможности обсеменения, достаточное количество семян, низкая численность кузнечиков).

Способы и рекомендуемые меры охраны вида *Iris scariosa* Willd. ex Link в Республике Калмыкия

Для сохранения экосистем с редкими и исчезающими видами семейства *Iridaceae*, испытывающими антропогенный стресс на территории Республики Калмыкия, необходимо, на наш взгляд, принять следующие основные меры:

- организацию системы постоянного мониторинга за численностью популяций *Iris scariosa* Willd. ex Link в Яшкульском и Черноземельском районе;
- прекращение хозяйственной деятельности человека в местах произрастания вида;
- разработку региональных программ просвещения населения;
- сохранение генофонда в процессе интродукции в питомники;
- запрет на выкопку и продажу корневищ растений.

Литература

Красная Книга РСФСР (Растения) / сост. А. Л. Тахтаджян. М.: Росагропромиздат, 1988. 590 с.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Современное состояние основных концепций науки о растительности. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С. 80–81.

- Попова Т. А. Биолого-морфологическая характеристика лилиецветных сухих и пустынных степей Центрального Казахстана // Труды Ботан. ин-та им. Комарова. Сер. III (Геоботаника), Вып. 17, 1965. С. 54–55.
- Работнов Т. А. Жизненный цикл многолетних травянистых растений // Геоботаника VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 6. 483 с.
- Редкие и исчезающие животные, растения и грибы Калмыкии / сост. В. М. Музаев, В. Г. Позняк, Н. М. Бакташева, Ж. В. Савранская. Элиста: КГУ, 2011. 28 с.
- Родионенко Г. И. Новая система рода *Iris* (Iridaceae) // Ботан. журн. Т. 94. № 3. С. 423–435.
- Серебряков И. Г. Экологическая морфология растений. Жизненные формы покрытосеменных и хвойных растений. М.: Высш. шк., 1962. 377 с.

References

- Mirkin B. M., Naumova L. G. [Modern State of the Basic Concepts of Vegetation Science. Ufa: Acad. of Sciences of Bashkortostan, Gilem, 2012. Pp. 80–81. (In Russ.)]
- Popova T. A. [Biological and morphological Characteristics of Liliales Dry and Desert Steppes of Central Kazakhstan]. *Proceedings of Komarov Botanical Institute*. Ser. III. Geobotanics. Vol. 17. 1965. Pp. 54–55. (In Russ.)
- Rabotnov T. A. [Life Cycle of Perennial Herbaceous Plants]. In: [Geobotany VI]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: USSR Acad. of Sciences Publ., 1950. 483 p. (In Russ.)]
- [Rare and Disappearing Animals, Plants and Mushrooms of Kalmykia]. V. M. Muzayev, V. G. Poznyak, N. M. Baktasheva, Zh. V. Savranskaya (compl.). Elista: Kalmyk State University, 2011. 28 p. (In Russ.)
- [The Red Book of the RSFSR (Plants)]. A. L. Takhtadzhyan (compl.). Moscow: Rosagropromizdat, 1988. 590 p. (In Russ.)
- Rodionenko G. I. [New System of the Genus *Iris* (Iridaceae)]. *Botan. Journal*. Vol. 94. No. 3. Pp. 423–435. (In Russ.)
- Serebryakov I. G. [Ecological Morphology of Plants. Life Forms of Angiosperms and Coniferous Plants]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1962. 377 p. (In Russ.)]

УДК 581.5
ББК 28.5

ОСОБЕННОСТИ СЕЗОННОГО РАЗВИТИЯ ПСАММОФИЛЬНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ В ЧЕРНОЗЕМЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Н. М. Бакташева, Н. Б. Хазыкова

Растения, произрастающие в условиях резко изменяющейся среды, обладают системой соответствующих приспособлений. Наиболее четко визуально определяются приспособления к сезонной ритмике абиотических факторов, оказывающих влияние на прохождение фенологических фаз особями и всеми компонентами растительного сообщества.

В ходе исследований, проведенных на территории Черноземельского района Республики Калмыкия с 2009 по 2012 гг., мы изучили сезонную ритмику развития псаммофитов, которые представлены в разнотравно-княжково-джугуновом, разнотравно-злаково-тамариковом и разнотравно-злаково-белопопынном сообществах.

Разнотравно-злаково-джугуновое сообщество встречается на грядово-бугристых песках и на равнинных участках заросших песков. Доминантом сообщества является *Calligonum aphyllum*, субдоминантом — злаки *Leymus racemosus*, *Poa bulbosa*, *Anisantha tectorum*, *Bromus*

japonicus и др. Из разнотравья здесь произрастают и обильны *Sisymbrium loeselii*, *Helichrysum arenarium*, *Achillea nobilis*, *Linaria vulgaris* и др.

Разнотравно-злаково-тамариковое сообщество описано на грядово-бугристых заросших песках близ п. Нарын-Худук и п. Ачинеры. Довольно часто ассоциации тамарикса встречаются вдоль дорог, близ солончаков и вокруг водоемов. Доминантами ассоциации являются *Tamarix ramosissima*, *T. gracilis*. Субдоминантом здесь является *Artemisia santonica*, злаки представлены *Poa bulbosa*, *Eremopyrum orientale*, *Bromopsis inermis*. Из разнотравья произрастают *Senecio noeanus*, *Centaurea diffusa*, *Galium humifusum* и др.

В разнотравно-злаково-белопопынном сообществе доминантами выступают *A. lerchiana*, субдоминантами — злаки *Poa bulbosa*, *Festuca vallesiaca*, *Stipa capillata*, *S. sareptana* и др. Из разнотравья встречаются *Ceratocephala testiculata*, *Salvia aethiopis*, *Carduus hamulosus*, *Kochia prostrata* и др.

**Таблица 1. Изменение общего проективного покрытия в процентах
в течение вегетационного сезона**

Название ассоциации	20.03 –10.04	10.04 –20.05	20.05–20.06	20.06 –20.08	20.08 –20.10
разнотравно-злаково-джугуновья ассоциация	15–30	30–60	40–20	20–15	20–15
разнотравно-злаково-тамариковая ассоциация	15–30	30–60	40–20	20–15	20–15
разнотравно-злаково-сантониннопопынная ассоциация	25–30	30–80	80– 40	40–30	30–20

Во всех изучаемых сообществах четко различаются следующие фенологические периоды: ранневесенний, раннелетний, среднелетний, позднелетний и осенний. Изменения, по которым отмечаются эти периоды, проявляются внешне в смене аспектов. Под аспектом понимается внешний вид фи-

тоценоза, его физиономичность в каждое данное время [Ярошенко 1961: 52–53; Борисова 1965: 91–96; Бейдеман 1974: 100–109].

Ранневесенний аспект начинается после схода снежного покрова, в некоторые годы в конце февраля, и заканчивается в конце апреля. После схода снега начинают веге-

тировать эфемеры и эфемероиды *Alyssum desertorum*, *Erysimum canescens*, *Veronica triphyllos*, *Androsace maxima*, *Gagea bulbifera* и другие растения, а также вышедшие из-под снега зеленые листочки озимых злаков *Agropyron fragile*, *A. lavrenkoanum*, *Stipa capillata*, проявляются куртины серо-зеленых полыней *Artemisia santonica*, *A. lerchiana*. Преобладающим аспектом является зелено-серый, с яркими пятнами синего, желтого и белого цвета от цветения *Iris pumila*, *Gagea bulbifera*, *Ornithogalum kochii*, *Holosteum umbellatum*, и местами светло-коричневый цвет от цветения *Carex praecox*.

Раннелетний аспект (конец апреля – конец мая): на фоне вегетирующих зеленых злаков и полыни желтыми пятнами цветут *Sisymbrium loeselii*, *Crepis tectorum* виды рода *Senecio*, местами белыми цветами выделяются *Capsella bursa-pastoris*, *Erysimum versicolor*. Со второй половины апреля начинают вегетировать *Peganum harmala*, которые начинают цвести в третьей декаде мая (цветение продолжается до августа), во второй декаде апреля трогаются в рост джугун и тамарикс. С 10–15 мая отмечены белыми цветами в разнотравно-злаково-джугуновом сообществе *Calligonum aphyllum*, в первых числах мая цветет тамарикс, придавая сообществу фиолетовый цвет. Цветение тамарикса происходит не одновременно и может затянуться вплоть до июля. В этой же ассоциации местами, с конца апреля до середины мая, красными пятнами цветет *Papaver rhoeas*. Для разнотравно-злаково-белопопынного сообщества характерно цветение ковылей, придающих белый цвет.

Среднелетний аспект (конец мая – конец июля) характеризуется отцветанием и полным усыханием эфемеров и эфемероидов. Сообщества приобретают соломенный цвет от высохших злаков *Anisantha tectorum*, *Poa bulbosa*, *Bromus squarrosus*. В это время некоторые злаки проходят фазы выхода в трубку и колошения *Puccinellia distans*, *Leymus racemosus*, *Calamagrostis macrolepis*. Цветут желтыми цветами *A. nobilis*, *Tanacetum achilleifolium*, белыми — *Asperula humifusa*, *Peganum garmala*, фиолетовыми — *Salvia stepposa*, *Phlomis pungens*. Продолжают цвести *Syrenia montana*, *Melandrium album*, *Sisymbrium loeselii*.

Позднелетний (конец июля – конец августа) аспект соломенный, местами ярко-зеленый от вегетирующих *Alhagi pseudalhagi*, *Gypsophila paniculata*, *Euphorbia seguieriana*.

В этот период наблюдается цветение мелкими белыми цветочками качима метельчатого, сиреневыми цветами — верблюжьей колючки, а также продолжается цветение гармалы обыкновенной (которая в это время начинает образовывать семена), цмина песчаного, бескильницы расставленной. Этот период характеризуется началом цветения маревых, а также полыни Лерха и полыни сантонинной.

Осенний аспект (конец августа – начало октября) характеризуется красноватым и фиолетовым оттенком от цветения солянок, кермеков. Для джугунового и тамариксового сообществ характерно цветение *Centaurea diffusa* сиренево-белыми цветами, различных видов солянок *Salsola tragus*, *S. brachiata*, *S. foliosa* и др. маревых. В это время также наблюдаются вторичное цветение у *Cichorium intybus*, *Eragrostis minor*, некоторых особей джугуна безлистного, вегетация мятлика луковичного.

У гармалы обыкновенной наблюдается продолжительная генеративная фаза, длящаяся почти два месяца. У некоторых видов после летних дождей появляются новые всходы (василек раскидистый, тысячелистник благородный, чертополох мелкокрючковатый, аистник Геффа) или новые генеративные побеги (цмин песчаный), поэтому цветение продолжительно. Можно наблюдать вторичное цветение отдельных особей этих видов.

В процессе эволюции у растений выработалась характерная ритмика роста и развития, генотипически определенная и внешне выражающаяся в феноритмотипах. Понятие феноритма предложила ввести И. В. Борисова [Борисова 1965: 67–82; 1972: 7–11], изучая ритмы сезонного развития степных растений и зональных типов степей Центрального Казахстана. К одному феноритмотипу автор относит растения с одинаковым ходом фенологического развития. Каждый феноритмотип характеризуется сроками и длительностью фаз вегетации, покоя или полупокоя, цветения (периода максимального развития), плодоношения и т. д.

Нами принята и модернизирована классификация феноритмотипов, предложенная Е. Л. Егоровой [Егорова, 1989: 47–55]. Выделены следующие группы:

Однолетники

А. Коротковегетирующие (1,5–2 мес.)

Весенне-раннелетнезеленые с ранневесенним типом цветения и летним и зимним

покоем (9–10 месяцев с IV–V по VI). *Alyssum desertorum*, *Erophila verna*, *Chorispora tenella*, *Ceratocephalus orthoceras*, *Bromus tectorum*, *Bromus japonicus* и др.

Б. Длительновегетирующие (4–6 мес.)

Весенне-летне-осеннезеленые с позднелетне-осенним типом цветения и зимним покоем (с X по V).

Salsola tragus, *S. brachiata*, *S. foliosa*, *Ceratocarpus arenarius* и др.

Многолетники

А. Коротковегетирующие (2,5–3 мес.)

1) Весенне-раннелетнезеленые с ранневесенним типом цветения, с летним и зимним покоем (с VI по IV).

T. biebersteiniana, *Gagea bulbifera*, *Ornithogalum kochii*, *Poa bulbosa* и др.

2) Весенне-осеннезеленые с ранневесенним типом цветения, летним полупокоем (VI–VIII) и зимним покоем (X–IV).

Iris pumila L., *I. scabiosa* и др.

3) Весенне-раннелетне-осеннезеленые с раннелетним типом цветения с легким полупокоем (VII–VIII) и зимним покоем (X–IV).

Phlomis pungens, *Tanacetum achilleifolium*, *Stipa lessingiana*, *Koeleria gracilis*, *Festuca valesiaca*, *Stipa capillata* и др.

Б. Длительновегетирующие (5–6 мес.)

1) Вечнозеленые – *Ephedra distachya*.

2) Весенне-летне-осеннезеленые с раннелетним типом цветения и зимним покоем (X–IV).

Jurinea polyclonos, *Peganum harmala*, *Zygophyllum fabago* и др.

3) Весенне-летне-осеннезеленые с позднелетне-раннеосенним типом цветения и зимним покоем (X–IV).

Artemisia austriaca, *A. lerchiana*, *A. santonica* и др.

4) Весенне-осеннезеленые с позднелетне-раннеосенним типом цветения, периодом летнего полупокоя (VI–VIII) и зимним покоем (X–IV).

Artemisia pauciflora, *Helichrysum arenarium* и др.

5) Поздневесенне-летне-осеннезеленые с раннелетним-раннеосенним типом цветения и зимним покоем (X–IV).

Kochia prostrata, *Camphorosma monspeliaca* и др.

На графиках кривые вегетации и цветения растений-псаммофитов построены по результатам наблюдений и наглядно показывает сезонное изменение количества одновременно вегетирующих и цветущих видов. Для всех ассоциаций пик вегетации и цветения приходится на май, что связано с цветением эфемеров (*Alyssum desertorum*, *Trigonella orthoceras*, *Androsace maxima*, *Erophila verna* и др.) и эфемероидов (*Gagea bulbifera*, *Tulipa biebersteiniana*, *Poa bulbosa* и др.).

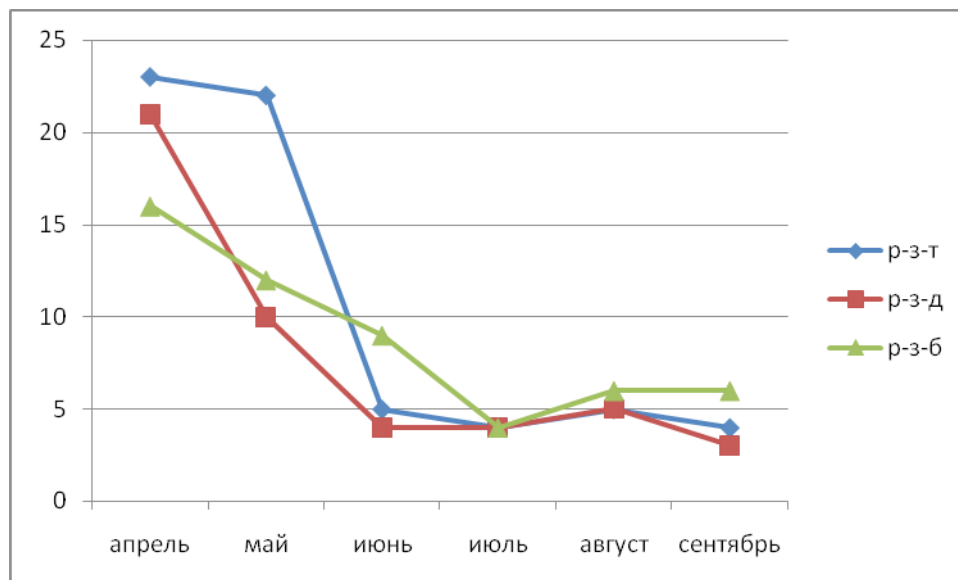

Рис. 1. Динамика вегетации растений-псаммофитов

Р-з-т - разнотравно-злаково-тамариковое сообщество

Р-з-д - разнотравно-злаково-джужгуновое сообщество

Р-з-б - разнотравно-злаково-белопопынное сообщество

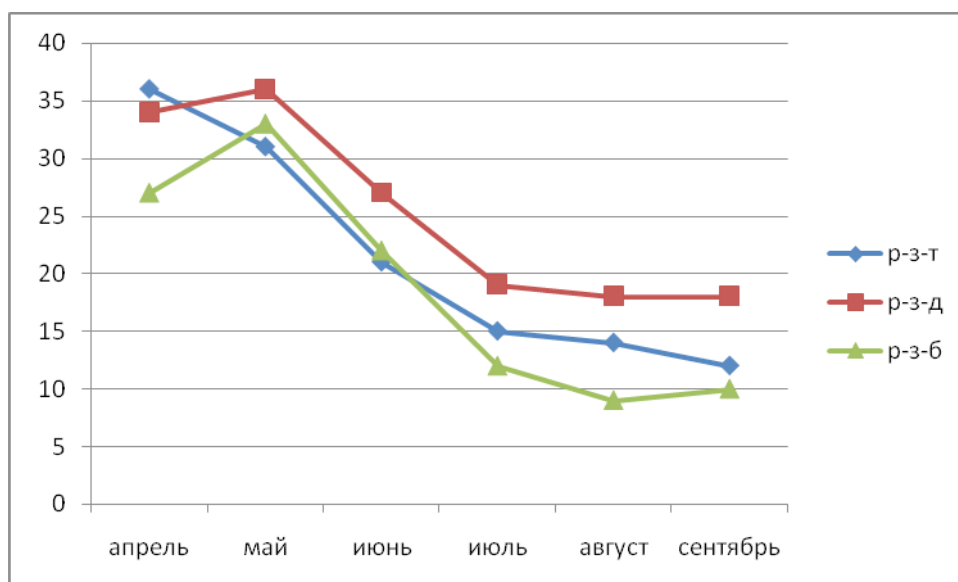

Рис. 2. Динамика цветения растений-псаммофитов

Р-3-т - разнотравно-злаково-тамариковое сообщество

Р-3-д - разнотравно-злаково-джужгуновое сообщество

Р-3-б - разнотравно-злаково-белопопынное сообщество

Погодные особенности накладывают отпечаток на прохождение цикла генеративных фенологических фаз. Далеко не все вегетирующие особи в ценопопуляциях, составляющих пустынные сообщества, ежегодно образуют генеративные побеги. В засушливом 2012 г. большая часть особей изучаемых видов осталась в вегетативном состоянии. Многие особи верблюжьей колючки, тюльпана Биберштейна, цмина песчаного, пажитника пряморогого не проходили ста-

дию генерации либо усыхали в процессе вегетации.

Степень развития и участия в составе псаммофильных сообществ в Черноземельском районе Республики Калмыкия разных видов растений на протяжении периода вегетации различна. Большинство видов развиваются в самое благоприятное время года — весной. В целом можно говорить о благополучной адаптации исследуемых растений к аридным условиям существования.

Литература

Борисова И. В. Сезонная динамика растительного сообщества // Полевая геоботаника / под ред. Е. М. Лавренко, А. А. Корчагина. Т. 4. Л.: Наука, 1972. С. 5–82.

Борисова И. В. Ритмы сезонного развития степных растений и зональных типов степной растительности Центрального Казахстана / Труды Ботанического института им. Комарова. Сер. III. Вып. 17. Геоботаника. М.; Л.: Наука, 1965. С. 64–99.

Бейдеман И. Н. Методика изучения фенологии растений и растительных сообществ. Новосибирск: Наука, 1974. 154 с.

Егорова Е. Л. Ритм развития травянистых растений полупустынь Калмыкии // Экология растений полупустынной и степной зоны / под ред. Л. М. Кудиновой и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 47–55.

Ярошенко П. Д. Геоботаника. М.: Просвещение, 1961. 200 с.

References

Beydeman I. N. [Methods of Studying Phenology of Plants and Plant Communities]. Novosibirsk: Nauka, 1974. 154 p. (In Russ.)

Borisova I. V. [Seasonal Dynamics of a Vegetative Community]. In: [Field Geobotany]. E. M. Lavrenko, A. A. Korchagin (ed.). Vol. 4. Leningrad: Nauka, 1972. Pp. 5–82. (In Russ.)

Borisova I. V. [Rhythms of Seasonal Development of Steppe Plants and Zonal Types of Steppe Vegetation of Central Kazakhstan]. *Proceedings*

of Komarov Botanical Institute. Ser. III. Iss. 17. Geobotany. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. Pp. 64–99. (In Russ.)

Egorova E. L. [Rhythm of Development of Herbaceous Plants of Semi-deserts of Kalmykia]. In: [Ecology of Plants of the Semi-desert and Steppe Zone]. L. M. Kudinova et al. (ed.). Elista: Kalm. Book Publ., 1989. Pp. 47–55. (In Russ.)

Yaroshenko P. D. [Geobotany]. Moscow: Prosveshchenie, 1961. 200 p. (In Russ.)

Максимов К. Н. Рец. на: *Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография.* М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.

Новая книга известных российских историков С. А. Кропачева и Е. Ф. Кринко посвящена освещению советской и современной российской историографией масштабов и форм репрессий и потерь населения СССР в 1937–1945 гг. В ней анализируется историография одного из самых сложных и противоречивых периодов в истории России, вызывающего в последние годы широкий профессиональный и общественный интерес и обусловившего появление множества публикаций. Выстроив монографию проблемно-хронологически, ее авторы акцентируют внимание на вопросах массовых репрессий в период конца 1930-х гг. и Великой Отечественной войны, вызывающих острую полемику у исследователей, — прежде всего речь идет о людских потерях и их демографических последствиях для советского общества.

Анализ отечественной и зарубежной литературы по истории советской эпохи и сталинизма привел авторов к убеждению в необходимости выявить методологические проблемы и научно-организационные формы изучения демографических потерь в рассматриваемый период. В связи с этим они выделяют конкретно-исторический подход, основанный на традиционном источниковедческом анализе комплекса документов. При этом авторы совершенно справедливо отмечают, что при исследовании вопросов о потерях важен компаративный анализ различных по происхождению и содержанию источников. Особенно это касается источников, характеризующих потери личного состава действующей армии в годы Великой Отечественной войны.

Для извлечения конкретных объективных сведений о действительных масштабах людских потерь СССР в годы репрессий и Великой Отечественной войны в монографии использован историко-демографический подход, или, иначе — метод демографического баланса, при котором главными источниками информации о демографических процессах являются статистические сведения, извлеченные из материалов переписи населения. Однако и этот вид

источника требует всестороннего источниковедческого анализа, особенно при изучении вопросов его происхождения. В книге С. А. Кропачева и Е. Ф. Кринко динамика репрессий достаточно убедительно и научно-обоснованно проиллюстрирована на примере переписей населения СССР в 1937 и 1939 годах.

Проведя анализ существующей методологии изучения форм и масштабов «большого террора», и вообще репрессий, авторы монографии сделали убедительный вывод о том, что данная методология нуждается в обновлении и совершенствовании, с учетом использования источников статистического характера.

Ценность рецензируемого труда состоит в том, что в нем обстоятельно рассмотрены вопросы терминологии, определены дефиниции комплекса терминов, выработан соответствующий понятийный аппарат, способствующий глубокому исследованию демографических потерь в эпоху сталинизма. В работе раскрываются такие основные для изучения темы политических репрессий понятия, как «террор», «репрессии» и их виды. Авторы обоснованно подчеркивают, что критерием для осуществления террора выступает его идеологическое обоснование, в том числе и по этническому признаку. Здесь стоило бы добавить, что мотивы террора могут быть зависимы от времени, обстоятельств и целей правящего режима.

В книге уделено немалое внимание понятию «репрессия» и его дефиниции. Авторы, соглашаясь с определением, данным в Законе РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (18 октября 1991 г.), акцентировали внимание на главных видах репрессий, имевших прямые демографические последствия (массовое применение смертной казни; лишение свободы и заключение в учреждения пенитенциарной системы государства; массовые депортации). Закономерно выделив «большой террор» как процесс, явление и понятие, авторы локализируют его в хронологических рамках 1937–1938 гг. Между тем, анализируя течение процесса в различных регионах СССР

(республиках, краях и областях), я пришел к выводу о том, «большой террор» стартует уже в 1934 г., а во второй половине 1938 г. наблюдается его заметный спад.

Авторы правомерно обращаются к анализу видов наказаний со стороны советского государства, сложившемуся в существующей историографии, — и в том числе рассматривают депортацию, в интерпретации которой сложились два подхода — в официальных документах и в историко-политической литературе. Совершенно справедливо отмечается, что в советских официальных документах отсутствует единая трактовка самого понятия « депортация». В современном законодательстве депортация характеризуется как принудительное перемещение лица за пределы государства. А в историографии термин «депортация» понимается как одна из форм политических репрессий, применяемая в виде принудительного перемещения групп людей или народов, по этническому признаку, в пределах данного государства. Из всех проанализированных работ они выделили понятие «депортация», предложенное П. М. Поляном, который указал на наличие внесудебного характера, тотальной направленности, цели «изъять» (так в документах органов, осуществлявших депортацию. — *К. М.*) людей из исконных мест обитания и переместить их в новую, непривычную, рискованную для выживания среду. Мне представляется необходимым добавить: принудительное перемещение группы людей, этносов, с лишением их гражданских прав, с превращением в неполноценных членов советского общества, с заключением их под гласный и негласный надзор и установлением в местах спецпоселения особого режима с целью принуждения к труду, при этом не создавая им необходимые социально-бытовые условия.

Говоря о депортации народов как о геноциде, авторы указывают на имеющиеся в литературе неоднозначные мнения по данной теме. Действительно, в официальных документах, зафиксировавших организацию и проведение депортации народов в Советском Союзе, не запечатлены явные указания властей на осуществление геноцида по отношению к депортируемым народам. Но по последствиям депортация фактически все же представляла собою геноцид, за исключением лишь отдельных народов, переселенных в места с благоприятными природно-климатическими условиями.

В отличие от других вопросов монография уделяет незначительное внимание проблеме реабилитации репрессированных народов. Советское государство после смерти Сталина начало поэтапное освобождение из-под административного надзора необоснованно репрессированных народов, что выразилось в амнистировании и восстановлении в гражданских правах — но отнюдь не всего народа, а лишь отдельных его групп по категориям. Процесс реабилитации жертв политических репрессий, как известно, начался в соответствии с решениями XX съезда КПСС, с восстановления упраздненных национально-государственных образований депортированных по этническому признаку народов. В первую очередь проводилась политическая реабилитация, почти одновременно с ней — экономическая, материальная реабилитация, постепенно — реабилитация социальная и культурная. Правильно отмечается, что начатый в период «хрущевской оттепели» процесс реабилитации прервался с подспудной реанимацией культа личности Сталина и возобновился с распадом СССР и образованием суверенной Российской Федерации.

Одним из достоинств рецензируемой книги является то, что в ней вопросы развития и институционализации исследований по проблемам масштабов и форм потерь советского населения в годы репрессий и Великой Отечественной войны внимательно проанализированы и освещены. Прослежены пути становления нового научного направления — исторической демографии, научных, военных, официальных, общественных структур, занимавшихся и продолжающих изучение демографической ситуации в стране. Развитие этого научного направления зависело от проводимой правящим режимом идеологии, от степени его заинтересованности в появлении объективного изучения людских потерь в указанных событиях 1937–1945 годов.

Как отмечают авторы, кардинальные изменения в исследовании проблематики репрессий произошли в годы «перестройки» с образованием Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, Комиссии по установлению истинных потерь населения СССР в Отделении истории АН СССР под руководством академика Ю. А. Полякова, с учреждением Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» (ныне Российское), Коорди-

национального центра Министерства обороны Российской Федерации по увековечиванию памяти защитников Родины и ряда различных общественных организаций. Все это способствовало обогащению историографии масштабов и форм репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. Следует отметить, что это научное направление ныне значительно активизировалось с созданием Российского исторического общества во главе с С. Е. Нарышкиным, Председателем Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Значительное внимание авторы оправданно уделяют современным формам представления исторических знаний, периодизации историографии Великой Отечественной войны, которая до последнего времени не была лишена общественно-политической конъюнктуры. Особенность данного труда состоит в том, что авторы предложили свою периодизацию историографии потерь советского населения в 1937–1945 гг., выделив в нем два основных этапа — советский (1930–1980) и современный (постсоветский) — с конца 1980-х гг., которые в свою очередь распределены по периодам. При этом они, проанализировав развитие историографии исследуемой проблемы сквозь призму совокупности внутренних и внешних факторов, удачно определили их критерии. Совершенно справедливо отмечается, что оценки историков советского периода в определенной степени менялись, их исследования находились под идеологическим контролем, важнейшие источники им не были доступны. В постсоветской историографии наблюдается отход от догматизированных положений, расширение источниковой базы исследований, новые концептуальные подходы.

Вторая глава монографии посвящена анализу историографии масштабов и форм политических репрессий в 1937–1945 гг. Авторы начинают этот раздел с утверждения о том, что первыми историками политических репрессий были те, кто непосредственно их осуществлял, — И. Сталин, В. Молотов, Н. Ежов и другие руководители советского государства. Не отрицая их роли в создании истории, я все же их не отнес бы к категории «историков», а их труды к исследованиям. По моему мнению, они прежде всего являлись создателями, творцами источниковой базы по истории репрессий. Это очевидно при изучении вопросов о про-

исхождении исторических источников по данной проблеме. Идеи, цели, идеологическое, политическое обоснование репрессий полностью исходили от этих руководителей, которые выступали и авторами многих документов, особенно директивного характера, исходящих из органов партийной и государственной власти. Приводимые факты и сведения в их докладах и выступлениях ими не готовились, они являлись продуктами деятельности сотрудников соответствующих служб. Поэтому эти материалы исследователи всегда рассматривали и использовали как источники, в том числе и в докладных более позднего времени (на имя Н. С. Хрущева). С тем большими основаниями к источникам авторы книги относят информации бывших политзаключенных (носителей знаний о масштабах репрессий).

Историография темы массовых политических репрессий начинает практически развиваться в период «оттепели», но в связи с попыткой реабилитации И. Сталина эта проблема оказалась свернутой. За рубежом же, напротив, в кругах эмигрантов заметно активизировались исследования по вопросам репрессий в СССР. Но в их трудах имеются существенные расхождения в оценках, суждениях о репрессиях в СССР, количестве пострадавших и погибших в результате террора.

Тема сталинских репрессий прочно вошла в науку с эпохи «перестройки», в условиях политики «гласности». Официально новому периоду в осмыслении этой проблемы был дан старт в 1987 г. М. С. Горбачевым. Стали появляться не только публицистические и научные труды, но и произведения художественной литературы на тему тоталитаризма. Однако и в них, ввиду недостаточности источниковой основы, имелись серьезные расхождения в оценке сведений о масштабах политических репрессий.

В рецензируемом труде утверждается, что следующая тенденция в исследовании сталинских репрессий и их последствий связана с открытием доступа к ранее засекреченным документам из фондов некоторых архивов. Первым, кто использовал источники подобного рода, по мнению авторов, является известный историк Д. А. Волкогонов. С этого времени вопрос о численности потерь в годы сталинских репрессий породил острую дискуссию, которую обстоятельно проанализировали С. А. Кропачев и Е. Ф. Кринко.

Авторы монографии уделили пристальное внимание феномену «большого террора» и его масштабам, осмысление которых сыграло важнейшую роль в становлении современной историографии сталинизма. Конкретная задача по уничтожению «врагов народа» была сформулирована решением пленума ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г., в развитие которого был принят ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), приказов НКВД СССР, установивших контингент и количество репрессируемых, в том числе и по национальным республикам. В книге достаточно глубоко проанализирована историография «большого террора», показаны участие в его инициировании и реализации И. Сталина, Н. Ежова, А. Вышинского. Авторами сделан совершенно обоснованный вывод о том, что массовые политические репрессии 1937–1938 годов имели для советского общества и государства серьезные негативные последствия. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей, представителей всех национальностей СССР.

В работе специально выделена историография ГУЛАГа и спецпоселений, занимавших ключевые места в пенитенциарной системе советского государства. ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ в 1930 г., с 1934 г. НКВД СССР. В 1941 г. этому управлению подчинили все колонии НКВД и создали отдел трудовых и специальных поселений, который в 1944 г. был выделен в самостоятельную структуру. ГУЛАГ представлял собой широко разветвленную систему с 53 лагерями, имевшими многочисленные отделения и пункты, 425 колониями, более чем 2 тысячами спецкомендатур. Он распределял и перераспределял заключенных всех исправительно-трудовых лагерей. Особый интерес в книге представляет анализ историографии спецпоселенцев и их вклада в развитие производительных сил северных и восточных регионов СССР. Изучение историографии показало, что система исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений представляла собой мощный лагерно-промышленный комплекс, основанный на использовании принудительного труда и игравший значительную роль в жизни страны.

В рецензируемой монографии большое место занимает историография депортации народов СССР. Авторы справедливо отмечают, что эта проблема в последние годы

вызывает повышенный научный и общественный интерес, объясняя проявление этого интереса прежде всего этнополитическими процессами и связывая их с событиями военного времени. Мне, однако, представляется, что активизация научного осмысления сложного, трагического периода в истории народов, переживших депортацию, связана с получением возможности объективно осветить их историю военного периода на основе новых документальных источников, выявленных в рассекреченных фондах архивов. При этом, не оправдывая, снять необоснованные, ложно предъявленные им обвинения. Считаю, что именно эти факторы способствовали активизации историков в национальных республиках, развитию историографии депортации по этническому признаку.

В рецензируемой книге историография этнических депортаций проанализирована согласно предложенной авторами периодизации. Они, как и некоторые другие исследователи, совершенно справедливо отметили негативную роль эмигрантской печати в судьбах самих репрессированных народов, усилившей огульные обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и выступлениях. Это находит подтверждение и в действиях калмыцкой эмиграции, нашедшей в годы войны приют у нацистов, активно выступавшей и пропагандировавшей нацизм, ведшей антисоветскую пропаганду от имени всего калмыцкого народа, не имея на это ни полномочий, ни социальной опоры и организационной связи с калмыками в СССР.

Выделяя новый этап в развитии историографии депортации, авторы связывают его с общим изменением обстановки в стране в 1990-е гг., с возобновлением реабилитации жертв политических репрессий, с введением в научный оборот новых документальных материалов, на основе которых стало возможным объективно освещать прошлое. В книге достаточно основательно проанализированы труды историков, раскрывающие причины депортаций. Выявив различные мнения, суждения и оценки по многим вопросам, авторы пришли к обоснованному выводу о необходимости продолжать исследования данной проблемы.

Специальная глава рецензируемого труда посвящена оценке демографических последствий Великой Отечественной войны. Это правомерно, поскольку народы СССР принесли на алтарь Победы многомилли-

онные жертвы. Изучение потерь в Великой Отечественной войне имеет не только научное значение, но и высокий нравственный и общественно-политический смысл. Рассмотрев историографию проблематики потерь, авторы объективно отмечают, что исследования, осуществленные в советские годы, были подчинены идеологии, подвержены политической конъюнктуре в угоду правящему режиму, которому было выгодно приуменьшить потери в Великой Отечественной войне, скрыть от народа истинную численность убитых, раненых, пропавших без вести и попавших в плен.

Новые оценки масштабов потерь СССР в военное лихолетье стали появляться в период «оттепели», но и они не были лишены политической конъюнктуры, преподнося различные цифры о потерях в войне — от 20 млн до 30 млн человек. В зарубежной литературе диапазон разночтений по этому поводу более внушителен — от 22 млн до 50–60 млн человек. Подлинные размеры наших людских потерь длительное время скрывались от народа, вплоть до 1990-х гг., когда впервые стали называться цифры прямых потерь — 26–27 млн. Имеющиеся публикации и исследования свидетельствуют, как отмечают авторы: политизация военной темы и сегодня затрудняет установление подлинной численности потерь Советского Союза в 1941–1945 годах.

Широко известно, что в годы Великой Отечественной войны Красная Армия понесла большие, безвозвратные потери личного состава. Ни в зарубежных, ни в отечественных исследованиях до сих пор не имеется единого мнения о количестве людских потерь Советского Союза в минувшей войне. По подсчетам авторов новейшего справочного издания «Книга потерь», безвозвратные потери списочного состава военнослужащих составили 8668400 человек, из них пропали без вести и попали в плен — 4559000 [Кривошеев и др. 2009: 50–51]. По данным Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, в плену оказались 4069600 солдат и офицеров Красной Армии. По сведениям немецкого историка К. Штрайта, общее число советских военнослужащих, оказавшихся в плену у немцев, составляло 5734528 человек [Штрайт 2009: 8]. Профессор Рурского университета Б. Бонвеч указывает на две официальные цифры, свидетельствующие о количестве со-

ветских военнопленных в Германии — 5246 тыс. (по данным Главного командования сухопутных войск) и 5744 тыс. (по данным военной разведки) [Бонвеч 2010: 121]. Он отмечает, что официальных данных о числе погибших в немецких лагерях не существует. В фашистских концлагерях, по данным К. Штрайта, погибли 57,8 % советских военнопленных, или 3300 тыс., а по мнению Б. Бонвеча, не совсем известна судьба 2800 тыс. Согласно подсчетам отечественных составителей новейшего справочного издания, 2500 тыс. советских военнопленных не дожили до освобождения. А всего, по неполным данным сводки № 45 Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР на 1 февраля 1946 г., количество выживших советских военнопленных в фашистских концлагерях составляло 2016480 человек [ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 60; Д. 285. Л. 166].

При анализе данных о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне, на мой взгляд, следует иметь в виду сложившийся у граждан бывшего СССР со времен принятия сталинских приказов стереотип о военнопленных как о предателях, из-за которого родные и близкие до сих пор не могут преодолеть синдром страха за находившегося в плену. Помимо этого, следует учитывать и особенности отчетов командования воинских частей о потерях личного состава. Они, скрывая «худший показатель — плен», увеличивали в безвозвратных потерях, как отмечается в историографии, число «без вести пропавших». Мне представляется, что говоря о потерях в Великой Отечественной войне и советских военнопленных, следовало бы обратить внимание на работы исследователей о судьбе пленных, репатриированных в Советский Союз.

Проанализировав отечественную историографию Холокоста и проблемы определения численности его жертв, авторы монографии приходят к выводу о том, что она представляет одну из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны. Совершенно справедливо отмечается, что в историографии и в историческом сознании современного общества вырабатывается понимание того, что уничтожение евреев представляло собой составную часть общих нацистских планов преобразования мира и их реализации на оккупированной советской территории.

Рецензируемая монография, несмотря на высказанные выше замечания и пожелания, безусловно является высоконаучным исследованием и представляет собою новый фундаментальный труд по историографии людских потерь Советского Союза в годы апогея политических репрессий и Великой Отечественной войны. Проанализировав доступную зарубежную литературу и значительный массив отечественной

историографии по названной проблеме, авторы выяснили, что в целом советскими и современными российскими историками накоплен немалый опыт изучения масштаба и форм потерь и репрессий в СССР в 1937–1945 гг. Значение данного труда, помимо всего вышеизложенного, определяется комплексным исследованием источниковой базы и историографии рассматриваемой проблемы.

Литература

- Бонвеч Б. Советские военнопленные между Сталиным и Гитлером / Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2010. С. 121.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 60; Д. 284. Л. 117; Д. 285. Л. 166.

Кривошеев Г. Ф. и др. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2009. С. 50–51.

Штрайт К. «Они нам не товарищи ...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М.: АНО «Русское историческое общество» – НП ИД «Русская панорама», 2009. С. 8.

References

- Bonvech B. [Soviet Prisoners of War between Stalin and Hitler]. In: [War on Extermination: Nazi Genocide Policy in Eastern Europe]. Conf. proc. (Moscow; April 26–28, 2010). Moscow, 2010. P. 121. (In Russ.)
- Krivosheev G. F. et al. [Great Patriotic War without a Secrecy Label. Book of Losses. The Newest Reference Book]. Moscow: Vechе, 2009. Pp. 50–51. (In Russ.)

[The State Archive of the Russian Federation]. Fund P-9526. Invent. 6. Case 933. Sheet 60; Case 284. Sheet 117; Case 285. Sheet 166. (In Russ.)

Streit K. [“They are not our Comrades...”: Wehrmacht and Soviet Prisoners of War in 1941–1945]. I. Diakonov (transl.). I. Nastenکو (ed., foreword). Moscow: Russian Historical Society, Russian Panorama Publ., 2009. P. 8. (In Russ.)

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

20 мая 2013 г. состоялась встреча ученых КИГИ РАН с директором Института языка и литературы Академии наук Монголии, академиком Лувсандоржийн Болдом. В ходе встречи директор КИГИ РАН Н. Г. Очирова познакомила гостя с основными направлениями деятельности Института, подробно рассказала о работе научных сотрудников в области языкознания, фольклористики и литературоведения. Затем с большой заинтересованностью учеными был обсужден вопрос о продолжении выполнения совместных проектов в области изучения письменного наследия ойратов и современной литературы монгольских народов. Как известно, в архиве Института языка и литературы Академии наук Монголии хранятся более 1 200 памятников письменности на «тодо бичиг». В ходе беседы с академиком Л. Болдом ученые пришли к выводу, что сохранение богатейшего архива древних рукописей — уникального духовного наследия наших предков — их исследование, перевод и переложение на современный язык, введение их в научный оборот требуют совместных усилий. Развитие данного направления плодотворно сказалось бы на развитии фундаментальной науки обеих стран.

Другой важной темой, которую обсудили научные сотрудники КИГИ РАН с академиком Л. Болдом, была проблема изучения литературы монгольских народов XX в. Отмечалось, что разработки по данному вопросу ведутся на протяжении ряда лет в различных регионах проживания монголоязычных народов — в России (Бурятия, Калмыкия), Внутренней Монголии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая и в Монголии. Однако и здесь необходимо более тесное сотрудничество ученых для реализации проекта по написанию Истории литературы монголоязычных народов.

В рамках проходившей встречи были также обсуждены вопросы сотрудничества по проблемам грантовой поддержки деятельности ученых, издания совместных научных трудов, проведения конференций,

лингвистических и фольклорных экспедиций и др. По всем вопросам, которые были рассмотрены на встрече, стороны нашли полное взаимопонимание.

В тот же день директора институтов Н. Г. Очирова и Л. Болд подписали соглашение о дальнейшем сотрудничестве двух исследовательских учреждений по реализации Тематического плана научного сотрудничества между Российской академией наук и Академией наук Монголии на 2011–2015 гг.

В начале июня 2013 г. состоялся визит в Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН директора Института национальных меньшинств Академии общественных наук КНР, профессора Чао Гэджин (Цогджин) и профессора Даньбу-эрджафу (Дамринжав). На протяжении последнего десятилетия активно развивается сотрудничество КИГИ РАН с Институтом национальных меньшинств в области фольклористики. Ученые двух востоковедных научных Центров успешно реализуют совместные проекты в области исследования устного народного творчества монгольских народов и прежде всего калмыцкого героического эпоса «Джангар», участвуют в конференциях, активно обмениваются изданными трудами и др.

2 июня 2013 г. директор Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, к. полит. н. Н. Г. Очирова и руководитель Центра монголоведения и тибетологии КИГИ РАН, д. филос. н. Б. А. Бичеев встретили в Москве делегацию из Китая. 3 июня 2013 г. Н. Г. Очирова, Б. А. Бичеев и китайские ученые на встрече с академиком-секретарем Отделения историко-филологических наук, академиком В. А. Тишковым обсудили актуальные проблемы сотрудничества между академическими сообществами, реализации совместных международных проектов в области гуманитарных наук и мн. др.

С 4 по 7 июня 2013 г. делегация ученых КНР находилась в Республике Калмыкия. В эти дни состоялась встреча китайской деле-

гации с коллективом ученых КИГИ РАН, на которой профессор Чао Гэджин рассказал о деятельности Института национальных меньшинств и научных исследованиях, которые ведутся учеными. Профессор Дамбуэрджаифу познакомил коллег с научными трудами, изданными в последние годы в их Институте. Ученые-фольклористы КИГИ РАН обсудили с гостями проблемы, связанные с подготовкой к изданию многотомного фундаментального труда «Свод калмыцкого фольклора», проведением стажировок, и некоторые другие вопросы.

В завершение визита китайской делегации Н. Г. Очирова и профессор Чао Гэджин подписали двустороннее Соглашение о продолжении сотрудничества между Институтами, в рамках которого будут продолжены совместные научные изыскания, проведение научных мероприятий и др.

В ходе визита китайские ученые побывали в Министерстве образования, культуры и науки Республики Калмыкия, где их приняла заместитель министра, д. пед. н. Р. Б. Дякиева. Профессор Чао Гэджин и профессор Дамбуэрджаифу посетили Калмыцкий государственный университет, встретились с ректором, к. пед. н. Б. К. Салаевым, познакомились с достопримечательностями Калмыкии.

13 июня 2013 г. в конференц-зале КИГИ РАН состоялась встреча с делегацией Венгерской Республики, в состав которой входили известный ученый-востоковед, научный сотрудник Венгерской академии наук Давид Зомфай Кара, и кинематографист, продюсер документального фильма

о Габоре Балинте, Ласло Деметр. Гости прибыли в Калмыкию для съемок первого в истории документального фильма, посвященного жизни и деятельности известного венгерского востоковеда Габора Балинта (1844–1913), исследовавшего язык, фольклор и этнографию монгольских и тюркских народов. В ходе встречи с учеными КИГИ РАН Давид Кара рассказал о жизни и путешествиях Габора Балинта, который первым из венгерских ученых начал работу над изучением современных монгольских языков. В 1871–1872 гг. выдающийся ориенталист жил в Астрахани, где изучал калмыцкий язык, а в 1873–1874 гг. посетил Ургу (ныне Улан-Батор) для записи халхаского диалекта.

Создатели фильма с удовлетворением отметили, что в 2010 г. был реализован совместный проект ученых КИГИ РАН и Венгерской академии наук по введению в научный оборот полевых материалов Габора Балинта (записи среди калмыков и монголов 1871–1874 гг.) «*Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid. 19th Century. Philological Studies On the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's*». (Филологические исследования калмыцкого фольклора и народной культуры в XIX в., основанные на западномонгольских (калмыцких) текстах Габора Балинта из Сенткатолны).

Творческая группа из Венгрии поставила себе задачу посетить все места, где работал ученый. Она уже побывала в Казахстане и Астраханской области. После Калмыкии дальнейший их путь пролегает по территории Дагестана, Киргизии, Монголии и др.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В преддверии Дня Великой Победы и 70-летия незаконной депортации калмыцкого народа Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН совместно с редакцией газеты «Парламентский вестник Калмыкии» был организован Круглый стол по проблемам истории изучения боевого пути 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии и вопросам военно-патриотического воспитания подрастающего поколения на примере героизма воинов 110-й ОККД. В работе Круглого стола приняли участие ученые КИГИ РАН д.и.н. профессор Максимов К. Н., д.и.н. Очиров У. Б.,

к.ф.н. Бембеев Е. В., члены Совета старейшин при Главе Республики Калмыкия, члены Республиканского совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, представители общественных и молодежных организаций республики. Участники заседания Круглого стола отметили, что 110-я ОККД внесла неоценимый вклад в дело защиты Дона и Северного Кавказа и освобождения Юга России от немецко-фашистских захватчиков. В оборонительных и наступательных боях 110-я Отдельная кавалерийская дивизия прошла свыше 1 500 км, из них в нас-

тупательных боях зимой 1942–1943 гг. — более 600 км. В тяжелое лето 1942 г. дивизия вела кровопролитные оборонительные бои с превосходящими силами противника в районе Дона, Задонских и Сальских степях. За период наступательных боев дивизия освободила более ста населенных пунктов Дагестанской АССР, Ставропольского края, Калмыцкой АССР и Ростовской области.

В заключение участники Круглого стола приняли предложения в адрес Главы Республики Калмыкия и Правительства Республики Калмыкия об увековечивании памяти воинов 110-й Отдельной калмыцкой

кавалерийской дивизии и установлении им памятника с поименным списком воинов на мемориальных плитах, о присвоении новым улицам г. Элисты и других населенных пунктов имен героев дивизии, а также о рассмотрении вопроса об издании книг «Солдаты Победы. Издание второе, дополненное» в 2014 г., «Формирование и боевой путь 110-й ОККД (1-го формирования)» в 2015 г. и об организации и финансировании поисковых работ на месте боев 110-й ОККД с целью разыскания и захоронения останков погибших воинов (на территории Ставропольского края, Калмыцкой АССР и Ростовской области).

ИСТОРИЯ

HISTORY

Санчи́ров В. П. К вопросу о дурбэн-ойратском союзе

В статье рассматривается малоизученный и спорный вопрос об образовании Дурбэн-ойратского союза в послеоаньский период в Монголии. В отечественной историографии до последнего времени существовали две противостоящие друг другу точки зрения – «гиперкритическая» и «удревнительная». Только в конце XX в. было найдено ойратское историческое сочинение «История Хо-Орλόка», что позволило доказать существование этого союза и выявить три периода в его истории.

Ключевые слова: История Монголии послеоаньского периода, ойраты (западные монголы), Дурбэн-ойратский союз, ойратское историческое сочинение «История Хо-Орλόка».

Sanchirov V. On the Question of Durben-Oirat Alliance

The article deals with the less-investigated and debatable problem of the formation of the Durben-Oirat alliance in post – Yüan period in Mongolia. There were until recently two opposing points of view on it in the historiography – hypercritical and bringing forward to remote ages. At the end of XX century the Oirat historical work «The history of Kho-Orlog» was found, that allowed to prove the existence of that alliance and to reveal three periods in its history.

Keywords: history of post-Yüan Mongolia, Durben-Oirat Alliance, the Oirat historical work «The history of Kho-Örlög».

Джундзужов С. В. Динамика численности населения в Ставропольском калмыцком войске (1737–1842 годы)

В статье описываются периодизация изменений численного состава Ставропольского калмыцкого войска и факторы, оказавшие влияние на динамику роста и падения народонаселения. В заключение автор делает вывод о том, что сокращение численности войскового населения способствовало принятию указа о расформировании Ставропольского войска в 1842 году и присоединению ставропольских крещеных калмыков к Оренбургскому казачьему войску.

Ключевые слова: Ставропольское калмыцкое войско, калмыки, численность населения, сокращение, рост.

Dzhundzhuzov S. Dynamics of Population in the Stavropol Kalmyk Army (1737–1842)

The article describes the periodization of changing of number of the Stavropol Kalmyk Army and factors which exerted influence on the growth and decrease of dynamics of population. In conclusion the author infers that the decrease of number of troops had promoted the adoption of the decree about disbandment of the Stavropol Kalmyk Army of 1842 and affiliation of the Stavropol christened Kalmyks to the Orenburg Cossack Army.

Keywords: Stavropol Kalmyk army, Kalmyks, population, the number of people, reduction.

Лиджиева И. В. Источники по истории местного самоуправления в Калмыкии середины XIX в. (на материалах Национального архива Республики Калмыкия)

В статье рассматриваются источники по истории местного самоуправления в Калмыкии середины XIX в. Автор приводит классификацию документов по указанной теме по материалам Национального архива Республики Калмыкия.

Ключевые слова: местное самоуправление, сход, приговор, хотонный староста, старишина.

Lidzhieva I. Sources on the History of Local Government in Kalmykia in the middle of the XIX century (on materials of National Archive of Republic of Kalmykia)

The sources on the history of local government in Kalmykia in the middle of the XIX century are considered in the article. The author gives a classification of documents on the above subject based on materials of the National Archive of Republic of Kalmykia.

Keywords: local government, the gathering of the sentence, Houghton chief, foreman.

Бадмаева Е. Н. Женщины Калмыкии в акциях протеста 1930-х гг.

В статье рассматривается гендерная окраска социальной истории: особенности протестов в среде женщин-калмычек, их социальная активность в период реформирования сельского хозяйства в 1930-е гг.

Ключевые слова: Калмыкия, женщина-калмычка, реформирование сельского хозяйства, специфика протеста, голодное бедствие, коллективизация.

Badmaeva E. Women of Kalmykia in the Protests in the 1930-s

The article considers the gender coloring of social history: peculiarities of protests among the Kalmyk women, their social activity in the period of reforming of agriculture in the 1930s.

Keywords: Kalmykia, Kalmyk woman, reforming of agriculture, specific of protest, famine disaster, collectivization.

Цуцулаева С. С. Представители репрессированных народов Северного Кавказа в движении Сопротивления в Европе

Статья посвящена малоисследованному вопросу участия представителей репрессированных народов Северного Кавказа в движении Сопротивления в Европе. Автором проведен обзорный историографический анализ по данному вопросу.

Ключевые слова: депортация, репрессированные народы, Северный Кавказ, движение Сопротивления в Европе.

Tsutsulaeva S. Representatives of the Repressed Peoples of the North Caucasus in the Movement of Resistance in Europe.

The article is devoted to less-investigated issue of participation of representatives of the repressed peoples of the North Caucasus in the Movement of Resistance in Europe. The review of historiographical analysis on this issue is conducted by author.

Keywords: deportation, repressed people, North Caucasus, Resistance Movement in Europe.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Салыкова В. В. Колоративная лексика в языке синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: сравнительно-статистический анализ

В статье представлены результаты сопоставительного исследования колоративной лексики в двух главах синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар». В результате анализа было установлено, что наиболее употребительными являются лексемы *улан* (красный) и *хар* (черный), далее по частности располагаются слова с семантикой белого, желтого, синего, голубого, зеленого и серого цветов.

Ключевые слова: калмыцкий героический эпос «Джангар», синьцзян-ойратская версия эпоса «Джангар», лексика, лексема, имя прилагательное, цвет.

Клюшин П. В., Маркасова Е. В. Конструкция «не я (ты) ли + имя существительное VS прилагательное» и распределение коммуникативных статусов

В статье рассматриваются случаи использования конструкции *не я(ты) ли + именная часть* в русскоязычных текстах. Данная конструкция часто используется для выражения полярных настроений и разнообразных чувств адресанта (недовольство, разочарование, радость, восторг). Риторический вопрос, содержащий характеристику адресата (*не ты ли есть X?*) или адресанта (*не я ли есть X?*), диктует слушателю определенное понимание специфики его отношений с адресантом. Адресат лишен права самостоятельно характеризовать адресанта; он должен согласиться или опровергнуть тезис, но основываясь не на своих убеждениях, а вследствие давления на него адресанта.

Ключевые слова: коммуникация, автокоммуникация, коммуникативный статус, риторический вопрос, риторическое восклицание, местоимение, имитация устной речи, манипулирование.

Глушкова Т. С. Концепт *вред* в русском языке и особенности рекламного дискурса

В статье исследуется концепт «вред» как один из концептов русского национального сознания. В центре внимания автора — содержание и функционирование данного концепта в русском литературном языке и в текстах рекламы. Реконструкция концепта «вред» осуществляется посредством выявления и описания стереотипных представлений носителей русского языка, связанных с понятием вреда. Материалом анализа послужили паремии, тексты печатных и электронных СМИ, а также рекламные тексты на этикетках водочной продукции.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт, стереотип, вред, реклама.

LINGUISTICS

Salykova V. Color-Denoting Lexic in the Language of Xinjiang-Oirat and Kalmyk Version of the Epos «Dzhangar»: a Comparative and Statistical Analysis

The article presents the results of the comparative study of the color-denoting lexic in two chapters of the Xinjiang-Oirat and Kalmyk versions of epos «Dzhangar». As a result of the analysis it was stated that the most commonly used were lexeme *ulan* (red) and *khar* (black), than followed words with semantics color *white, yellow, blue, light blue, green and grey*.

Keywords: Kalmyk geroic epos «Dzhangar», Xinjiang-Oirat version of epos «Dzhangar», lexic, lexeme, adjective, color.

Klushin P., Markasova E. Construction *Particle ne + Pronoun Ya/Ty (I/you, sing.) + Intensifying Particle li + Noun vs Adjective* and Distribution of the Communicative Statuses

The article deals with the usage of the construction *ne ja/ty li + a noun or an adjective* in the Russian texts. It is used for the expression of polar addresser's emotions (discontent, disappointment, joy, admiration). A rhetorical question that has a characterization of an addressee (*you are an X, aren't you?*) or an addresser (*I am an X, aren't me?*) dictates to a listener the certain understanding of specific of his communicative relations with the addresser. The addressee is deprived of any rights to describe an addresser by himself; an addressee has to agree with arguments or argue against them basing not on the addresser's point of view but as a result of pressing of addresser on him.

Keywords: communication, autocommunication, communicative status, rhetorical question, rhetorical exclamation, pronoun, imitation of oral speech, speech manipulation.

Glushkova T. Concept *Harm* in the Russian Language and Peculiarities of Advertising Discourse

The article examines the concept *harm* as one of the concepts of the Russian national consciousness. The author focuses on the content and functioning of this concept in the Russian literary language and in the texts of advertising. The reconstruction of concept of «harm» is done through the revelation and description of the stereotypical view of the Russian-speakers, connected with the concept of *harm*. Paremiias, mass media printed and electronic texts, as well as advertising texts on the labels of vodka productions.

Keywords: language consciousness, concept, stereotype, harm, advertising.

Джушхинова К. А. «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры

В статье рассматривается культурно-национальная коннотация устойчивого сочетания «белая дорога (цаган хаалh)». На основе анализа внутренней формы данного фразеологизма, который, по мнению автора, является, в зависимости от ситуации, репрезентантом двух базовых концептов калмыцкой лингвокультуры «Дорога» (путь) и «Судьба» (жизненный путь) сделан вывод о том, что данный языковой знак, безусловно, имеет этнокультурную специфику, закреплённую в её жанровой реализации.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, речевой жанр, калмыцкая лингвокультура, прецедентный феномен.

Мызникова Я. В. Причины коммуникативных неудач в процессе полевого сбора лексического материала

В статье предпринята попытка выявить причины коммуникативных неудач, возникающих в процессе полевого сбора диалектной лексики заданных тематических групп. Диалогические формы речи, состоящие из реплик собирателя и словесных реакций информанта, и являются материалом для данного исследования. Некоторые из словесных реакций наглядно иллюстрируют понятие коммуникативной неудачи, причины которой многообразны: от экстралингвистических, культурно-психологических до собственно лингвистических, связанных с различиями в языковой компетенции собирателей и информантов.

Ключевые слова: коммуникативные неудачи, языковая компетенция, коллективистские культуры, оппозиция «свой / чужой», ситуативный контекст.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Басангова Т. Г. Калмыцкие родовые дразнилки

В статье, написанной по материалам полевых исследований автора, дана характеристика малого жанра калмыцкого фольклора — «Родовые дразнилки калмыков».

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, фольклорная традиция, дразнилка, род.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ханинова Р. М. Репрезентация «свой» — «чужой» в рассказе А. Серафимовича «Степные люди»

В статье рассматривается рецепция и репрезентация понятий «свой» — «чужой» на примере рассказа А. Серафимовича «Степные люди». Национальная идентичность выражена в сюжете рассказа конфликтом социального и человеческого, личного и общественного, персонального и государственного.

Ключевые слова: свой, чужой, казак, калмычка, национальная идентичность, ментальность.

Dzhushkhnova K. “White road” as a Precedent Sign of the Kalmyk Linguistic Culture

The article deals with cultural and national connotation of collocations “white road” (Tsagan Khaalg). There is concluded that this language sign undoubtedly has ethnic and cultural specific secured in its genre realization. On the basis of analysis of inner form of the phraseological unit which is according to the author is option is the represent of two basic concepts of the Kalmyk linguistic culture — “Road” (way) and “Fate” (life way).

Keywords: concept, sphere of concepts, speech genre, Kalmyk linguistic culture, precedent phenomenon.

Myznikova Y. Causes of the Communication Failures in the process of Field Data Collection of lexical Material

The article represents, our find out the causes of communicative failures occurring in the process of collecting of dialect vocabulary of certain thematic dialog forms of speech contenting from replicas of collectors and verbal reactions of informants are materials of for this researting. Some of these verbal reactions illustrate the concept of communicative failure, causes of which are varied: from extra-linguistic, cultural and psychological to precisely linguistic connected with the differences in language competence of collectors and informants.

Keywords: communicative failure, collectivistic culture, language competence, situational context.

FOLKLORISTICS

Basangova T. Kalmyk Tribal Tauts

In the article written on materials of field researching of the author the characteristics of a small genre of the Kalmyk folklore — tribal tauts of Kalmyks – is given.

Keywords: Kalmyk folklore, folk tradition, Taut, tribe.

LITERATURE STUDIES

Khaninova R. Representation of «One’s Own» — «Alien» in the Story of A. Serafimovich «Steppe People»

The reception and representation of the definitions «one’s own» — «alien» based on the story by A. Serafimovich «Steppe people» arconsidered in the article. The national identity is manifested in the plot of the story through the conflict of social and human, individual and public, personal and state.

Keywords: one’s own, alien, Cossak, Kalmyk woman, national identity, mentality.

Иванова Д. А., Ханинова Р. М. Образ калмыцкой женщины кавалериста в прозе А. Исбаха

В статье рассматривается художественный образ Нармы Шапшуковой, участницы Гражданской войны, в контексте ее биографии на примерах рассказа «Нарма Шапшукова» и повести «Калмычка» Александра Исбаха. Романтика героического подвига женщины на войне отразила основные тенденции в изображении историко-революционной темы в советской литературе, в том числе в прозе А. Исбаха.

Ключевые слова: гражданская война, женщина на войне, женщина-кавалерист, антропологическая поэтика, прототип.

Ivanova D., Khaninova R. Image of the Kalmyk Cavalry woman in the Prose of A. Isbah

The article deals with the image of Narma Shapshukova, a Kalmyk woman, a participant of the Civil war, in the context of her biography in Alexander Isbakh's short story «Narma Shapshukova» and the novelet «Kalmichka» (Kalmyk woman) of the same author. The romanticism of the woman's heroic in war reflected the main tendencies in the representation of historic and revolutionary theme in the Soviet literature, including in A. Isbakh's prose.

Keywords: Civil war, woman in war, Cavalry-woman, anthropological poetics, prototype.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Батырева С. Г. Джангариада во времени и пространстве живописи Г. О. Рокчинского

Предметом исследования является искусство Калмыкии 90-х годов XX века, постдепортационный период его развития. Для работ Г. Рокчинского характерна тема этнического самосознания личности. Его работы отражают память предков в категориях пространства и времени.

Ключевые слова: современное искусство, культура, история, творческая личность, этническое самосознание, память предков, пространство, время.

Batyreva S. Dzhangariada in Time and Space in Painting of G. Rokchinsky

The subject of the researching is the art of Kalmykia of the 90-th of XX century, a postdeportational period of their development. The them of ethnic self-consciousness is specular for painting of G. Rokchinsky. His works reflect memory of ancestors in categories of the time and space.

Keywords: modern art, culture, history, creative person, ethnic self-consciousness, memory of ancestors, space, time.

ART STUDIES

ПЕДАГОГИКА

Головко Н. В. Становление компетентностной парадигмы в обучении физике в школьном образовании Украины: опыт теории и практики

В статье рассматриваются вопросы теоретического обоснования компетентностного подхода и его внедрения в практику обучения физике в общеобразовательной школе Украины. На основании сравнительного анализа особенностей становления компетентностной парадигмы в системе школьного образования России и Украины в статье показана общность методологических предпосылок трансформации содержания и методов обучения физике в средней школе. Автором выделены основные направления и дидактические условия целенаправленного формирования предметной компетентности по физике как составляющей естественнонаучной компетентности выпускника.

Ключевые слова: компетентность, образовательный стандарт, содержание обучения физике.

Golovko N. Formation of Competence Paradigm in Teaching of Physics in the School Education of Ukraine: Experience of Theory and Practice

The article deals with the problems of theoretical substantiation of competence approach and its implementation in teaching of Physics at general education school in Ukraine. There is showed commonality of methodological prerequisites of transformation of content and methods of teaching of Physics in general education school. The author reveals the main directions and didactic condition of purposeful formation of subject competence in physics as a part of natural-science competence of school leaver.

Keywords: competence, educational standard, content of teaching of Physics.

PEDAGOGICS

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гунаев Е. А. Этническая идентификация: правовые аспекты

В статье проанализированы правовые аспекты этнической идентификации как основы права на этническую идентичность на примере законодательства Российской Федерации и ее субъектов. С учетом принципа свободы национальной (этнической) самоидентификации особое внимание уделено праву государства идентифицировать граждан, коллективные общности по этническому признаку в целях формирования основ национальной политики и защиты прав этнических общностей.

Ключевые слова: этническая идентификация, самоидентификация, этнические общности, право национальной (этнической) принадлежности, этнокультурные права.

Gunaev E. Ethnic Identification: Legal Aspects

The article considers legal aspects of ethnic identification as a basis of the right of ethnic identity on the example of the legislation of the Russian Federation and its constituent territories. With regard to the principle of freedom of national (ethnic) identity the special attention is paid to the right of a state to identify the citizens, collective communities on an ethnic criterion in order to form the foundations of the national policy and for the protection of the rights of ethnic communities.

Keywords: ethnic identification, self-identification, ethnic communities, right of national (ethnic identity), ethnical and cultural rights.

JURISPRUDENCE

Азыдова А. В. К вопросу о нормативном регулировании внутреннего контроля в России и мире

В статье рассмотрены основные нормативные документы, регулирующие внутренний контроль в России и в мире, их преимущества и недостатки. Автором предложена методика разработки документов, регулирующих внутренний контроль в организации.

Ключевые слова: *внутренний контроль, нормативное регулирование, стандарты аудита, мошенничество, контрольная среда, информационные технологии, политики и процедуры.*

Azydova A. On the Question of Normative Regulation of Internal Control in Russia and in worldurde

The article considersthe basic normative documents regulate internal control in Russia and worldurde, their advantages and disadvantages. The author propose a methods document regulating internal control in the institution.

Keywords: *internal control, normative regulation, standards of audit, fraud, control environment, informational technologies, policies and procedures.*

ЭКОНОМИКА

Емгушева Э. В. Конвергенция уровня регионального развития и личной экономической безопасности

В статье рассматривается взаимосвязь неравномерного социально-экономического развития регионов и личной экономической безопасности. Определяются условия эффективного использования экономического потенциала территорий и возможности укрепления финансовой самостоятельности регионов. Проведен анализ результатов бюджетной политики Республики Калмыкия, предложены пути решения проблемы зависимости депрессивных регионов от федерального бюджета.

Ключевые слова: *экономическая безопасность личности, качество жизни, деструктивные факторы человеческого развития, территориальная неравномерность развития, финансовая самостоятельность регионов, бюджетно-налоговая политика.*

Бородин А. И., Конорев В. В. Методология определения ценности информации в региональных задачах принятия управленческих решений с учетом неопределенности

В статье рассмотрены вопросы информатизации всех сфер производственно-экономической деятельности, которая определяет потребность в разработке и применении эффективных и адекватных реальной действительности компьютерных программ и технологий, позволяющих оптимизировать экономические информационные системы (ЭИС), в том числе по критериям информационной подготовки управленческого решения, соответствующего достижению цели с наибольшей вероятностью.

Ключевые слова: *регион, управленческие задачи, условия неопределенности, ценность информации.*

Богзыков Ю. С. К вопросу о сельскохозяйственной кредитной кооперации

В статье рассмотрены вопросы развития сельскохозяйственной кредитной потребительской кооперации. Определены модели региональных систем сельскохозяйственной кредитной кооперации на Юге России, а также дана оценка эффективности мероприятий по повышению доступности кредитов для сельскохозяйственных производителей.

Ключевые слова: *сельскохозяйственная кредитная кооперация, модели, региональные системы, кредиты, займы.*

ECONOMICS

Emgusheva E. Convergence of Level of Regional Development of Individual Economic Security

The correlation of irregular social and economic development of regions and private economic security is considered in the article. The terms of effective usage of economical potential of territories and possibilities of consolidation of financial independence of regions are also examined in the article. The results of budgetary policy have been analyzed and the ways of solving the problem of the Republic of Kalmykia dependence of depressive regions from federal budget have been suggested.

Keywords: *economic security of the individual, quality of life, destructive factors of human development, territorial irregularity of development, financial independence of regions, budget and tax policy.*

Borodin A., Konorev V. Methodology of Defining of Value of Information in under conditions of unHH-Hainty Decisions making problems with regard due to Ambiguity

The article considers issues of informatization of all spheres of productive and economic activity which defines demand in development and application of effective and adequate to reality computer programs and technologies, allowing to optimize the economic informational systems (EIS), including criteria of informational preparation of the managerial decision corresponding to achievement of the purpose with the greatest probability.

Keywords: *region, managerial tasks, conditions of uncertainty, value of information.*

Bogzykov J. On the Question of Agricultural Credit cooperations

The article deals with the issues of development of agricultural credit consumer cooperation. There are defined models of regional systems of agricultural credit cooperation in the South of Russia as well as are the evaluation of the effectiveness of actions increasing of the availability of credits for agricultural makers.

Keywords: *agricultural credit co-operations, models, regional systems, credits, loans.*

Денисова С. А. Региональные долги: анализ и перспективы

В статье рассматривается динамика объема государственного долга регионов. Особое внимание уделяется вопросам возрастания роли долговой политики и эффективного управления со стороны органов государственной власти с учетом новых условий и задач.

Ключевые слова: государственный долг, долговая нагрузка, долговая политика.

Наминова К. А. Экологическое страхование как инструмент обеспечения устойчивого развития России

В статье описываются преимущества возмещения экологических убытков через механизм страхования, рассматривается эволюция подхода к страхованию рисков нанесения вреда окружающей природной среде.

Ключевые слова: устойчивое развитие, природопользование, экологическое страхование, экологические риски, страховое событие.

СОЦИОЛОГИЯ

Страдзе А. Э. Социальная активность и идентификационные тренды в российском обществе

В статье на основе социологического материала осуществлена попытка осмысления идентификационных трендов в контексте социальной активности россиян. Автор отмечает, что в российском обществе становится очевидной тенденция формирования новых социальных идентичностей.

Ключевые слова: социальная активность, социальная идентичность, идентификационный тренд, социальная солидарность, идентичности микро - и макроуровней.

Чурюмова Д. М. Основные тенденции в демографическом процессе населения Республики Калмыкия

В статье описываются основные тенденции в демографическом процессе населения в Республике Калмыкия. Автором сделан вывод о том, что демографическая ситуация в республике требует пристального внимания со стороны органов власти.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, миграция, население, демографические проблемы.

Винокурова Д. М. Мигрантские сообщества: факторы консолидации (на материалах Республики Саха (Якутия))

В статье анализируются этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера. Автор делает вывод, что консолидация мигрантов и местных жителей в городах Ленск, Мирный, Якутск зависит от длительности их пребывания, условий вступления в семейно-брачные отношения, формируемых ожиданий благополучия/препятствия в обустройстве в местах пребывания.

Ключевые слова: миграция, коммуникативное окружение, ожидания благоприятствования/препятствия в обустройстве.

Denisova S. Regional Debts: Analysis and Prospects

The article deals with the dynamics of volume of state debt of the regions. Emphasis is on peaced the issues of increasing the role of debt policy and effective management by the part of authorities, taking into account new conditions and tasks.

Keywords: state debt, debt load, debt policy.

Naminova K. Environmental Insurance as a Tool of Providing Sustainable Development of Russia

The article describes advantages of restitution of ecological negative profits through mechanism of insurance, deals with the evolution of approach to insurance for nature use understand environmental risks.

Keywords: sustainable development, environmental management, environmental insurance, environmental risks, the insurance event.

SOCIOLOGY

Stradze A. Social Activity and Identifying Trends in Russian Society

The article made identifying trends in the context of the social activity of Russians. The author notes that it becomes apparent tendency to form new social identities in Russian society.

Keywords: social activity, social identity, identification trend, social solidarity, identity of micro and macro - levels.

Churyumova D. Main Trends in the Demographical Process of Population of the Republic of Kalmykia

The article describes the main trends in process of population in the Republic of Kalmykia. The author concludes that the demographic situation in the republic requires close attention the from authorities.

Keywords: birth-rate, mortality, migration, population, demographic problems.

Vinokourova D. Migrant Communities: Factors of Consolidation (according to the towns of Republic of Sakha (Yakutia))

The article examines the ethnic and social transformation under the conditions of intensive industrial development of the North. The author concludes that the consolidation of migrants and residents in towns Lensk, Mirny, Yakutsk depends on the duration of their stay, conditions for entering into the family and marriage relationships, formed expectations of **welfare** / obstacles setting up in places of stay

Keywords: migration, communicative environment, well-being expectations of prosperity / obstacles in setting up in places of stay.

БИОЛОГИЯ

Инджеева Л. А., Бакташева Н. М. Биологические особенности и структура природных ценопопуляций *Iris scariosa* Willd. ex. Link

В статье определены современный ареал вида *Iris scariosa* Willd. ex Link в Республике Калмыкия, эколого-ценотическая приуроченность ириса кожистого, жизненные циклы и сезонный ритм его развития, пространственная и возрастная структура. Исследованы репродуктивные аспекты вида (семенное и вегетативное размножение). Предложены мероприятия по сохранению и использованию его внутривидового разнообразия.

Ключевые слова: ирис кожистый, распространение, сезонный ритм развития, семенное и вегетативное размножение, редкий вид, Республика Калмыкия.

Бакташева Н. М., Хазыкова Н. Б. Особенности сезонного развития псаммофильной растительности в Черноземельском районе Республики Калмыкия

В статье рассматриваются особенности сезонного развития основных псаммофильных сообществ в Черноземельском районе Республики Калмыкия. Описаны аспекты, построены кривые вегетации и цветения, изучены феноритмотипы доминантных видов сообществ.

Ключевые слова: феноритмотипы, псаммофильные сообщества.

BIOLOGY

Indzheeva L., Baktasheva N. Biological peculiarities and Structure of Natural Populations of *Iris Scariosa* Willd. ex. Link

The article defines the modern area of species of *Iris scariosa* Willd. ex Link in the Republic of Kalmykia, the ecological and coenotic confoundedness of iris leathery, life cycles and seasonal rhythm of its development, regional and age structure. It investigates the reproductive aspects of the species (seed and vegetative reproduction). The measures for the conservation and the usage of its intraspecific diversity are proposed.

Keywords: iris leathery, distribution, seasonal rhythm of development, seed and vegetative reproduction, exotic species, Republic of Kalmykia.

Baktasheva N., Hazykova N. Peculiarities of Seasonal Development of Psammophilous Vegetation in the Chernozemelskiy District of the Republic of Kalmykia

The article describes peculiarities qualities of the seasonal development of the main psammophilous communities of Chernozemelskiy district of the Republic of Kalmykia. There are described aspects, builds the curves of the vegetation and flowering and studies phenorhythmotypes of the main dominant species of communities.

Keywords: phenorhythmotypes, psammophilous communities.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Азыдова Анастасия Валериевна — аспирант экономического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва). E-mail: a.azydova@gmail.com.

Anastasia Azydova — post-graduate student of Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University (Moscow). E-mail: a.azydova@gmail.com.

Бадмаева Екатерина Николаевна — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Ekaterina Badmaeva — Ph. D. of History, associate professor, Deputy Director of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Бакташева Надежда Мацаковна — доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и зоологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: Baktashevanm@yandex.ru.

Nadezhda Baktasheva — Ph. D. of Biology, professor of Department of Botany and Zoology of the Kalmyk State University. E-mail: Baktashevanm@yandex.ru.

Басангова Тамара Горяевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: basangova49@yandex.ru.

Tamara Basangova — Ph. D. of Philology, leading research worker of the Literature, Folklore and Dzhangar Studies Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: basangova49@yandex.ru.

Батырева Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Музея калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: sargerel@mail.ru.

Svetlana Batyreva — Ph. D. of Art Studies, leading research worker of Zaya-pandita's Museum of the Kalmyk traditional culture of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: sargerel@mail.ru.

Богзыков Юрий Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Калмыцкого научно-исследовательского института сельского хозяйства Россельхозакадемии (Элиста). E-mail: bys_kniish@mail.ru.

Jury Bogzykov — Ph. D. of Economics, associate professor, Deputy Director of the Kalmyk Research Institute of Agriculture of the Russian Academy of Agriculture (Elista). E-mail: bys_kniish@mail.ru.

Бородин Александр Иванович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Теория финансов» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва). E-mail: aib-2004@yandex.ru.

Alexander Borodin — Ph. D. of Economics, professor of Department Theory of Finance of Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow). E-mail: aib-2004@yandex.ru.

Винокурова Декабрина Михайловна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск). E-mail: dorofdm1@yandex.ru.

Dekabrina Vinokurova — Ph. D. of Pedagogics, associate professor, senior research worker of Institute of Humanitarian Researches and Problems of the Indigenas People of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk). E-mail: dorofdm1@yandex.ru.

Глушкова Татьяна Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск). E-mail: dis555gts@mail.ru.

Головко Николай Васильевич — кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института педагогики Национальной академии педагогических наук Украины (Киев). E-mail: lab_mf@ukr.net.

Гунаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Емгушева Энни Владимировна — аспирант кафедры экономики и предпринимательства Калмыцкого филиала Московской академии экономики и права (Элиста). E-mail: ennakkai@mail.ru.

Джунджузов Степан Викторович — кандидат исторических наук, доцент Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург). E-mail: Djund@yandex.ru.

Джушхинова Кермен Анджаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: kermen04@mail.ru.

Денисова Саглар Андреевна — аспирант кафедры менеджмента и финансов Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: sagaden@mail.ru.

Иванова Джиргал Александровна — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Инджеева Людмила Алексеевна — преподаватель химии и экологии филиала Южного федерального университета (Элиста). E-mail: liudmila.ind@mail.ru.

Клюшин Павел Васильевич — студент Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург). E-mail: info@rhga.ru.

Tatiana Glushkova — Ph. D of Philology, associate professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Omsk F. Dostoevsky State University (Omsk). E-mail: dis555gts@mail.ru.

Nikolai Golovko — Ph. D. of Pedagogics, associate professor, leading research worker of Institute of Pedagogy of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine (Kiev). E-mail: lab_mf@ukr.net.

Evgeniy Gunaev — Ph. D. of Jurisprudence, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Ennie Emgusheva — post-graduate student of Economics and Entrepreneurship of the Kalmyk Branch of the Moscow Academy of Economics and Law (Elista). E-mail: ennakkai@mail.ru.

Stepan Dzhundzhuzov — Ph. D. of History, associate professor of the Orenburg State Pedagogical University (Orenburg). E-mail: Djund@yandex.ru.

Kermen Dzhushkhinova — Ph. D. of Philology, associate professor of the Russian and General Linguistics Department of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: kermen04@mail.ru.

Saglara Denisova — post-graduate student of Management and Finances Department of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: sagaden@mail.ru.

Dzhirgal Ivanova — post-graduate student of the Department of the Russian and Foreign Literature of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Liudmila Indzheeva — teacher of chemistry and ecology of the Branch of the Southern Federal University (Elista). E-mail: liudmila.ind@mail.ru.

Pavel Kliushin — student of the Russian Christian Humanitarian Academy (St. Petersburg). E-mail: info@rhga.ru.

Конорев Виктор Васильевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и налогообложения Курского государственного университета (Курск). E-mail: zarab79@mail.ru.

Viktor Konorev — Ph. D. of Economics, associate professor of the Department of Finance, Credit and Taxation of the Kursk State University (Kursk). E-mail: zarab79@mail.ru.

Лиджиева Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

Irina Lidzhieva — Ph. D. of History, research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, заведующий отделом истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Konstantin Maksimov — Ph. D. of History, Head of the Department of History, Archeology and Ethnology of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Маркасова Елена Валерьевна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: markasovaelena@yandex.ru.

Elena Markasova — Ph. D. of Philology, associate professor of the Russian Language Department of the Saint-Petersburg State University (St. Petersburg). E-mail: markasovaelena@yandex.ru.

Мызникова Янина Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: janinam@mail.ru.

Yanina Myznikova — Ph. D. of Philology, senior lecturer of Russian Language Department of the Saint-Petersburg State University (St. Petersburg). E-mail: janinam@mail.ru.

Наминова Кермен Антоновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и финансов Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: kermen.09@yandex.ru.

Kermen Naminova — Ph. D. of Economics, associated professor of Department of Management And Finance of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: kermen.09@yandex.ru.

Салыкова Валерия Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры калмыцкого языка и монголистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: syakhlya@elista.ru.

Valeriya Salykova — Ph. D. of Philology, associate professor of Department of the Kalmyk Language and Mongolian Studies of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: syakhlya@elista.ru.

Санчилов Владимир Петрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: kigiran@elista.ru.

Vladimir Sanchirov — Ph. D. of History, leading research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: kigiran@elista.ru.

Страдзе Александр Эдуардович — директор Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Министерства образования и науки Российской Федерации (Москва). E-mail: ippk2004@yandex.ru.

Alexander Stradze — Director of the Additional Education, Training and Youth Policy Department of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Moscow). E-mail: ippk2004@yandex.ru.

Хазыкова Наталья Борисовна — аспирант кафедры ботаники и зоологии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: Natalia2784@yandex.ru.

Natalia Hazykova — post-graduate student of Department of Botany and Zoology of the Kalmyk State University. E-mail: Natalia2784@yandex.ru.

Ханинова Римма Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Rimma Khaninova — Ph. D. of Philology, associate professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: rhaninova@mail.ru.

Цуцулаева Сапият Сайпутдиновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Чеченского государственного университета (Грозный). E-mail: mail@chesu.ru.

Sapiyat Tsutsulaeva — Ph. D. of History, associate professor of History of the Ancient World and Middle Ages Department of the Chechen State University (Grozny). E-mail: mail@chesu.ru.

Чурюмова Деляш Михайловна — заместитель начальника отдела статистики труда, населения, здравоохранения, уровня жизни и обследования домашних хозяйств Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия (Элиста). E-mail: aldardayana@yandex.ru.

Deliach Churyumova — Deputy Head of the Department of Statistics of Labor, Population, Health, Living Standards and the Survey of Household of Territorial body of the Federal State Statistics Service of the Republic of Kalmykia (Elista). E-mail: aldardayana@yandex.ru.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полупуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисовочных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 2, 2013

Сдано в набор 10.06.2013. Подписано в печать 21.06.2013. Формат бумаги 60х84¹/₈.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,8. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8).